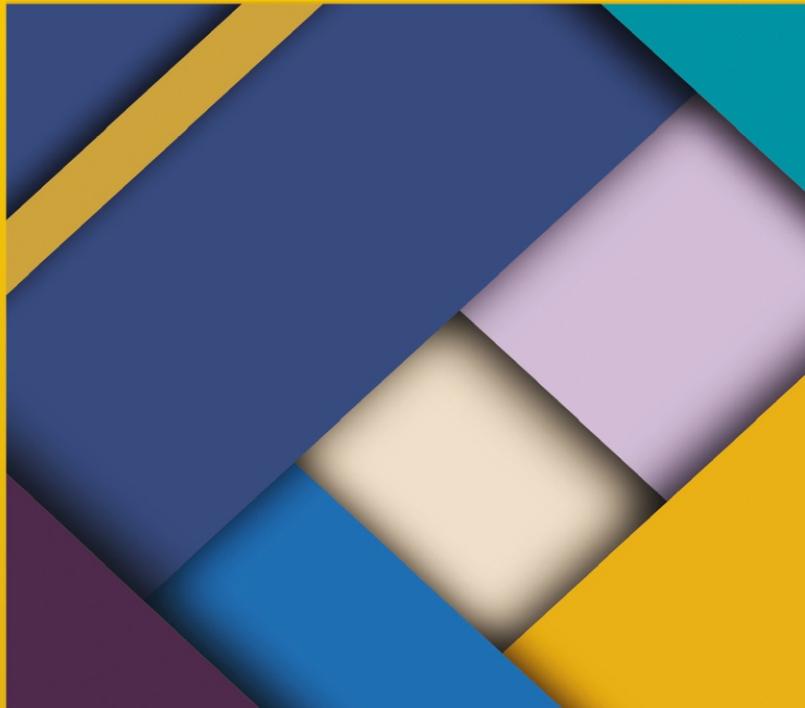

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 13, Number 4
2021

ISSN 2077-1770 (print)
ISSN 2218-7405 (online)

Современные исследования социальных проблем

Том 13, № 4
2021

Modern Studies of Social Issues

Volume 13, Number 4
2021

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2021

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 13, № 4, 2021 / Vol. 13, No 4, 2021

<p>Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр</p> <p>Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.</p> <p>Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук</p> <p>Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань</p> <p>Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088</p>	<p>Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House</p> <p>Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010.</p> <p>Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses</p> <p>Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan'</p> <p>Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/</p> <p>Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088</p>
--	---

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2021

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-14-31

УДК 94:39(571.6)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДОВ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ИНДИГЕННЫХ НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГГ.***Ахметова А.В., Бобышев С.В.*

Обоснование. В статье представлена общая характеристика деятельности передвижных отрядов Российского общества Красного Креста (РОКК) и их роль организации системы обеспечения здоровья малочисленных этносов Дальнего Востока в 1920-е гг., дается оценка их деятельности в рамках проведения советской национальной политики.

Цель. В статье выявлено и рассмотрено значение передвижной формы организации медико-санитарной помощи аборигенам как первого этапа становления советской системы здравоохранения в удаленных регионах.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили документы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Хабаровского края. При анализе материала были использованы традиционные методы исторического исследования, такие как проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-типологический.

Результаты. Благодаря деятельности отрядов РОКК, были существенно уточнены данные, а в отдельных районах получена статистика о распространении различных заболеваний, об осо-

бенностях образа жизни индигенных народов, оказана первичная медицинская помощь коренному населению, проводилось обучение его элементарным санитарно-гигиеническим навыкам, приемам первой медицинской помощи.

Область применения результатов. Научные результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе (в виде учебных пособий, курсов лекций) по этнографии, истории Дальнего Востока России и т.д.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста; индигенные народы; Дальний Восток; передвижной отряд; медицинская экспедиция; обеспечение здоровья; система здравоохранения

THE ACTIVITIES OF THE UNITS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE RED CROSS AND THEIR INFLUENCE ON THE HEALTH STATE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST IN THE 1920S.

Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.

Background. *The article provides a general description of the activities of the mobile units of the Russian Red Cross Society (ROKK) and their role in organizing a system for ensuring the health of small ethnic groups in the Far East in the 1920s, an assessment of their activities in the framework of the Soviet national policy is given.*

Purpose. *The article identifies and examines the importance of a mobile type of organizing medical and sanitary care for aborigines as the first stage in the formation of the Soviet health care system in remote regions.*

Materials and methods. *The material for the study is the archival documents of the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Khabarovsk Krai. The traditional methods of historical research were used through analyzing the material, such as chronological, historical-systemic and comparative-typological.*

Results. *Due to the activities of the ROKK units, the data are significantly refined, and in some regions, statistics are obtained on the spread*

of various diseases, on the peculiarities of the lifestyle of indigenous peoples, primary medical care is provided to the indigenous population, and basic sanitary and hygienic skills and first aid techniques were trained.

Practical implications. *The scientific results of the research can be used in the educational process (in the form of textbooks, lecture courses) on ethnography, history of the Russian Far East, etc.*

Keywords: *the Russian Red Cross Society; indigenous peoples; the Far East; mobile units; medical expedition; health care; health care system*

Введение

Цель. В статье выявить и рассмотреть значение передвижной формы организации медико-санитарной помощи аборигенам как первого этапа становления советской системы здравоохранения в удаленных регионах Дальнего Востока.

Актуальность. Стационарная медицинская помощь долгое время была недоступна для коренного населения Дальнего Востока. Начальным этапом установления регулярной медицинской помощи кочевым и оседлым аборигенам стала организация передвижных врачебных отрядов. В данной статье исследована деятельность передвижных врачебных отрядов Российского общества Красного Креста, действовавших в 1920 гг. на Дальнем Востоке СССР. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов проанализирована государственная политика по обеспечению коренных народов медицинской помощью, обозначены трудности в организации эффективной работы отрядов, дана общая оценка ее результатов.

Процесс медиализации национальных районов Дальнего Востока происходил в период становления системы обеспечения здоровья аборигенов. Передвижные отряды и медицинские экспедиции осуществляли не только свои непосредственные функции, но и проводили научно-исследовательские, воспитательные и просветительские мероприятия по изменению быта аборигенного населения, причем зачастую открыто агитировали его за советскую

власть. Таким образом, осуществлялось «втягивание» аборигенов во вновь нарождающуюся систему здравоохранения и усиление медицинского контроля в сфере семейно-бытовой жизни [14]. Медикализация являлась важнейшим механизмом трансформации семейно-бытовой жизни малочисленных этносов в период социалистической модернизации. Проводимые мероприятия оказывали дисциплинирующее воздействие на аборигенов и без использования принудительных методов вовлекали коренное население в новое советское общество [2].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили документы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Хабаровского края. При анализе материала были использованы традиционные методы исторического исследования, такие как проблемно-хронологический, историко-системный и сравнительно-типологический. С помощью метода социальной истории медицины [13; 15; 16; 17] исследуются динамика социально значимых заболеваний коренных этносов, особенности взаимодействий между медиками и пациентами, возникновение новых форм обеспечения здоровья в регионе. Особый акцент сделан на изучении методов борьбы с эпидемиологическими заболеваниями, характерными для коренного населения.

Результаты и обсуждение

В ходе историографического анализа проблематики был отмечен вклад в ее разработку как советских ученых В.Г. Балицкого [4], Г.К. Бубниса и С.П. Нефедовой [5], А.Ю. Завалишина [8], М.С. Кузнецова [10] и др., так и современных ученых В.В. Подмаскина [11], Т.А. Князькиной [9], В.В. Гончара [6], А.И. Гореликова [7], Л.Н. Хаховской [12] и др. В работах многих ученых освещается роль государства в создании системы здравоохранения в национальных регионах, дается оценка медицинской и санитарно-гиги-

енической помощи коренным народам Дальнего Востока. Однако практическая работа передвижных медицинских отрядов остается малоизученной.

Согласно переписи 1926 г., общая численность малочисленных этносов на российском Дальнем Востоке была 49,902 чел., при этом большинство аборигенов проживало в северных районах региона (Государственный архив Российской Федерации, далее ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 352. Л. 137). Специфические природно-климатические условия, отдаленность территорий от центра стали серьезным препятствием для осуществления интеграции коренных народов во вновь созданное советское общество.

До 1922 г. на коренное население очень мало обращали внимания, аборигены были предоставлены сами себе, по-прежнему придерживаясь автохтонного образа жизни, совершенно далекие от какой-либо культуры, и в частности, совершенно не знакомые с медициной. В национальных районах широко распространились инфекционные заболевания, которые и при советской власти не были сразу побеждены. Медицинские пункты располагались только в губернских и уездных центрах. Удаленные территории, где проживали аборигены, не были охвачены медицинской сетью [1; 7].

На Сахалине русская колонизация и период японской оккупации, в связи с хищническими приемами ловли рыбы и зверя, вызвали резкое уменьшение улова и сыграли большую роль в процессе объединения аборигенов. Все эти тяжелые условия, как быта, так и экономики, в которых существовали аборигены, губительно отразились на их здоровье, в том числе и молодого населения. Реальной врачебной помощи не оказывалось. Производилась эпизодически прививка оспы, а также был сделан объезд отдельных районов в 1907 г. доктором Штейнбергом (Государственный архив Хабаровского края, далее ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 23).

Только с установлением советской власти начинается работа среди аборигенного населения. Но ввиду финансовой ограниченности власти не были в состоянии реализовать свои планы по становлению медицинской сети в национальных районах. Поэтому

аборигенное население оставалось без элементарной медицинской помощи и продолжало пользоваться помощью шаманов, в которых верило и поклонялось. Очень были распространены разнообразные массовые бытовые и социальные болезни среди аборигенов, связанные с их образом жизни и своеобразным отношением к лечению (ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 31).

В мае 1925 г. с целью налаживания этнокультурных контактов новой власти с традиционными этносами был создан Дальневосточный комитет содействия народностям северных окраин, возглавляемый Я.Б. Гамарником (РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 744. Л. 88). Новый орган власти был призван осуществлять культурно-просветительскую работу среди аборигенов, а также контролировать их медицинско-санитарное и товарное обеспечение. «С целью предупреждения эпидемии оспы среди коренных народностей в 1925 г. Дальревком ввел обязательные прививки; благодаря решительным мерам были ликвидированы эпидемии кори и скарлатины» [9, с. 104].

Наиболее рациональной формой обеспечения медико-санитарной помощью аборигенов стали подвижные лечебные отряды. Здесь большое значение имеет деятельность Российского общества Красного Креста (РОКК), проводившее лечебно-профилактическую и исследовательскую работу. Первые его организации на Дальнем Востоке возникли еще в конце 1922 г., когда были созданы 152 первичные ячейки РОКК, в члены общества вступило 20 организаций и до 8000 чел. [8, с. 46].

РОКК объявило своей задачей расширение лечебной сети среди коренных народов, одновременно изучая их быт, ведя санитарно-просветительскую и научную работу. «Для развертывания работы общество получило ассигнования из резервного фонда Совета народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР), и с этого момента начало работать вместе с Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР (НКЗ РСФСР) в плановом порядке, разрабатываемом в особой оздоровительной комиссии при Комитете Севера» [9, с. 178].

В 1924–1925 гг. оздоровительная комиссия Комитета Севера разработала планово-финансовую смету мероприятий первых пе-

редвижных отрядов. При этом деятельность РОКК во многом зависела от власти на местах. Например, в письме Дальневосточного отделения РОКК в 1926 г. указывалось на то, что «никаких финансовых средств из краевого бюджета отделению РОКК не выделялось, несмотря на острую необходимость в открытии новых медицинских учреждений» (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 154. Л. 135).

Функционировали в данный период следующие отряды:

1) Врачсанотряд на Камчатке, состоявший из 4 чел. (врача, фельдшера, фельдшерицы-акушерки и санитаря), снабженный необходимым инвентарем, медикаментами и деньгами на целый год. Отряд, проработав с декабря по июнь 1924–1925 гг. и объехав все западное побережье Камчатки, должен был прервать свою работу из-за наступившей распутицы и отсутствия средств. В августе 1925 г., получив поддержку Комитета Севера, отряд был вновь сформирован, и, развернув стационар на 5 коек, выехал в один из очагов сифилиса по Западному побережью.

2) В 1924 г. был организован Буреинский отряд для работы среди эвенков и якутов Амурского района. Отряд состоял из 3 чел. (врача, фельдшера и санитаря). Отрядом для большего ознакомления с районом и бытом населения было совершено несколько поездок в Тырминский, Ниманский, Верхне-Амгунский и другие национальные районы. Была организована в поселке Чекунда изба-читальня, в которой по воскресным дням читались лекции и велись собеседования. Но за отсутствием средств, которые требовались на переезды, превышающие сметные предположения, отряд пришлось расформировать и по настоянию жителей и местных властей оставить там одного фельдшера, ведущего амбулаторный прием.

3) В октябре 1926 г. был послан отряд в Хабаровский округ к нанайцам, организован фельдшерский пункт в Николаевском-на-Амуре округе среди нивхов, а также отправлен на Северный Сахалин врачебно-санитарный отряд. Им было обследовано 400 аборигенов, у них были выявлены сифилис – 17 чел., туберкулез – 37 чел., трахома – 15 чел.

В задания отряда, кроме бытового обследования и санитарно-просветительской работы, входила амбулаторная помощь и по-

головная прививка оспы. Ввиду того, что в некоторых районах, как, например, восточном, население было разбросано, создавать амбулатории не приходилось. Отряд объезжал каждое стойбище, заходя в каждую юрту, прививал оспу и осматривал по возможности всех нивхов. Объезжая кочевые стойбища эвенов и эвенков, ему приходилось делать разъезды в тайгу, так как аборигены почти все время передвигались со своими оленями и легкими палатками.

Несмотря на почти полное отсутствие врачебной помощи аборигенам, лечащих шаманов почти не осталось. Они скорее исполняли религиозные обряды. Вера в шаманство была почти изжита. Те амулеты и фигурки, с помощью которых раньше лечили, сейчас они довольно охотно отдают.

В стойбище Пыево (о. Сахалин) находилась аптека одной из знахарок, в состав медикаментов которой входили следующие предметы: челюсть от щуки, кость птицы, толченные мотыльки и пр. Конъюнктивиты лечились вылизыванием; раны перевязывались чем-то вроде корпии, в особенно серьезных случаях шаманов выписывали с материка (ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 36).

Благодаря деятельности указанных отрядов были систематизированы сведения о заболеваемости представителей индигенных народов. Большой процент заболеваний среди коренного населения приходился на сифилис, трахому и туберкулез. Из обследованных 1542 чел. поражено: сифилисом – 16,14%, трахомой – 13,85%, туберкулезом – 14,8%, анемией – 26,4%, золотухой – 44,3%.

Трахома, как и все болезни социального характера, имеет историческую давность; из-за отсутствия специальной помощи получила форму разнообразного поражения глаз, трудно поддающегося лечению, и служила одной из причин распространения дефектов глаз, кроме травматических повреждений и последствий оспы.

Из других болезней наибольшее число падало на заболевания костей и суставов – ревматизм (129 чел.). Ненадлежаще велся учет заболеваний женских половых органов, где требовался особый подход, вследствие не всегда доброжелательного отношения населения. При отсутствии специальной помощи при родах процент заболе-

ваемости был довольно высок. Всего зафиксировано 65 случаев (ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 36).

В 1925 – 1926 гг. Дальневосточный Комитет РОКК организовал следующие медицинские мероприятия: в Тигильском районе (Камчатка) – стационарный медицинский отряд; в селе Верещагино (о. Сахалин) – передвижной медицинский отряд; в села Аян-Охотск-Ола (на Охотском побережье) – передвижной медицинский отряд; с. Какорма (Николаевский-на-Амуре округ) – фельдшерско-акушерский пункт; с. Чекунда (Буреинский район) – фельдшерско-акушерский пункт; Торгонский район – медицинский отряд (РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 100. Л. 150).

Сотрудники отрядов работали в очень тяжелых условиях: при недостатке финансирования, лекарств, а также помещений для медицинских пунктов. Органы власти были заняты проблемами преобразования края и не могли помочь им. Почти полностью отсутствовали сведения о местных заболеваниях, а приезжий медицинский персонал не был готов работать в суровых климатических условиях. К этим трудностям добавились территориальные особенности: отсутствие дорог, удаленность населенных пунктов, разобщенность кочевого населения на огромных территориях, неизвестность путей и сроков кочевания (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 385. Л. 6).

По плану Дальневосточного Комитета РОКК необходимо было организовать для народов Севера 13 отрядов, распределение которых по округам было следующим: Камчатский – 2, Сахалинский – 1, Николаевский-на-Амуре – 3, Хабаровский – 2, Благовещенский – 2, Зейско-Алданский – 1, Сретенский – 1, Читинский – 1. Стоимость годовой работы отряда составляла около 14 тыс. р. (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 154. Л. 142).

В целом, на Дальнем Востоке с 1926 по 1929 гг. работал 31 передвижной врачебный отряд, 25 из которых действовали по линии Красного Креста, 6 – по линии Наркомздрава. На здравоохранение было отпущено 411 367 р. (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 280. Л. 31). Однако стационарная сеть являлась недостаточной для обслуживания коренного населения. Такие факторы, как отсутствие подходящих

зданий и средств на строительство, препятствовали открытию новых медицинских учреждений (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 29. Л. 169).

В отчетных документах медицинских экспедиций сохранились противоречивые данные по заболеваниям зубов у аборигенов. Например, «в 1929 г. врачебно-санитарный отряд Далькрайздрави по обследованию нанайцев отмечал, что всего было осмотрено 470 чел., из которых выявлено 8 случаев болезней зубов. Врач другого передвижного медицинского отряда писал, что большинство сахалинских аборигенов страдало тяжелыми заболеваниями челюсти, ставших следствием запущенных зубных болезней. Фельдшер Командорского архипелага отмечал, что единственным лечением больных зубов на Севере является удаление, поэтому аборигены предпочитают терпеть боль, но не лишаться зубов» [6, с. 98].

В Ада-Тымовском районе (о. Сахалин) из 1214 осмотренных нивхов было зарегистрировано 381 больных. Почти треть населения нивхов больна. Туберкулез – традиционный бич аборигенного населения, вступивших в соприкосновение с цивилизацией. Всего случаев туберкулеза обнаружено 124. Т.е. 10% всех осмотренных нивхов.

Эти данные подтверждаются работами врачебных отрядов среди аборигенов России в Архангельской губернии и недавними исследованиями коренного населения Охотского побережья (ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 24-25).

За туберкулезом шли кожные заболевания (чесотка, стригущий лишай, парша), т.е. причины в большинстве случаев кроются в бытовой нечистоплотности.

Сифилис и венерические заболевания дали сравнительно небольшую цифру (32 случая). Часты глазные заболевания: было выявлено 58 случаев трахомы и конъюнктивита.

При рассмотрении каждого района в отдельности видно, что Ада-Тым дал, кроме высокого процента туберкулеза, почти 2/3 заболеваний сифилисом (16 случаев из 24). Эти случаи недавнего происхождения (вторичный сифилис) и обнаружены они в двух стойбищах с незначительным населением, причем пораженными являются целые семьи. По данным дореволюционного периода [10],

нивхи не страдали венерическими заболеваниями. Обособленность и запрет по их законам всяческого общения с русскими помог создать условия, не давшие проникнуть в их среду венерическим заболеваниям. За время японской оккупации произошли изменения условий, результатом которых стало появление в среде нивхов новых болезней. Кроме Ада-Тымовского района (где имелись в прошлом японские посты и предприниматели), обнаружены отдельные случаи сифилиса около Ноглика и Александровска, в остальных районах их почти не было.

Здесь имеется высокий процент туберкулезных (на 188 проживающих в районе нивхов – 26 случаев). Большую роль в этом сыграла эксплуатация русскими колонистами аборигенов и их резкое обеднение (ГАХК. Ф. Р-939. Оп. 1. Д. 27. Л. 24-25).

Самым сложным в работе первых врачебных отрядов было завоевать доверие аборигенов. При первом появлении врачей среди коренного населения наблюдалась определенная доля подозрительности, о чем свидетельствуют воспоминания медицинских работников: «...начинать работу было очень трудно <...> первые наши шаги были встречены очень неприязненно. Только упорная разъяснительная работа, систематические собеседования, постепенное ознакомление с языком, а также несколько удачных случаев излечения дали возможность разбить, рассеять то недоверие, которое делало для нас работу в тундре совершенно недоступной» [6, с. 91]. Постепенно коренное население убеждалось в том, что врачи приехали помочь им без всякой корыстной цели. Между ними и медицинским персоналом устанавливались комфортные отношения. Люди соглашались на обследование, прививание оспы, зачастую принимали препараты, доверяя их действию. Врачи убеждали обитателей тундры в необходимости обращения за помощью к врачу, а не к шаману, доказывали на практике полезность медикаментов и бесполезность «врачевания» шаманов, прививали коренному населению навыки соблюдения личной и общественной гигиены, учили жителей тундры пользоваться предметами быта.

В 1928 г. пленум Комитета Севера принял решение об организации медицинских стационарных пунктов в компактно населенных и отдаленных районах. Основной формой медицинской помощи должны были стать стационарная база в административном центре проживания малочисленных этносов и культбаза с разъездным персоналом.

Заключение

Необходимо признать, что результативность передвижной формы организации системы обеспечения здоровья индигенных этносов была временной. Проработав свой срок, отряд возвращался, и население оставалось без медицинской помощи. Такая ситуация не имела долгосрочной перспективы. Кратковременные приезды в национальные стойбища давали общую картину заболеваемости, при этом зачастую «подрывали» авторитет советской медицины. Врачи отказывали в полном курсе лечения и ограничивались консультацией и выдачей лекарств. Также передвижные отряды имели множество разноплановых задач, высокую интенсивность и большой объем работы, вследствие чего снижалась ее эффективность.

Несмотря на эти негативные факторы, отряды РОКК проводили очень значимую тяжелую, кропотливую работу по обеспечению здоровья труда и быта аборигенов. Благодаря их деятельности, были существенно уточнены данные, а в отдельных районах получена статистика о распространении различных заболеваний, об особенностях образа жизни индигенных народов, оказана первичная медицинская помощь коренному населению, проводилось обучение его элементарным санитарно-гигиеническим навыкам, приемам первой медицинской помощи. Результатом медицинских исследований стало осознание властями необходимости медицинской помощи по ряду заболеваний в прямой зависимости от района проживания коренных народов.

В целом, деятельность отрядов РОКК способствовала изучению характера и особенностей болезней аборигенов, выявлению очагов

эпидзаболеваний, разработке методов борьбы с ними, первичному обследованию жителей тундры и созданию необходимых рекомендаций органам власти [3].

Именно в данный период складывались предпосылки последующей трансформации медико-социального статуса аборигенов, начато постепенное воплощение идеи интеграции их с русским образом жизни. В дальнейшем был учтен опыт отрядов в определении наиболее рациональных форм организации медицинской помощи кочевому и оседлому коренному населению.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00023.

Список литературы

1. Ахметова А.В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-3 (8). С. 16-18.
2. Ахметова А.В. Метод социальной истории медицины и его применение в исследовании советской системы здравоохранения малочисленных этносов Хабаровского края // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Труды VI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 48-53.
3. Ахметова А.В. Проблемы медицинского обслуживания традиционных этносов дальнего востока в период становления национальной политики советского государства (20-е гг. XX века) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2013. Т. 2. № 1 (13). С. 14-17.
4. Балицкий В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму. М.: Мысль, 1969. - 221 с.
5. Бубнис Г.К., Нефедова С.П. Социалистические преобразования в Корякском национальном округе. М.: Наука, 1981. 137 с.
6. Гончар В.В. Особенности организации зубоврачебной помощи коренным жителям Дальнего Востока России (конец 1920-х – начало

- 1940-х гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2015. № 4. С. 97-101.
7. Гореликов А.И. Имперский механизм законодательства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2. № 2 (26). С. 72-75.
  8. Завалишин А.Ю. Об истоках современных проблем народов Сибири и Дальнего Востока // История СССР. 1991. № 3. С. 50-63.
  9. Князькина Т.А. Деятельность передвижных врачебных отрядов на крайнем Северо-Востоке СССР в 1920-1930-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 176. С. 177-184.
  10. Кузнецов М. С. Народное здравоохранение на Дальнем Востоке в 1922-1937 гг. // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири / Под редакцией А. Т. Коняева. Вып. 5. Томск: Издательство Томского университета, 1967. С. 39-58.
  11. Подмаскин В.В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2012. № 2. С. 102-110.
  12. Хаховская Л.Н. Модернизация традиционного образа жизни чукотских оленеводов в советский период // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве. Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. 2017. С. 149-153.
  13. Conrad P. The shifting engines of medicalization // Understanding Deviance: Connecting Classical and Contemporary Perspectives. 2014. P. 185-196.
  14. Ebanda R.O., Michieka R.W., Otieno D.J. A cultural paradigm shift in Central Africa: Sociocultural determinants and cultural dimensions // International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies. 2019. Vol. 14(1). P. 83-99.
  15. Hogarth S., Miller F.A. Governing medical technology // Routledge International Handbook of Critical Issues in Health and Illness. 2021. P. 47-58.

16. Karlsson B.G. Indigenous politics: Community formation and indigenous peoples' struggle for self-determination in Northeast India // *Identities*. 2001. № 8(1). P. 7-45.
17. Nye R. A. The Evolution of the Concept of Medicalization in the Late Twentieth Century // *Journal of History of the Behavioral Sciences*. 2003. Vol. 39. №2. P. 117.

References

1. Akhmetova A.V. Medicinskoje obsluzhivanie i ustrojstvo byta korenogo naselenija Chukotki v dorevoljucionnyj period [Medical care and domestic life of the indigenous population of Chukotka in the pre-revolutionary period]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2011, no. 2-3 (8), pp. 16-18.
2. Akhmetova A.V. Metod social'noj istorii mediciny i ego primenenie v issledovanii sovetskoj sistemy zdravoohraneniya malochislennyh jetnosov Habarovskogo kraja [The method of social history of medicine and its application in the study of the Soviet health care system of small ethnic groups in the Khabarovsk Territory]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh nauk. Trudy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of the humanities]. Evpatoria, 2020, pp. 48-53.
3. Akhmetova A.V. Problemy medicinskogo obsluzhivaniya tradicionnyh jetnosov dal'nego vostoka v period stanovlenija nacional'noj politiki sovetskogo gosudarstva (20-e gg. XX veka) [Problems of medical care for traditional ethnic groups of the Far East during the formation of the national policy of the Soviet state (20s of the XX century)]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Scientific notes of the Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2013, vol. 2, no. 1 (13), pp. 14-17.
4. Balickij V. G. *Ot patriarhal'no-obshhinnogo stroja k socializmu* [From the patriarchal communal system to socialism]. Moscow: Thought, 1969, 221 p.

5. Bubnis G.K., Nefedova S.P. *Socialisticheskie preobrazovaniya v Koryakskom nacional'nom okruge* [Socialist transformations in the Koryak National Okrug]. Moscow: Science, 1981, 137 p.
6. Gonchar V.V. Osobennosti organizacii zubovrachebnoj pomoshhi korennyim zhiteljam Dal'nego Vostoka Rossii (konec 1920-h – nachalo 1940-h gg.) [Features of the organization of dental care for the indigenous inhabitants of the Russian Far East (late 1920s – early 1940s)]. *Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal* [Far Eastern medical journal], 2015, no. 4, pp. 97-101.
7. Gorelikov A.I. Imperskij mehanizm zakonodatel'stva v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [The imperial mechanism of legislation in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. *Uchenye zapiski Komsomol'sko-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Scientific notes of the Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2016, vol. 2, no. 2 (26), pp. 72-75.
8. Zavalishin A.Ju. Ob istokah sovremennykh problem narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [On the origins of modern problems of the peoples of Siberia and the Far East]. *Istorija SSSR* [History of the USSR], 1991, no. 3, pp. 50-63.
9. Knjaz'kina T.A. Dejatel'nost' peredvizhnykh vrachebnykh otrjadov na krajnem Severo-Vostoke SSSR v 1920-1930-e gg. [Activity of mobile medical teams in the extreme North-East of the USSR in the 1920s-1930s.]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2018, vol. 23, no. 176, pp. 177-184.
10. Kuznecov M.S. Narodnoe zdravoohranenie na Dal'nem Vostoke v 1922–1937 gg. [Public health care in the Far East in 1922 – 1937]. *Socialisticheskoe i kommunisticheskoe stroitel'stvo v Sibiri* [Socialist and communist construction in Siberia], vol. 5, Tomsk: Tomsk University Press, 1967, pp. 39-58.
11. Podmaskin V.V. Mediko-demograficheskie posledstvija jetnokul'turnykh kontaktov korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Medical and demographic consequences of ethnocultural contacts of indigenous peoples of the Russian Far East]. *Vestnik DVO RAN* [Herald of DVO RAN], 2012, no. 2, pp. 102-110.

12. Khakhovskaja L.N. Modernizacija tradicionnogo obraza zhizni chukotskih olenevodov v sovetskij period [Modernization of the traditional way of life of the Chukchi reindeer herders during the Soviet period]. *Jetnokul'turnye processy v mnogonacional'nom gosudarstve. Materialy Shestnadcatyh Mezhdunarodnyh Sankt-Peterburgskih jetnograficheskikh chtenij* [Ethnocultural processes in a multinational state. Materials of the Sixteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings]. 2017, pp. 149-153.
13. Conrad P. The shifting engines of medicalization. *Understanding Deviance: Connecting Classical and Contemporary Perspectives*. 2014, pp. 185-196.
14. Ebanda R.O., Michieka R.W., Otieno D.J. A cultural paradigm shift in Central Africa: Sociocultural determinants and cultural dimensions. *International Journal of Interdisciplinary Social and Community Studies*, 2019, vol. 14(1), pp. 83-99.
15. Hogarth S., Miller F.A. Governing medical technology. *Routledge International Handbook of Critical Issues in Health and Illness*. 2021, pp. 47-58.
16. Karlsson B.G. Indigenous politics: Community formation and indigenous peoples' struggle for self-determination in Northeast India. *Identities*. 2001, no. 8(1), pp. 7-45.
17. Nye R.A. The Evolution of the Concept of Medicalization in the Late Twentieth Century. *Journal of History of the Behavioral Sciences*. 2003, vol. 39, no. 2, p 117.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ахметова Анна Валинуровна, кандидат исторических наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательской деятельностью

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

проспект Ленина, 27, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край, 681013, Российская Федерация

unid@knastu.ru

Бобышев Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, 680000, Российская Федерация

history@festu.khv.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Akhmetova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of Research Activities Department

Komsomolsk-na-Amure State University

27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Territory, 681013, Russian Federation

unid@knastu.ru

SPIN-code: 2334-5323

ORCID: 0000-0001-9273-6311

ResearcherID: P-4508-2015

Scopus Author ID: 56185936400

Sergey V. Bobyshev, Doc. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law

Far Eastern State Transport University

47, Serysheva Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation

history@festu.khv.ru

SPIN-code: 6179-3346

ORCID: 0000-0003-3906-4012

ResearcherID: P-4513-2015

Scopus Author ID: 56902525200

Поступила 22.10.2021

После рецензирования 16.11.2021

Принята 22.11.2021

Received 22.10.2021

Revised 16.11.2021

Accepted 22.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-32-52

УДК 94 (470+571)

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Молчанова В.В.

Обоснование. Туристическая отрасль, её функционирование и развитие зависят от многих факторов. Одним из них является природно-географический. От того, какими природными ресурсами располагает регион, будет зависеть его туристическая политика. Также можно отметить, что обычно туристическую отрасль рассматривают с точки зрения инфраструктуры, культуры, политики. Природно-географический фактор относят к второстепенным или рассматривают схематично.

Цель исследования заключается в том, чтобы выделить и охарактеризовать природно-географические факторы, проанализировать, как на практике они влияют на туристическую отрасль Астраханской области.

Методы. Исследование выполнено на основе нескольких методов. Это аналитический, сравнительный, метод индукции, структурно-функциональный, метод источниковедческого анализа. Это позволило рассмотреть факторы с разных точек зрения. Были изучены документы из Государственного архива Астраханской области. Были изучены отраслевые целевые программы, посвящённые развитию туризма в Астраханской области.

Результаты. Были выделены природно-географические факторы, влияющие на туристическую отрасль в целом и Астраханского региона в частности. Тезисы, выдвинутые в начале статьи, (влияние природы и географии на туризм) были подтверждены, как в теории, так и на практике.

Область применения результатов. Материалы работы могут быть использованы в разных областях знаний. Это история, ту-

ризм, экология. Результаты могут быть использованы в исследованиях географической науки. В этот список можно добавить как историю региона, так и краеведение.

Ключевые слова: туризм; российский туризм; астраханский туризм; природные условия; экология

INFLUENCE OF NATURAL-GEOGRAPHICAL CONDITIONS ON THE FORMATION OF THE TOURIST INDUSTRY (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION)

Molchanova V.V.

Explanation. *The tourism industry, its functioning and development depend on many factors. One of them is natural-geographical. What natural resources a region has will determine its touristical policy. It can also be noted that the tourism industry is usually considered in terms of infrastructure, culture and politics. The natural and geographical factor is considered secondary or it considered schematically.*

The purpose of the study *is to identify and characterize the natural and geographical factors, to analyze how in practice they affect to the tourism industry of the Astrakhan region.*

Methods. *The research was conducted on the basis of several methods. These are analytical, comparative, method of induction, structural and functional, the method of analysis of sources. It allowed to consider the factors from different points of view. Documents from the State Archives of the Astrakhan Region were examined. Sectoral target programs dedicated to the development of tourism in the Astrakhan region were studied.*

Results. *Natural and geographical factors affecting the tourism industry in general and the Astrakhan region in particular were identified. Theses put forward in the beginning of the article (influence of nature and geography on tourism) were confirmed, both in theory and in practice.*

Scope of application of the results. *Materials of work can be used in various areas of knowledge. It is history, tourism, ecology. The results of*

the work can be used in the research of geographical science. Both the history of the region and local history can be added to this list.

Keywords: *tourism; Russian tourism; Astrakhan tourism; natural conditions; ecology*

Введение

Туризм можно рассматривать в разных аспектах: политическом, экономическом, социальном, религиозном и прочих. Природный же фактор всерьёз не рассматривается. Однако он заслуживает пристального внимания. Одним из основополагающих условий для туриста является комфорт. Речь идёт не столько про цивилизованный, (инфраструктура) сколько природный или климатический. Людям приятнее находиться в комфортных условиях, например, там, где отсутствуют сильные ветра, излишняя жара или напротив – холод. Это зависит не только от географических условий, но и от природных ресурсов, которыми обладает тот или иной регион.

Факторы. Данная статья посвящена истории и развитию туризма. Поэтому факторы, влияющие на него, будут охарактеризованы схематично с точки зрения таких наук как экология, география [17].

Рассмотрим, какие факторы влияют на туризм:

- Географическое положение
- Климатические условия
- Природные ресурсы
- Экология
- Флора/Фауна

Географическое положение. Данный фактор представляется наиболее важным, поскольку все остальные являются его следствием. Именно от географического положения региона зависит, какой будет климат, какие присутствуют ресурсы, формирование и развитие флоры и фауны и многие другие факторы. Географическое положение можно учитывать и с точки зрения соседних регионов. Например, приближенность или отдалённость от столицы. Чем регион ближе, тем вероятнее его спонсирование и наличие хорошо развитой инфраструктуры. Другим примером является близость или

отдалённость от государственной границы. Тогда можно пытаться привлекать иностранный капитал с одной стороны и делать ставку на мультикультурность – с другой. Кроме этого наличие границы может стать попыткой удержать туристов рамками отечественного туризма, поскольку тот же климат может быть аналогичным с соседней страной [19].

Климатические условия. Температура самым прямым образом влияет на предпочтение туристов. Это связано с тем, что одним из ключевых факторов при выборе туристического направления является комфортность. Поэтому предпочтение будет отдаваться южному направлению. Жители северных регионов предпочитают путешествие в тёплые регионы. Жители южных регионов едут либо в соседние регионы, либо предпочитают места с более тёплым климатом. Поэтому нужно осознавать достоинства и недостатки климата. Какие месяцы являются наиболее благоприятными, а какие, напротив – являются некомфортными.

Осадки. Комфортность, помимо температуры, формируют осадки. Места, где превышение средней нормы осадков по стране, будут пользоваться меньшим успехом, чем остальные. При обильных осадках будет отсутствовать такое направление как пеший туризм [20].

Природные ресурсы. В разрезе данной статьи под ресурсами понимаются водные ресурсы, такие, как например: озёра, реки, моря, океаны. Их наличие создаёт почву для создания и развития «речного» туризма, например, путешествие туристов на теплоходе, аренда и самостоятельное путешествие людей на катерах, яхтах и иных средствах водного транспорта. Кроме того нельзя недооценивать роль различных организованных мест отдыха на побережьях рек и морей – баз отдыха, туристических и охотничьих баз. Наличие водных ресурсов благоприятно влияет на климат, делая его более мягким, а значит – комфортным. Помимо вышеперечисленного озера, реки и моря создают условия для рыбалки. Для любителей пассивного отдыха больше подойдёт пляжный отдых.

Наличие природных ресурсов будет наиболее эффективным при наличии развитой инфраструктуры. Это, прежде всего, транспорт

и гостиницы, если туристы захотят остаться на более длительный период. В противном случае туристы не будут иметь возможности, а потом и желания посещать данные места [23].

Экология. Стоит упомянуть вопрос экологии. Он представляет интерес для туристической отрасли. Это связано с тем, что если экологическая обстановка является потенциально опасной, или, собственно, опасной, то такой регион вряд ли будет пользоваться популярностью у людей. С другой стороны, опасность может быть не только туристам от экологии, но и экологии от туристов. То есть регион до потока туристов был нормальным, а после стал опасным. Это можно связать с деятельностью туристов, вредящих экологической обстановке. Например, неконтролируемая охота и рыбалка, замусоривание не только городской среды, но территорий, находящихся за чертой города. Подобные действия могут привести к экологической катастрофе. Страдать от последствий будут не только флора и фауна, но и люди: местные жители и правительство региона. Чтобы избежать подобных ситуаций, принимающая сторона должна озаботиться, прежде всего, сильной законодательной базой (теория) и способами её реализации и контроля (на практике) [21].

Флора/Фауна. Флора. Растительный мир может послужить нуждам туристов. Это могут быть разного рода растения, которые можно поделить на несколько условных групп. Первая: типичные представители. Растения, которые характерны для конкретного региона. Для местного населения они повседневны, а для жителей даже соседних регионов – экзотика. Вторая: нетипичные растения. То есть те, которые нехарактерны и в некотором роде нелогичны для региона. Условным примером может быть пальма в средней полосе, берёза в пустыне, папоротник в холодных условиях и прочее. Третья группа: легендарные. Само растение может быть заурядным, но оно либо долгожитель, либо связано с историческими событиями. Кроме этого, растение может быть посажено знаменитым человеком, необязательно родным для региона. Таким образом, флора региона может представлять интерес для туристической отрасли при грамотном использовании данного ресурса [8].

Фауна. Животный мир и его обитатели представляют интерес для туризма. Если животные в регионе присутствуют в изобилии, следовательно, будет развита охота или рыбалка. Если животный мир представлен скудно, их мало или они редкие и вымирающие виды, то и в этом случае можно получить выгоду. Формирование заповедников и проведение в них экскурсионных туров. Получается, что как большое количество животных, так и малое, может послужить на благо туризма. Однако не стоит забывать, что в первом случае, надо контролировать охоту, рыбалку и вывоз дичи. Для этого должна быть создана грамотная нормативно-правовая база. Цель подобного документа: соблюсти интересы сторон: с одной стороны – защитить животных, поддержать природу, не лишать отрасль ресурса, поддерживать интересов туристов, участвующих в охоте и рыбалке.

Редкие животные должны быть под защитой государства как достояние не только региона, но и страны. В идеале – под патронажем международных организаций, что добавит не только финансов или иной поддержки, но и даст региону статус, привлекая к себе туристов [13].

Астрахань. Выше рассматривались теоретические аспекты статьи. В данной части анализируем, как реализуются упомянутые факторы на практике.

Что касается Астрахани, можно отметить ряд особенностей, которые будут более подробно рассмотрены.

Важно отметить, что любой ресурс должен работать на благо и пользу туристической отрасли региона. Что это за ресурсы и как они используются, рассмотрим далее. Факторы, которые рассматривались в теории ранее, будут реализованы на примере Астрахани и её окрестностей:

- Географическое положение
- Климатические условия
- Природные ресурсы
- Экология
- Флора/Фауна

Географическое положение. Астрахань находится на территории Южного Федерального Округа. Название прямо указывает, что Астраханская область расположена на юге нашей страны. Этот фактор следует расценить как положительный. Объяснение заключается в том, что подавляющая часть нашей страны находится в холодных областях. Даже для жителей умеренного климата Юг России будет представлять интерес.

С другой стороны, на расположение региона влияет земля, на которой он находится. Астраханская область находится на одной из самых старых тектонических плит. Это значит, что любое движение земли прекратилось много миллионов лет назад. Больше не будет происходить горообразования и его последствий: извержений вулканов, землетрясений, обвалов и оползней. Земля лишена крупных провалов грунта. Под землю не будут уходить большие территории. Провалы, если такие случаются, имеют точечное значение. Вышеперечисленная информация позволяет делать вывод, что территория Астраханской области безопасна для туристов и их времяпрепровождения. Помимо вышеупомянутого комфорта, безопасность является одним из ключевых факторов для посещения туристами того или иного региона [6].

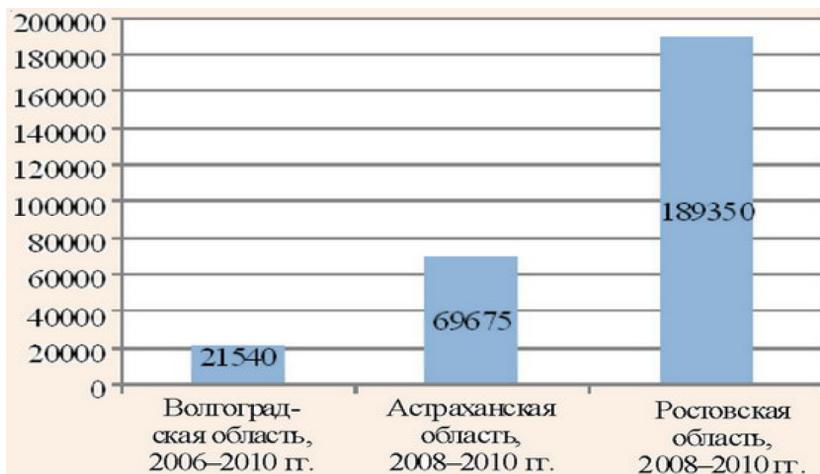

Рис. 1. Объём финансирования развития туризма в регионах (тыс. рублей)

Однако, несмотря на столь выгодное, как было упомянуто выше, положение, область по объему финансирования уступает соседям. Рассмотрим рисунок, предоставленный далее.

В сравнении с соседями по Южному федеральному округу, наша область занимает среднее положение. С одной стороны есть более интересные для туристов регионы, с другой стороны объем финансирования и туристическая привлекательность региона взаимосвязаны. Там, куда вкладывают средства, идёт развитие движется более быстрыми темпами. Кроме того большую роль в этом вопросе играет государственная политика. В тех, кого государство считает перспективным, в того оно и вкладывает. Верно и обратное [14].

Климатические условия. Прежде всего, нужно упомянуть температуру. Климат Астраханской области является жарким и засушливым. Особенно летом. Поэтому месяц июль считается наименее приятным в тёплое время. Чтобы туристам было комфортнее, нужно учитывать показатели градусника. Зимой стоит опасаться ветров. Так как регион – степь, он является открытым для ветров. Горы отсутствует, поэтому не являются природным «щитом» от непогоды. Месяц февраль считается наименее благоприятным в холодное время года. Не стоит забывать про особенности региона. В июне начинается, продолжается и заканчивается сезон мошек. Поэтому пребывание на улице должно быть минимизировано, либо должны быть приняты меры, отпугивающие мошек [4].

Однако, несмотря на природные показатели, спрос со стороны туристов показывает иную ситуацию, представленную в таблице.

В целом, наплыв туристов приходится на конец весны (май) – конец осени. Это можно объяснить несколькими причинами. Астраханскую область чаще всего рассматривают как место для рыбалки. Поэтому именно в то время, когда рыбу можно ловить официально, и приезжают туристы. Летом тенденция чуть уменьшается, но стабильно сохраняется большой процент приезжающих. К тому же в городе проходят различные фестивали. Осенью (сентябрь-октябрь) поток туристов продолжает оставаться большим по нескольким причинам. Осень в Астрахани тёплая и сухая, сентябрь, как пра-

вило, похож на август. В октябре погода остаётся бесснежной. В отличие от более северных регионов, где осень более напоминает зиму (нередко со снегом) [3].

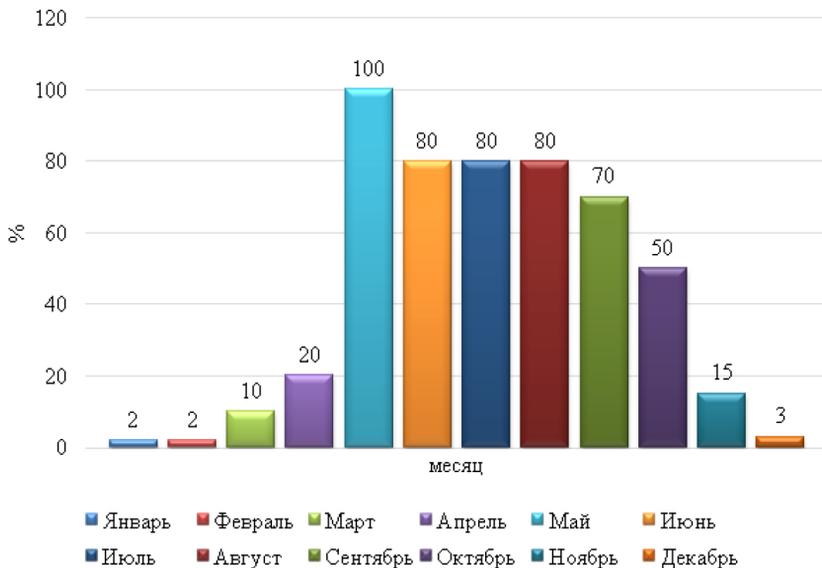

Рис. 2. Сезонность посещения туристами Астраханской области (проценты)

Природные ресурсы (Географические объекты) Рассмотрим несколько примеров. Река Волга. Река может выступать в качестве средства перемещения туристов. Следовательно, будет развиваться водный транспорт. В силу того, что с Югом России ассоциируется пляж и купание, река может выступить как центр досуга гостей региона. Туристы могут, как проводить время на пляже, так и путешествовать по реке на речных трамвайчиках или арендовать небольшие корабли, прогулочные яхты. С другой стороны, на территории Астраханской области находится дельта реки, с заповедниками, туристическими базами, которые туристы, в большинстве своём, посещают. Например, лотосовые поля, о которых потом будет написано подробнее [15].

Гора Богдо. Астраханская область, напоминаем, находится на самой старой тектонической плите. Процесс горообразования идёт на

спад, когда осадки и ветер вымывают и вымывают горы. Поэтому Астраханская область – это открытая степь. Из-за этого гора Богдо представляет особый интерес не только с точки зрения географических наук, но и для туристической отрасли. Не стоит забывать про такую отрасль как религиозный туризм. К Богдо регулярно организуют паломничество представители буддистов. Гора является для них священной, поэтому к ней съезжаются не только буддисты Астраханской области, республик Калмыкии и Бурятии, но и зарубежные представители. Религиозный туризм – выигрышное направление, поскольку имеет постоянность: место, религия и верующие. Богдо из затрат требует нескольких вещей: охраны объекта и дополнительную рекламу. [7]

Озеро Баскунчак – туризм может развиваться по нескольким направлениям: экскурсионный, культурный, религиозный. Озеро Баскунчак напрямую связано с Богдо не только в географическом направлении (рядом находятся), но и в аспекте легенд. Если брать более приземлённые факты, то озеро Баскунчак называют «солонкой России». Сама соль и грязи обладают целебными свойствами, поэтому подходят и для оздоровительного туризма [2].

Правительство Астраханской области всегда осознавало важность роли природных ресурсов в развитии туристической отрасли. Это нашло отражение в законодательных актах.

В законодательстве региона содержится документ под названием «Концепция и программа развития туризма в Астраханской области на период 2001–2005 гг.». В нём было два крупных направления: туристический комплекс и природные ресурсы астраханского региона. В данном контексте нас интересует вторая часть. В ней было отмечено, что туристические ресурсы являются одним из основополагающих факторов в развитии туристической отрасли астраханской области. Предположения были следующие. Первое: вести учёт того, как потребляются природные ресурсы. Второе: осуществлять финансовые вложения для их поддержки. Третье: регулярный отчёт о сохранности природных ресурсов. Так как вышеупомянутый документ был одним из первых (до начала 2000-х отсутствовали до-

кументы регионального значения), в нём отсутствует системность. В более поздних документах этому вопросу уделялось большее внимание. В частности, появилась идея о более рациональном и ограниченном использовании ресурсов, так как их бесконтрольная трата может привести к экологической катастрофе. Но подробнее об этом будет написано в следующем пункте [9].

Экология. Нужно, чтобы соблюдался баланс между желаниями туристов, их деятельностью с безопасностью для экологии и населяющих регион живых существ. В противном случае может наблюдаться следующая логическая цепочка: много туристов – большое потребление – вред экологии – плохая экономика. То есть баланс между туристами и экологией. Неконтролируемое потребление природных и иных ресурсов будет негативно сказываться на безопасности региона. Полностью запретить те же охоту и рыбалку нельзя, но и позволять бесконтрольную ловлю рыбы и отстрел животных тоже. Поэтому для соблюдения баланса нужно региональное законодательство, которое будет учитывать интересы всех субъектов туризма. Эта проблема остаётся актуальной на протяжении десятилетий. Меры принимаются, но само правительство в законодательных актах признаёт свою деятельность недостаточно эффективной. Например, в целевой программе за 2011–2016 года эта проблема дублируется из предыдущих актов, и переходит в последующие. Однако регулярное финансирование помогает удерживать регион от экологической катастрофы [12][18].

Нормативно-правовая база астраханского туризма появилась в 2000-х годах. Но, естественно, туристы посещали регион и в 90-е годы. Тогда отсутствовал контроль потребления природных ресурсов. Даже те ресурсы, что могут сами, без помощи человека, восстанавливаться, нуждаются во времени для возобновления. Однако поток туристов не иссякает, ресурсы используют в большом количестве, а они не успевают восстановиться. Первые законодательные акты не занимались контролем. Лишь в целевой программе «Развитие туризма в Астраханской области на период 2005–2007 гг.» эту проблему стали рассматривать как основную. Если деятельность

официальных туристов можно в той или иной мере просчитать, то те, кто приехал «дикарём», плохо поддаются расчётам. Но именно их деятельность наносит максимальный урон природе и экологии. Впервые было высказано мнение о возникновении экологической катастрофы в случае, если темпы потребления останутся прежними. Потребности должны быть до разумных пределов ограничены и подвергаться учёту и контролю. Как это реализовывалось, рассмотрим в следующем пункте [10].

Флора/Фауна. Флора. Дуб Петра Первого. Растения можно использовать для туристических целей как исторический памятник и реликвию. Например, так называемый «Дуб Петра I», который, как считалось ранее, посадил первый император в 1722 году, когда посещал Астрахань. Однако, впоследствии было доказано, что дуб старше описываемых событий более чем на 100 лет. Если раньше дерево можно было использовать как исторический объект, то потеря историчности не вредит дереву. Грамотное использование ресурса трансформирует роль дерева как легенду. Тем более, не стоит забывать про стереотипы, поэтому долгое время даже жители города будут считать, что растение напрямую связано с Петром Великим [22].

Другим субъектом может выступить астраханский лотос. Само растение, если брать природные условия, произрастает только в Индии и на территории Астраханской области. Цветок сам по себе является уникальным, также находится под защитой региона и страны, как редкое растение. Вместе с тем у астраханского лотоса есть легенды, которые могут привлечь внимание туристов. Для буддистов, цветок лотоса является священным. Область организует туры на лotosовые поля с возможностью длительного нахождения там гостей региона [16].

Визитной карточкой с советских времён является Арбуз и иные бахчевые. Однако их продажей дело не ограничивается. Чтобы привлечь внимание туристов, организуются различные тематические фестивали и ярмарки. Но особо выделить следует музей, который посвящён исключительно арбузу, о чём свидетельствует

название («Музей арбуза», второе название «Российский арбуз»). Он – единственный на территории не только России, но и Европы. Находится в город Камызяке. Изначально была цель популяризировать бахчевые культуры в стране. Со временем музей расширил свои функции: представленные арбузы можно не только смотреть, но и пробовать [1].

Фауна. Астраханская область богата рыбой: как по количеству, так и по разнообразию. Самой простой вариант туризма: рыбалка. Но есть другие варианты. Рассмотрим на примерах.

Рыбалка. Рыбалку можно поделить на несколько вариантов. Первый: «непрофессиональная» рыбалка. В этом случае не нужно искать места для ловли. Ведь даже местные жители так рыбачат вдоль набережных. Их примеру могут последовать гости области. Затраты минимальные, но подходит для любителей минимальных расходов. Второе: «классическая» рыбалка. Люди самостоятельно, что в рыбном регионе не сложно, ищут места для рыбалки и с помощью собственных ресурсов участвуют в ней. Третий вариант: «цивилизованная» рыбалка. Он более предпочтителен как для экологии, так для туристической отрасли. Экология: вылов рыбы контролируется, туристическая отрасль: в казну региона поступают денежные средства [24].

Проблема борьбы за экологию в Астраханской области для регионального туризма является актуальной. Природе постоянно наносится вред. Это подробно рассматривается, в том числе, и отраслевой целевой программе «Развитие туризма в Астраханской области в 2008–2010 гг.». Первая и самая очевидная проблема: неконтролируемый вылов рыбы. Это не только неограниченная ловля, но и отсутствие культуры рыбалки. Рыбу пытаются поймать в период нереста, мальков не отпускают, лишая регион не только реальной, но и потенциальной рыбы. Была выдвинута идея: ввести ограничения на вылов рыбы. Саму рыбалку сделать частной. Звучала идея регистрации рыбаков. Данные меры должны быть направлены на то, чтобы сделать законодательство в сфере охраны и окружающей среды более жестким. В том числе и через систему штрафов, которые должны были бы пойти на восстановление экологии региона.

Однако все упомянутые выше предположения остались только на бумаге [11].

«Вобла». Фестиваль «Вобла» организуется на протяжении многих лет: 24 раз на момент 2021 года. Он – сугубо региональный, то есть проводится на территории Астрахани (Комсомольская набережная). Цель фестиваля – объединение рыбаков всей страны. Поэтому участниками являются не только жители Астрахани, других регионов, но и любители рыбалки из-за рубежа, как соседних, так и дальних стран. Получается, что у региона эксклюзивное право на подобную деятельность, которой нет у других. Праздник проводится во второй половине апреля. Подобная дата выбрана не случайно. Она совпадает с началом половодья. Потому что в конце фестиваля молодь выпускают в реки, чтобы увеличить численность рыбы. Помимо этого, есть другие элементы фестиваля: соревнования (кто больше поймает рыбы, но потом почти всех выпускают обратно в реку), ловля рыбы в фонтанах и бассейнах. Приготовление пойманной рыбы для гостей фестиваля профессиональными поварами и многое другое. Подобные действия делают Астрахань не только туристическим городом, но и фактически, рыбной столицей, чего нет у соседних регионов [5].

Заключение

Идеальные места и регионы отсутствуют. Каждый из них обладает рядом достоинств, так и недостатков. Астраханская область не является исключением. Важно найти «изюминки» к которым будут тянуться люди.

География региона и его природные ресурсы имеют колоссальное влияние на туризм. Там, где благоприятный климат, будут находиться туристы, вне зависимости от наличия или отсутствия культурных памятников. Комфортность влияет на приток туристов. Районы, где климат мягкий, будут иметь бóльший успех, чем те, где климат, не является умеренным.

Что касается Астраханской области, можно отметить несколько важных аспектов:

- Регион находится на Юге страны, что является благоприятным фактором. Россия – в целом северная страна, жители которой хотят провести отпуск и отдых в тёплом регионе.
- Температура играет важную роль в формировании астраханского туризма. Лето является жарким, поэтому данный фактор нужно грамотно использовать для туристических туров. Но в тоже время большая часть времени в регионе тёплая погода, что в середине-конце весны, что в начале-середине осени. Поэтому туристический сезон (условно лето) не ограничивается 3 месяцами.
- Законодательство должно учитывать интересы всех участников туристической деятельности. Законы должны защищать регион от загрязнений, пожаров, нанесения вреда флоре и фауне. Экологическая катастрофа не только станет опасностью для местного населения, но и отвлечёт туристов от дальнейших посещений.
- Инфраструктура играет не меньшую роль, чем природные факторы. Туристы должны иметь возможность посетить интересные их места, не испытывая никаких затруднений. В случае, если туристы захотят задержаться, должном уровне должен функционировать гостиничный комплекс. Обратное возвращение также должно пройти комфортно.
- Животные и растения являются не только биологическим ресурсом, но и туристическим. Привлекая к ним внимание, можно не только получить прибыль, часть из которой пойдёт на поддержание редких животных, но и репутацию среди гостей региона. Если связать флору и фауну с историей и легендами, то они станут брендами, которые захочет увидеть и посетить ещё большее количество туристов.

Астраханская область, как субъект туристической отрасли, обладает рядом достоинств и недостатков. Но первого больше, чем второго. В любом случае, грамотное использование ресурсов будет благоприятно сказываться на туризме региона, на его репутации, которая привлечёт новых туристов.

Список литературы

1. Азарова М. У нас появился уникальный музей арбуза / Комсомолец Каспия. 2003. № 34. С. 3.
2. Артамонова Ю.С. Салихов Р.У., Характеристика экономического состояния Астраханской области // Гуманитарные научные исследования. 2015. №1. URL: <http://human.snauka.ru/?p=9508> (дата обращения: 20.12.2021).
3. Артамонова Ю.С., Файзиев Р. М., Чудайкина, Т.Н. Направления и перспективы развития туристического кластера Астраханской области / Ю. С. Артамонова // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 3 Ч.3 <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49100> (дата обращения: 27.10.2021).
4. Арутюнян С. А., Яхонтова М. В. Современное состояние и проблемы развития туризма в Астраханской области // Вестник Евразийской науки, 2019 № 6. <http://esj.today/PDF/45ECVN619.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).
5. Астраханский фестиваль «Вобла 2021» стал самым массовым. <https://punkt-a.info/news/glavnoe/astrakhanskiy-rybatskiy-festival-vobla-2021-stal-samym-massovym> (дата обращения: 24.10.2021)
6. Бузякова И.В. Туристские ресурсы: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 155 с.
7. Варламова М.В. Анализ состояния и перспективы развития туризма в Астраханской области/ М. В. Варламова, О. В. Молчанова // Вестник АГТУ. 2004. № 3. С. 25-31.
8. Власова Т. И. Экономика современного туризма: состояние и проблемы // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VII Международной научно-практической конференции. МГУ имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, 27-28 апреля 2012 г. СПб.: Д. А. Р. К., 2012. С. 24-31.
9. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-4074. Оп. 1. Д. 6.
10. ГААО. Ф. Р-4074. Оп. 2. Д. 22.
11. ГААО. Ф. Р-4074. Оп. 2. Д. 104.

12. Государственный доклад «об экологической обстановке в Астраханской области в 2011 году». http://nat.astrobl.ru/sites/nat.astrobl.ru/files/gosudarstvennyu_doklad_ob_ekologicheskoy_situacii_v_ao_za_2011_god.pdf (дата обращения: 25.10.2021)
13. Даринский А.В. Туристские районы российской Федерации и Ближнего Зарубежья. СПб., 1994.
14. Зализняк Е.А. Региональный туризм: основные признаки и условия развития URL: https://tourlib.net/statti_tourism/zaliznyak.htm (дата обращения: 19.12.2021).
15. Кочуров Б.И., Бабина Ю.В., Лобковский В.А. Комплексная оценка рекреационного потенциала региона (на пример Астраханской области) // Туризм и региональное развитие. Материалы II Международной научно-практической конференции. Смоленск: Изд-во «Универсум». 2002. С. 257-264.
16. Красная книга Астраханской области / под ред. Ю. С. Чуйкова. / Изд-во Нижневолжского экологического образования. Астрахань, 2004. 356 с.
17. Кружалин В.И. Теоретические и практические аспекты развития туризма и рекреации в России // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования: Труды VI международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27-28 апреля 2011 г. СПб: Д. А. Р. К., 2011. С. 16-23.
18. Леухин А.Н. Экологические проблемы развития туризма в Астраханской области // Туризм, экология и устойчивое развитие регионов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Тверь: Изд-во ТВГУ, 2010. С. 112-114.
19. Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: Монография. Смоленск: Универсум, 2008. 212 с.
20. Манаков А.Г. Туристское районирование мира: геокультурный подход // Псковский регионолический журнал. Псков: Псковский государственный университет, 2010. № 9. С. 82-90.
21. Мекуш Г.Е. Экологическая политика и устойчивое развитие: анализ и методические подходы: Монография. М.: Экономика, 2011. 257 с.
22. РИА Новости. Астраханский «Дуб Петра I» оказался на 100 лет старше императора. <http://ria.ru/20130802/953788423.html> (дата обращения: 25.10.2021)

23. Рященко С.В. Рекреационная география России: курс лекций. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2005. 236 с.
24. Сорокин В. М. Влияние географии туризма на экономику Астраханской области // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 4081-4085. <http://e-koncept.ru/2016/86855.htm> (дата обращения: 25.10.2021)

References

1. Azarova M. U nas poyavilsya unikal'nyj muzej arbuza [We have a unique watermelon museum]. *Komsomolec Kaspiya*, 2003, no. 34, pp. 3
2. Artamonova YU.S. Salihov R.U. Harakteristika ekonomicheskogo sostoyaniya Astrahanskoj oblasti [Characteristics of the economic state of the Astrakhan region]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2015, no. 1. <http://human.snauka.ru/?p=9508> (accessed: 20.12.2021).
3. Artamonova Yu.S., Fayziev R.M., Chudaykina, T.N. *Napravleniya i perspektivy razvitiya turistskogo klastera Astrahanskoj oblasti* [Directions and prospects for the development of the tourist cluster of the Astrakhan region]. <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49100> (accessed 27.10.2021).
4. Arutyunyan S. A., YAhontova M. V. *Sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti* [Current state and problems of tourism development in the Astrakhan region]. <https://esj.today/PDF/45ECVN619.pdf> (accessed 25.10.2021)
5. *Astrahanskij festival' «Vobla 2021» stal samym massovym* [The Astrakhan festival “Vobla 2021” became the most massive]. <https://punkt-a.info/news/glavnoe/astrahanskiy-rybatskiy-festival-vobla-2021-stal-samym-massovym> (accessed 24.12.2021).
6. Buzyakova I.V. *Turistskie resursy* [Tourism resources]. Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2007.
7. Varlamova M. V. Analiz sostoyaniya i perspektivy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti [Analysis of the state and prospects of tourism development in the Astrakhan region]. *Vestnik AGTU*, 2004, no. 3, pp. 25-31.
8. Vlasova T.I. *Ekonomika sovremennogo turizma: sostoyanie i problemy* [Economy of modern tourism: state and problems]. *Turizm i rekreaciya:*

- fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Trudy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. MGU imeni M.V. Lomonosova, geograficheskij fakul'tet, Moskva, 27-28 aprelya 2012* [Economics of modern tourism: state and problems // Tourism and recreation: fundamental and applied research: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Geography, Moscow, April 27-28, 2012], St. Petersburg: D.A.R.K., 2012, pp. 24-31.
9. Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAAO) [State Archives of the Astrakhan Region]. F. R-4074. Op. 1. D. 6.
  10. GAAO. F. R-4074. Op. 2. D. 22.
  11. GAAO. F. R-4074. Op. 2. D. 104.
  12. *Gosudarstvennyj doklad «ob ekologicheskoy obstanovke v Astrahanskoj oblasti v 2011 godu»* [State report “on the environmental situation in the Astrakhan region in 2011”]. https://nat.astrobl.ru/sites/nat.astrobl.ru/files/gosudarstvennyy_doklad_ob_ekologicheskoy_situacii_v_ao_za_2011_god.pdf (accessed 25.10.2021)
  13. Darinskij A. V. *Turistskie rajony rossijskoj Federacii i Blizhnego Zarubezh'ya* [Tourist regions of the Russian Federation and the Near Abroad]. St. Petersburg, 1994.
  14. Zaliznyak E.A. *Regional'nyj turizm.: osnovnye priznaki i usloviya razvitiya* [Regional tourism: main features and conditions for development]. https://tourlib.net/statti_turizm/zaliznyak.htm (accessed: 19.12.2021).
  15. Kochurov B.I., Babina Yu.V., Lobkovskiy V.A. *Turizm i regional'noe razvitie. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tourism and regional development. Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Smolensk: Izd-vo «Univer-sum». 2002, pp. 257-264.
  16. *Krasnaya kniga Astrahanskoj oblasti* [Red Book of the Astrakhan Region] / ed. Yu.S. Chuikov. Astrakhan, 2004, 356 p.
  17. Kruzhalin V.I. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya turizma i rekreacii v Rossii* [Theoretical and practical aspects of the development of tourism and recreation in Russia]. *Turizm i rekreaciya: fun-*

- damental'nye i prikladnye issledovaniya: Trudy VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 27-28 aprelya 2011 g. [Tourism and recreation: fundamental and applied research: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, April 27-28, 2011]. St. Petersburg: D.A.R.K., 2011, pp. 16-23.
18. Leuhin A.N. Ekologicheskie problemy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti [Environmental problems of tourism development in the Astrakhan region Tourism, ecology and sustainable development of regions]. *Turizm, ekologiya i ustoychivoe razvitie regionov: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tourism, ecology and sustainable development of regions: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Tver': Izd-vo TVGU, 2010, pp 112-114.
  19. Mazhar L. YU. *Territorial'nye turistsko-rekreacionnye sistemy* [Territorial tourist and recreational systems]. Smolensk: Universum, 2008, 212 p.
  20. Manakov A.G. Turistskoe rajonirovanie mira: geokul'turnyj podhod [Tourist zoning of the world: a geocultural approach]. *Pskovskiy region-olicheskij zhurnal*, 2010, no. 9, pp. 82-90.
  21. Mekush G.E. *Ekologicheskaya politika i ustojchivoe razvitie: analiz i metodicheskie podhody* [Environmental Policy and Sustainable Development: Analysis and Methodological Approaches]. M.: Ekonomika, 2011, 257 p.
  22. *RIA Novosti*. Astrahanskij «Dub Petra I» okazalsya na 100 let starshe imperatora [The Astrakhan “Oak of Peter I” was 100 years older than the emperor]. <https://ria.ru/20130802/953788423.html>. (accessed 25.10.2021)
  23. Ryashchenko S.V. *Rekreacionnaya geografiya Rossii: kurs lekcij. / S.V. Ryashchenko* [Recreational geography of Russia: course of lectures]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 236 p.
  24. Sorokin V. M. *Vliyanie geografii turizma na ekonomiku Astrahanskoj oblasti* [Influence of tourism geography on the economy of the Astrakhan region]. <https://e-koncept.ru/2016/86855.htm>. (accessed 29.12.2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Виолетта Владимировна, аспирант кафедры истории
России
Астраханский государственный университет
ул. Татищева 20а, г. Астрахань, 414056, Российская Фе-
дерация
violetta-molchanova@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Violetta V. Molchanova, post-graduate student of the Department of
Russian History
Astrakhan State University
20a, Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
violetta-molchanova@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4999-0522

Поступила 11.12.2021

После рецензирования 21.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 11.12.2021

Revised 21.12.2021

Accepted 25.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-53-77

УДК 378.4(477.54) (093.3)

**ПРОФЕССОРА ЕСТЕСТВЕННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ
РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ 1850–60-Х ГГ.
И «ВТОРИЧНЫЙ ИМПОРТ» НАУКИ**

Жарова Е.Ю.

Цель. Целью статьи является анализ данных о стажировках будущих профессоров естественных отделений и внедрение лабораторного метода в преподавании, связанного с «вторичным импортом» науки в Россию.

Метод и методология. Основные методы, примененные при написании статьи, – это методы анализа и синтеза, сравнительный и историко-генетический.

Результаты. Значение массовых стажировок профессорских стипендиатов на рубеже 1850-60-х гг. для подготовки смены профессорам во время критического положения в университетах после «мрачного семилетия» и одновременного старения профессорской корпорации, причиной которого явились реформы С.С. Уварова, общеизвестно. Однако следует обратить внимание на то, что в области естественных наук роль стажировок оказывается еще более значительной, так как с ними следует связывать «вторичный импорт» науки в Россию. О том, что такой импорт состоялся, писал еще К.А. Тимирязев в конце XIX века, называя его «пробуждением естествознания». Будучи приверженцем левых взглядов, критиковавшим правительство, даже он не мог не признать, что в случае рубежа 1850-60-х гг. наука развивалась при содействии государства. И именно это содействие обеспечило такое значительное число будущих профессоров, прошедших стажировки в крупнейших научных центрах Европы. Что впоследствии сыграло свою роль в широком распространении лабораторного метода преподавания и адаптации немецкой идеи *Wissenschaft* в России.

Выводы. *Изменение принципа преподавания естественных наук в университетах в 1860-е гг. явилось прямым следствием массовых стажировок профессорских стипендиатов, большинство из которых практиковались в Париже и Гейдельберге. И если с Парижем мы можем связать сам принцип работы в лаборатории для специалистов с определенным опытом и уровнем знаний, то именно с Гейдельбергом и другими университетскими городами Германии следует связывать перенос лабораторного метода обучения студентов, начиная с первого курса, что постепенно усиливало практикоориентированность обучения в российских университетах.*

Ключевые слова: *история естественных наук; университеты; профессора; естественные отделения; «вторичный импорт» науки; лабораторный метод; практические занятия*

PROFESSORS OF LIFE SCIENCES DEPARTMENTS OF THE UNIVERSITIES OF RUSSIAN EMPIRE IN THE 1850S – 1860S AND THE “SECOND IMPORTATION” OF SCIENCE

Zharova E.Iu.

Purpose. *The purpose of this article is systematizing data on the internships of professors of natural sciences and the introduction of the laboratory method in teaching related to the “second import” of science to Russia.*

Methodology. *The main methods are the methods of analyze and synthesis, the comparative and historical genetic methods.*

Results. *The importance of voluminous internships for professorial fellows at the turn of the 1850s-60s for preparing professors after the critical situation in universities after the “gloomy seven years” and the simultaneous aging of the professors’ corporation, which was caused by the reforms of S.S. Uvarov, is well known. However, it should be noted that in the field of natural sciences, the role of internships is even more significant since they should be associated with the the “second impor-*

tation” of science to Russia. The fact that such an import took place was written by K.A. Timiryazev at the end of the 19th century. Although he called it “the awakening of natural science”. Even him, who was an adherent of leftist views criticizing the government, he could not help but admit that in the case of the turn of the 1850-60s science developed with the assistance of the state. And it was precisely this assistance that provided such a significant number of professors who completed internships in the most famous scientific centers in Europe. That was significant for the widespread dissemination of the laboratory teaching method and the adaptation of the German idea of *Wissenschaft* in Russia.

Conclusions. Changes in the teaching of natural sciences at universities in the 1860s were a direct consequence of the voluminous internships of professorial fellows, most of whom were practicing in Paris and Heidelberg. And as we can associate with Paris the very principle of working in a laboratory for specialists with a certain experience and level of knowledge, then it is Heidelberg and other university cities in Germany that were in charge for transferring of the laboratory method of teaching students included those ones who just started their education.

Keywords: history of natural sciences; Universities; professors; natural science departments; the “second importation” of science; laboratory method; practical trainings

Введение

В данной статье автор фокусируется на важности подготовки профессорских стипендиатов в области естественных наук в европейских лабораториях конца 1850-60-е гг., ее значении для изменения принципа преподавания в университетах, основанного на лабораторном методе, принесенном преимущественно из немецких лабораторий. В отечественной историографии рассмотрение вопроса, связанного с историей профессорской корпорации, имеет достаточно длительную традицию. Из отечественных авторов следует назвать А.Е. Иванова [11], М.В. Грибовского [5], Т.И. Еремину [7], А.Ю. Андреева [1], Е.А. Вишленкову [3], Т.В. Костину [17], Т.Н. Жуковскую [8], работы которых раскрывают аспекты, связан-

ные с социальным и профессиональным статусом профессоров, а также освещали проблемы их подготовки в разные периоды времени. Среди зарубежных авторов основополагающим являются работы С. Кассоу [43], Р. Фридман [41], М. Гордина [42], Н. Брукса [38].

Материалы и методы

Основными материалами, послужившими для написания статьи, являются биографические сведения о профессорах естественных отделений университетов Российской империи, собранные в серии биографических словарей «Российская профессура. XVIII – начало XX в.» [29-32] по химическим, физико-математическим, биологическим наукам и наукам о Земле. Данные о времени работы в университетах и о местах стажировки обобщались при помощи общепhilosophических методов анализа и синтеза. Кроме того, материалами послужила делопроизводственная документация – извлечения из отчетов, правила для студентов, а также воспоминания современников. В данном случае использовался сравнительный и историко-генетический методы исследования. Для написания статьи использовались общепhilosophические (анализа и синтеза) и специальные исторические методы исследования (сравнительно-исторический и историко-генетический).

Результаты и обсуждение

1860-е гг. характеризуются развитием лабораторий на естественных отделениях университетов Российской империи. Активное движение в эту сторону началось во второй половине 1850-х гг. и было связано с массовыми заграничными командировками рубежа 1850-60-х гг., которые внесли значительные коррективы в подготовку научных кадров в области естественных наук. В общей сложности за этот период за границей побывали 46 будущих профессоров университетов, занявших впоследствии кафедры биологического, химического, геолого-минералогического и физического профиля. Основными направлениями движения были Германия и Франция, хотя некоторые кандидаты посещали также Австрию (Вена), Швейцарию (Цюрих, Женева) и Англию (Лондон).

Для выявления направлений движения стажировок были проанализированы биографии 46 профессоров, выезжавших в Европу во второй половине 1850-60-е гг. При анализе распределения стажировок по разным городам Европы среди представителей разных естественных наук становится заметно, что самым популярным городом оказывается Париж, куда направлялось 85,7% физиков, 47,4% биологов, 40% химиков и 20% геологов. Впрочем, геологи отличались от представителей «лабораторных» наук и предпочитали Берлин и Фрайберг для своих стажировок, что было связано с расположением там горных академий (Берлинская техническая школа и Фрайбергская горная академия). Для биологов, химиков и физиков вторым по популярности научным центром являлся Гейдельберг (71,4% физиков, 46,7% химиков, 31,6% биологов). Естественно, стипендиаты посещали и другие города Германии, среди биологов, например, был довольно популярен Гисен, а среди химиков – Гёттинген. Но в целом, данные говорят о том, что именно Париж и Гейдельберг оказались теми двумя научными центрами, которые привлекали наибольшее число представителей естественных наук, для которых большое значение имел лабораторный метод.

Для профессорских стипендиатов важным было посещение лабораторий известных ученых и восприятие лабораторного метода

исследований, поэтому географические точки напрямую были связаны с теми учеными, которые работали в том или ином городе. Однако разница между научными центрами Германии и Франции состояла в том, что в середине XIX века практически все исследователи в области естественных наук и медицины Германии были членами или главами университетских лабораторий, тогда как во Франции ученые оставались либо индивидуальными исследователями вне университетов, либо работали в частных лабораториях [34, р. 17]. Особенно это актуально в связи с массовыми посещениями профессорских стипендиатов Парижа, о чем было сказано выше. В данном случае критична разница организации самой структуры университета, то, что называется *Wissenschaft* и представляет собой квинтэссенцию исследовательского университета – соединение науки и преподавания. И таковую следует искать именно в Германии, хотя лаборатории во Франции существовали и функционировали, рассчитаны они были на научную работу подготовленных специалистов, так как в связи с особенностью расположения естественнонаучных лабораторий во Франции в специализированных институтах, таких как Коллеж де Франс или Музей натуральной истории, о преподавании студентам, получавшим университетское образование, как это было организовано в лабораториях при немецких университетах, речи не шло. Следует также отметить, что сами французские ученые в конце 1860-х гг., осознав, что Франция, бывшая раньше передовой страной в области естественных наук, в середине XIX века уступила эту позицию Германии, предприняли попытку перенять немецкий лабораторный метод [40, р. 442].

Так называемая «лабораторная революция» случилась в Европе несколькими десятилетиями ранее, в 1820-е гг., когда появилась химическая лаборатория Ю. Либиха в Гисене. Позднее, в 1850 г. была открыта лаборатория Р. Бунзена в Гейдельберге, а в 1860-е гг. химические лаборатории открылись во многих других университетских городах Германии. Первая физическая лаборатория была открыта в 1833 г. в Гёттингене, затем в 1846 г. – в Гейдельберге [44].

По примеру химических и физических лабораторий стали появляться лаборатории в области других естественных наук и медицины.

Говоря о немецкой модели, повлиявшей на появление исследовательских лабораторий во многих европейских странах, мы соглашаемся с мнением, высказанным Г. Ванпаймел (G. Vanpraemel): «Во-первых, не существует точного определения, какова была немецкая модель. Фактически многие среди тех, кто описывал эту модель в 19 веке, подчеркивали ее противоречивые черты для того, чтобы продвинуть собственные планы. Также ни одна страна не скопировала немецкую модель, а скорее сформировала адаптированную под местные условия форму лабораторной системы. Однако общим было то, что многие ученые и политики соглашались с тем, что если бы такая модель существовала, то ее следовало бы искать в Германии» [45, p. 215].

По пути адаптации пошла и российская университетская система. На рубеже 1850-60-х гг. общество не только понимало необходимость реформ, но и ожидало их с нетерпением. А.В. Головнин (1821–1886), в 1859-61 гг. член Главного правления училищ, а в 1861-66 гг. министр народного просвещения, писал, что в этот период времени университеты, «хотя и были переполнены слушателями, однако находились вообще в положении весьма неудовлетворительном» [4, с. 247] и испытывали четыре типа проблем, связанных с недостатком хороших профессоров, равнодушием ученых сословий к интересам их университетов и науки, чрезмерным множеством обязательных для студентов научных предметов и скудностью учебных пособий [4, с. 247-248]. Как минимум две из обозначенных проблем могли быть решены путем подготовки профессорских стипендиатов за рубежом, что обеспечило «вторичный импорт» [42, p. 24] науки в Россию.

Данное определение – «вторичный импорт» – как нельзя лучше отражает ситуацию, сложившуюся в естественных науках в России рубежа 1850-х – 1860-х гг. М. Гордин использовал его для химии, однако его следует распространить на все естественные науки. На наш взгляд, «вторичный импорт» более точно отражает процесс,

названный К.А. Тимирязевым «пробуждение естествознания». В отличие от «первичного импорта», под которым следует понимать «ввоз» иностранных профессоров в Россию, состоявшийся в несколько этапов в XVIII – начале XIX вв., в случае «вторичного импорта» завозилась сама идея научных исследований и лабораторного метода преподавания, связанных воедино. И эффективность этого завоза оказалась намного выше в связи с сочетанием нескольких факторов: развитой образовательной системы (высшие и средние школы), основы в виде частично организованных кабинетов и лабораторий, генерации молодых людей, подготовленных для прохождения стажировок в Европе (а также их личностных качеств, имевшие едва ли не большее значение, чем уровень их образования и владения иностранными языками), поддержки государства. Немаловажную роль сыграли также общий настрой в обществе и невероятная популярность естествознания, что хорошо отражено в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», написанном в 1860-61 гг. В данном случае семена упали в подготовленную почву и следовало приложить усилия для усиления каркаса естественнонаучного образования путем переноса лабораторного метода в создаваемые или существующие лаборатории.

Научный куратор стипендиатов, находящихся в Германии на рубеже 1850-60-х гг., Н.И. Пирогов в своих «Письмах из Гейдельберга» писал о немецкой модели преподавания естественных наук: «В Германии, например, по воле и по неволе, большая часть учащихся (натуралистов и медиков) занимаются микроскопом и распространяют все более и более знакомство с этим инструментом в образованном обществе. У Келликера, в Вюрцбурге, стоит в аудитории 30 микроскопов, для лекций; у Ферстера 15; сверх того, многие из учащихся имеют еще и свои собственные. Профессора и приват-доценты везде читают курсы микрографии и занимают своих слушателей практически. Для наглядного учения везде сделаны (а анатомических аудиториях) большие стеклянные доски, под которые ставятся рисунки, изображающие, в огромных размерах, различные части тела или скелет, а профессор на самой доске,

по просвечивающемуся рисунку, который служит как бы канвой, изображает разноцветными мелами сосуды, нервы и все, что трудно было бы демонстрировать на одних препаратах. В физиологических институтах везде выставляются также огромные чертежи, изображающие [г]истологическое устройство органов. У Дюбуа, например, в Берлине, изготовлено таких рисунков, величиною в два и три аршина, до 800. Везде сотнями и даже тысячами заготовлены микроскопические препараты, для демонстраций на лекциях; словом, придумано и беспрестанно придумывается еще все, что нужно для наглядности. Этому-то направлению и должны бы учиться наши будущие профессора; они должны его пересадить *en masse*, на нашу почву. Без этого мы, отсталые, будем все более и более отставать» [21, ст. 526].

В конце 1850-х гг. кабинет сравнительной анатомии на естественном отделении Московского университета (он был единственным в своем роде, так как в других университетах естественные отделения таковых не имели), находившийся в отличных условиях, каковым позавидовал любой другой отечественный университет, обладал 8-ю микроскопами [20, с. 44-47]. Российским университетам было куда стремиться, поэтому неудивительно, что Пирогов начал свое первое письмо из Гейдельберга словами: «Признаюсь, не доброе чувство возбудило во мне посещение германских университетов, а зависть» [21, ст. 517].

Следует признать, что Головнин, называя основные проблемы высшего образования на рубеже 1850-60-х гг., был совершенно прав: университеты нуждались в новом поколении профессоров, которые должны были активно участвовать в жизни университетов и принести лабораторный метод работы, который неизбежно столкнулся бы с четвертой обозначенной министром проблемой – недостатком учебных пособий. И самым масштабным был недостаток помещений и необходимость организовывать многие лаборатории с нуля или значительно их модернизировать.

Новый университетский устав 1863 г. был ожидаем обществом и университетами не только ради академической свободы, но и изме-

нения финансирования. В отношении последнего он действительно увеличил денежное содержание естественнонаучных лабораторий и увеличил их количество. Заложенные в уставе 1835 г. физический кабинет, химическая лаборатория, минералогический, ботанический¹ и зоологический кабинеты эволюционировали в штатах в физический кабинет с лабораторией, химическую лабораторию и кабинет, минералогический кабинет с лабораторией, кабинет физической географии, метеорологическую обсерваторию, кабинет геологический и палеонтологический, ботанический кабинет, зоологический кабинет с лабораторией, зоотомический кабинет и физиологический кабинет [22, с. 119]. Однако появление понятия «лаборатория» в уставе еще не означало появление лабораторий в университетах.

Но само использование слова «лаборатория» в отношении других естественных наук (физики, минералогии, зоологии), а не только химии, говорит о прогрессивном взгляде русского общества на то, что зародилось и активно развивалось в Германии. Что подтверждает то, о чем говорит Ванпаймел – адаптацию немецкой модели. Х. Шминген указывает, что отход от понятия «лаборатория» как помещения, непосредственно связанного исключительно с химическими работами, в немецком языке официально произошел только в конце XIX века [44]. И действительно, в середине XIX века немецкая энциклопедия Брокгауза давала такое определение лаборатории: «Лабораторией называется место, предназначенное для проведения химических операций», – указывало 11-е издание (1864-68) [35, s. 151]. 12-е издание (1875-79) содержало подобное определение, связанное с химическими операциями [39, s. 439], в 13-м (1882-87) помимо химических работ появились технические [36, s. 723]. И только 14-е издание пересмотрело определение, добавив в сферу деятельности лабораторий фармацевтику и физику, оставив, тем не менее, биологию вне поля зрения [37, s. 866].

---

¹ Здесь следует сказать, что, несмотря на наличие ботанических кабинетов, средства на них закладывались в общую графу со средствами, выделяемыми на ботанический сад. За исключением Санкт-Петербургского университета, где сада не было до 1860-х гг.

Несмотря на такое отношение, биологические лаборатории активно развивались и в Германии, и в России, наряду с химическими и физическими лабораториями. И выступить в роли преобразователей, а зачастую и основателей пришлось представителям нового поколения ученых, многие из которых побывали в заграничных командировках. В России им пришлось стать администраторами поневоле, потому что никто, кроме них не знал и не мог знать, как следует организовать не только работу в лаборатории, но и саму лабораторию.

В.В. Марковников, один из профессорских стипендиатов, бывших на стажировке в Германии в 1860-е гг., вспоминал, что в Московском университете химическая «лаборатория была в самом невозможном положении, так что в ней едва можно было работать. Это была несомненно худшая из всех лабораторий в России, хотя она занимала отдельное, довольно большое здание. Получая 2500 р. в год, она однако не имела ни препаратов для лекций, ни посуды, ни материалов: но ко времени моего приезда у нее был долг в аптеку Феррейна в 1600 рубл. [...] Правильных практических занятий для студентов не только не существовало, но по словам некоторых из старших курсов, хотя они и допускались к занятиям в лаборатории, но не только без руководителей, но в лаборатории часто не было ни одного сторожа, так что практиканты предоставлены были вполне самим себе. И это в то время, когда во всех наших университетах были уже устроены везде по возможности практические занятия. Естественно, что во время съезда естественников в Москве в 1869 г. положение химии в здешнем университете произвело на всех русских химиков крайне неприятное впечатление. Вообще считалось, что в Москве химия отсутствует» [9, 386-387].

Положение с химией в Москве отличалось от такового в Казани, где работал А.М. Бутлеров, или в Петербурге, где трудился Д.И. Менделеев, однако ситуация в начале 1860-х гг. с состоянием химической лаборатории в Петербургском университете, по воспоминаниям учившегося там в 1863-67 гг. А.А. Иностранцева, тоже оставляла желать лучшего: «Наша химическая лаборатория в то

время помещалась в самом нижнем этаже университета, а для горна была отведена небольшая комната рядом с комнатой для сероводорода. Тяга и прочие устройства лаборатории были ниже всякой критики. Вонючая комната, полуразрушенный горн мало сулили успехов...» [16, с. 61]. Так Иностранцев описывал химическую лабораторию профессора А.А. Воскресенского, которую очень сильно критиковал Д. Аверкиев в своей статье «Университетские отцы и дети», описывающую традиции естественного отделения второй половины 1850-х гг. Судя по воспоминаниям Иностранцева, учившегося в середине 1860-х гг., ситуация кардинальным образом не улучшилась.

В целом студенчество рубежа 1850-60-х гг., как и все активно думающее общество того времени, ожидало изменений в различных сферах жизни, в том числе образовании. Молодые профессорские стипендиаты, отправленные на стажировку в страны Европы, принадлежали к новому поколению, заставшему еще царствование Николая I, но жаждавшего изменений. К.А. Тимирязев, называя водоразделом двух эпох 18 марта 1855 г., писал, что «с того момента наука, очевидно, могла развиваться уже не вопреки предрержащим властям или, в лучшем случае, не замеченная ими, а будто бы при их благосклонном содействии» [33, с. 1].

Раздавалось все больше голосов в пользу практического обучения и критики в отношении лекционной системы: «Потеряв таким образом время на слушание лекций, студент черпает, в течение месяца или двух, предшествующих экзамену, свои познания из записок профессора, то есть, из того же учебника, но учебника, по необходимости, неудовлетворительного. Ни один студент, да едва ли и из профессоров кто, станет утверждать, что студенты выносят много знаний из лекций», – писал Н.В. Варадинов [2, с. 3].

Важность практических занятий осознавалась профессорскими стипендиатами в полной мере, да и сам институт зарубежных стажировок, как подчеркивает А.Е. Иванов, «имел четкую целевую установку не только на расширение горизонтов гуманитарного и естественно-научного знания «профессорских кандидатов», но и

на преемственное обретение ими лучшего педагогического опыта, который демонстрировали их европейские учителя» [11, с. 259].

Но организация лабораторий не могла быть одномоментной, как и внедрение практических занятий в учебный процесс. В 1860-е гг. практические занятия были предназначены для студентов старших курсов, которые хотели специализироваться в той или иной отрасли науки, поэтому не могли быть обязательными, что отражено в правилах университетов 1860-х гг. Практические занятия в 1870-е гг., когда они уже вошли в привычную университетскую жизнь студентов-естественников, тем не менее, все еще оставались не-обязательными. В правилах для студентов практические занятия упоминались, но студенты были «обязаны посещать лекции своего факультета или отделения, по принадлежности, согласно расписанию» [24, с. 19]. Любопытно, что в правилах Казанского университета слово *обязаны* было выделено курсивом [24, с. 20]. Следует отметить, что не всегда правила содержали упоминание о практических занятиях, так, в правилах Петербургского университета 1872, 1878 и 1881 гг. кроме фразы об обязательности посещений лекций, иных видов учебных занятий не упоминалось [25, с. 9; 26, с. 8; 27, с. 9]. В отличие от процитированных выше правил Харьковского университета, где часть об обязанностях студентов включала в себя следующий пункт: «Студенты и посторонние слушатели собираются в университете и принадлежащих ему учреждениях в назначенные часы для слушания лекций и практических занятий по разным предметам преподавания» [24, 19].

Самое детальное описание практических занятий имелось в правилах университета св. Владимира. Им был выделен отдельный подпункт главы II «О занятиях и об испытаниях студентов», который содержал параграф, поясняющий, что именно имелось в виду под практическими занятиями. Помимо бесед и устных изложений, а также письменных ответов, практические занятия состояли «в практических исследованиях и опытах, производимых под руководством профессоров, в лабораториях, клиниках и других учебно-вспомогательных учреждениях» [28, с. 10].

Как мы видим, правила не всех университетов и в 1870-е гг. содержали сведения о практических занятиях¹. Однако для организации практических занятий в 1870-е гг. были необходимы усилия профессоров и преподавателей в 1860-е гг., которые в той или иной степени отражены в университетских отчетах этого периода. Так, отчет Казанского университета за 1862 г. свидетельствует о приобретении микроскопа Гартнака с аппаратом Дюжардена и микроскопа Наше для ботанического сада, а также о недостатке помещения для магнитных наблюдений в физическом кабинете, при этом за 1200 р. был приобретен «инструмент работы Бруннера в Париже, служащий для измерений, претерпеваемых лучами света, прошедшими сквозь различные среды» [13, с. 285]. В этом же году новое помещение получил физиологический кабинет, в котором появилась отдельная комната для производства опытов и комната для микроскопических занятий.

Состояние кабинетов и лабораторий Казанского университета оценил академик К.М. Бэр, посетивший университет в 1863 г. и признавший, что «состояние учебных кабинетов и лабораторий вообще также превзошло мое ожидание. Некоторые из них, как напр[имер] обсерватория, физиологический институт, физический кабинет и химическая лаборатория, оказались в избытке снабженными инструментами, аппаратами и другими вспомогательными средствами для научного преподавания и для упражнения учащихся. В других кабинетах выказывается ощутительный недостаток денежных средств и особенно замечено это в кабинете сравнительной анатомии» [12, с. 516].

В 1862 г. в Петербургском университете действовала ревизионная комиссия, которая оценивала состояние учебно-вспомогательных заведений и пришла к выводу, например, относительно ботанического кабинета, что «она вполне разделяет убеждение профессора Бекетова о необходимости приобрести покупкою по крайней мере четыре небольших микроскопа работы Шинка в Берлине, ценою по 60-65 талеров каждый, устроить в университете теплицу по плану г[оспо-

¹ Обязательными практические занятия стали только после принятия устава 1884 г.

дина] профессора Бекетова и построить новую мебель для аудитории при ботаническом кабинете, сообразно с условиями преподавания ботаники» [14, с. 498].

К концу 1860-х гг. ботанический кабинет Санкт-Петербургского университета насчитывал около 22 000 видов растений в гербарии, 79 видов живых редких растений в горшках, 10 микроскопов, 131 таблицу, разные приборы, инструменты и посуду для исследований [6, с. 395]. К этому времени уже был построен ботанический корпус в ботаническом саду, где и разместился кабинет.

В 1862 г. в Харьковском университете была перестроена химическая лаборатория, что дало возможность увеличить число студентов, занимающихся практически: «Для этого прежние длинные столы перерезаны на несколько меньших, и число шкафов для помещения реактивов увеличено. Таким образом, в практической комнате, где было устроено только 8 отдельных мест для занятий, теперь их находится 18» [15, с. 150].

Ботанический кабинет Харьковского университета в 1862 г. имел один большой микроскоп Гартнака, небольшой микроскоп и просто микроскоп для препарирования [18, с. 497]. В таких условиях о полноценных практических занятиях речи быть не могло, этот инвентарь мог использоваться только для демонстраций. В Казанском университете ситуация была не лучше: из 5 столов 3 были приспособлены для микроскопических работ и оборудованы 2 микроскопами – Гартнака и Наше. Но Казанский университет имел находящуюся рядом, в физиологическом кабинете, теплицу и холодную оранжерею, снабжавших студентов свежими растениями [18, с. 503].

Не всегда желания профессоров совпадали с возможностями университетов. Так, несмотря на запрос профессора ботаники Московского университета Н.Н. Кауфмана, помещение для практических занятий со студентами в ботаническом саду в 1860-е гг. так и не появилось. Средства на него университет получил от меценатов только в 1880-е гг.

О том, какие усилия прилагали профессора естественных отделений для создания научной базы для организации практических

занятий, зачастую можно судить лишь по воспоминаниям их коллег и учеников. Так, Н.Ю. Зограф, ученик А.П. Богданова, бывший студентом на рубеже 1860-70-х гг., вспоминал, что в то время «от естественника для окончания курса не требовалось даже самых основ практической аналитической химии» [10, с. 43], противопоставляя усилия своего учителя для организации практических занятий: «Обстановка лаборатории того времени была ещё чрезвычайно примитивная. На всех занимавшихся, а нас было, помнится, семь человек, был один микроскоп, да и тот принадлежал лично А.П. Богданову. [...] В занятиях А.П. Богданова со студентами была известная, определённая последовательность. Он был большим поклонником вывезенного из Гисена метода зарисовки виденного. [...] Итак, А.П. Богданов учил прежде всего смотреть и наблюдать; контролируя рисунки студентов, он обыкновенно садился сам за микроскоп, изображал то, что было видно, и, сравнив свой чертёж с чертежом новичка, тот же час старался выяснить ему, чем обусловлена его ошибка» [10, с. 51-52].

Отчет Московского университета за 1869-70 гг. содержит несколько иную информацию: 5 микроскопов были куплены на средства, ассигнованные Обществом любителей естествознания – оно выделило 500 руб. Приобретенные микроскопы должны были распределиться среди студентов по усмотрению профессора А.П. Богданова. Среди получивших микроскопы студентов числится и студент Н.Ю. Зограф [19, с. 82].

К.А. Тимирязев, характеризуя эпоху конца 1850-60-х гг., отмечал, что «пробуждение естествознания» затронуло все сферы естественных наук и было связано с общественным подъемом в России после смерти Николая I, зарубежными стажировками и личностями профессоров, их желанием быть лучше, чем их предшественники, совершенствовать себя и своих учеников, создавать условия для этого совершенствования: «Если спросят: какая была самая выдающаяся черта этого движения? Можно не задумываясь ответить одним словом – энтузиазм. Тот увлекающий человека и возвышающий его энтузиазм, то убеждение, что делается дело, способное поглотить все

умственные влечения и нравственные силы, дело, не только лучше всякого другого могущее скрасить личное существование [...] Этот энтузиазм был отмечен чертою полного бескорыстия, доходившего порою до почти полного забвения личных потребностей» [33, с. 29].

Заключение

Массовые стажировки профессорских стипендиатов второй половины 1850-60-х гг. имели несколько направлений движения – Франция, Германия, Швейцария и Англия, однако самыми популярными городами оставались Париж, Гейдельберг и Берлин. Несмотря на то, что стипендиаты, занимавшиеся естественными науками, чаще всего посещали Париж, однако в связи с особенностью организации лабораторий во Франции именно немецкая модель соединения науки и преподавания (идея *Wissenschaft*) оказала значительное влияние на распространение так называемого лабораторного метода в университетах Российской империи и явно являлась моделью, привнесенной из Германии. В случае России это можно назвать «вторичным импортом» науки, который оказался эффективным для дальнейшего успешного развития естественных наук. Несмотря на то, что не все лаборатории и кабинеты смогли обеспечить рабочие места для студентов в связи с необходимостью закупки оборудования, расширения помещений и создания учебных пособий, 1860-е гг. являются поворотным пунктом в адаптации лабораторного метода в университетах Российской империи. И даже несмотря на то, что ни устав 1863 г., ни правила университетов 1860-70-х гг. не имели пункта об обязательности практических занятий, они прочно вошли в учебный процесс, став естественной частью как подготовки всех студентов естественных отделений, так и студентов специализировавшихся в области тех или иных естественных наук.

Список литературы

1. Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 97. С. 68-93.

2. Варадинов Н. Необходимость реформы в нашем университетском образовании // ЖМНП. 1870. Ч. 150. С. 1-18.
3. Вишленкова Е.А., Галиулина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012. 650 с.
4. Головнин А.В. Записки для немногих / отв. сост. и науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб.: Нестор-История, 2004. 575 с.
5. Грибовский М.В. Трудности университетской карьеры в России в конце XIX – начале XX века // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 146-159.
6. Григорьев В.В. Императорский Санкт–Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования: историческая записка. СПб.: в тип. В. Безобразова, 1870. 432 с.
7. Еремина Т.И. Правовые стимулы профессиональной деятельности ученого сословия университетов Российской империи // Право и образование. 2017. № 7. С. 137-148.
8. Жуковская Т.Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800-1810-х годах (по письмам и дневникам) // Запад - Восток. 2016. № 9. С. 59-95.
9. Записки В.В. Марковникова // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1910. Вып. 1-4. С. 357-400.
10. Зограф Н. Отрядная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов // Зоологические исследования. 2015. № 18. С. 39-63.
11. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.
12. Извлечение из донесения министерству народного просвещения академика тайного советника Бэра о посещении летом 1863 года Казанского университета // ЖМНП. 1863. Ч. 119. С. 516-521.
13. Извлечение из отчета Императорского Казанского университета за 1862 год // ЖМНП. 1863. Ч. 119. С. 282-299.
14. Извлечение из отчета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1862 год // ЖМНП. 1863. Ч. 119. С. 494-515.
15. Извлечение из отчета по Императорскому Харьковскому университету за 1862 год // ЖМНП. 1863. Ч. 120. С. 142-170.

16. Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998. 272 с.
17. Костина Т.В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835-1837 годах // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 234-242.
18. О научных пособиях университетов Харьковского и Казанского, по части ботаники // ЖМНП. 1863. Ч. 120. С. 492-505.
19. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1869-70 академическом и 1870 гражданском году. М., 1875.
20. Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1858-59 академический и 1859 гражданский годы. М., 1859.
21. Пирогов Н.И. Письма из Гейдельберга // Сочинения. Т. 1. Киев: Изд-е Пироговского общ-ва, 1914. Ст. 517-632.
22. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. Т. XXXVIII (1863). СПб., 1866. Штаты и табели.
23. Правила для студентов и посторонних слушателей Императорского Казанского университета. Казань, 1878. 37 с.
24. Правила для студентов и посторонних слушателей лекций в Императорском Харьковском университете. Харьков, 1878. 54 с.
25. Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета. СПб., 1872. 28 с.
26. Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета. СПб., 1878. 31 с.
27. Правила для студентов и посторонних слушателей С.-Петербургского университета. СПб., 1881. 35 с.
28. Правила Императорского университета святого Владимира. Киев, 1877. 108 с.
29. Российская профессура. XVIII – начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки: биографический словарь / В.А. Волков, М.В. Куликова. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2003. 544 с.
30. Российская профессура XVIII – начало XX в. Науки о Земле / В.А. Волков, М.В. Куликова. СПб.: Росток, 2020. 666 с.
31. Российская профессура. XVIII – начало XX в. Физико-математические науки: биографический словарь / В.А. Волков, М.В. Куликова. СПб.: Мирь, 2008. 359 с.

32. Российская профессура. XVIII – начало XX века. Химические науки: биографический словарь / В.А. Волков, М.В. Куликова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2004. 274 с.
33. Тимирязев К.А. Пробуждение естествознания в третьей четверти века // История России в XIX веке. Т. 7. Ч. III. СПб.: А. и И. Гранат, 1909. С. 1-30.
34. A History of the University in Europe. Vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / ed. W. Rüegg. Cambridge University Press, 2004.
35. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie für die gebildeten Stände. Conversations-Lexikon. Leipzig 1864–1868, 15 Bände. 9. Band: Konradin – Mauer.
36. Brockhaus' Conversations-Lexikon. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie. Leipzig 1882–1887, 16 Bände. 10 Band: Kadett – Lenzkirch.
37. Brockhaus' Konversations-Lexikon. Leipzig, Berlin und Wien 1892–1896, Neudruck 1896, 16 Bände. 10. Band: K – Lebensversicherung.
38. Brooks N.M. Alexander Butlerov and the Professionalization of Science in Russia // *The Russian Review*, 2002, no. 57(1), pp. 10-24. <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00004>
39. Conversations-Lexikon. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie. Leipzig 1875–1879, 15 Bände. 9. Band: Karlowitz – Maerlant.
40. Fox R. Scientific enterprise and the patronage of research in France 1800-70 // *Minerva*, 1973, no. 11 (4), pp. 442-473.
41. Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804-1863. Los Angeles, Berkeley, 2005.
42. Gordin M.D. The Heidelberg Circle: German Inflections on the Professionalization of Russian Chemistry in the 1860s // *Osiris*, 2008, no. 23(1), pp. 23-49. <https://doi.org/10.1086/591868>
43. Kassow S. Professionalism Among University Professors // *Russia's missing middle class: the professions in Russian history*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1996, pp. 197-222.
44. Schmidgen H. The Laboratory // *EGO: European history online*, 2011. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/knowledge-spaces/henning-schmidgen-laboratory#> (accessed 19.09.2021)

45. Vanpaemel, G. (2015). The German Model of Laboratory Science and the European Periphery (1860–1914) // *Sciences in the Universities of Europe, Nineteenth and Twentieth Centuries*. Springer, 2015, pp. 211-225. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9636-1_13

References

1. Andreev A. Yu. Mobility of professors in the University system of the Russian empire of the 19th and the beginning of the 20th centuries. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2020, no. 97, pp. 68-93.
2. Varadinov N. Neobkhodimost' reformy v nashem universitetskom obrazovanii [The need of the reform in our university education]. *ZhMNP*, 1870, vol. 150, pp. 1-18.
3. Vishlenkova E.A., Galiulina R.Kh., Il'ina K.A. *Russkie professora: Universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors: university corporatism or professional solidarity]. Moscow, 2012, 650 p.
4. Golovnin A.V. *Zapiski dlya nemnogikh* [Notes for few]. St. Petersburg, 2004, 575 p.
5. Gribovskiy M.V. Difficulties of a University Career in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 146-159.
6. Grigor'ev V.V. *Imperatorskiy Sankt–Peterburgskiy universitet v techenie pervykh 50 let ego sushchestvovaniya: istoricheskaya zapiska* [Imperial St. Petersburg University during the first 50 years of its existence: historical note]. St. Petersburg, 1870, 432 p.
7. Eremina T.I. Pravovye stimuly professional'noy deyatel'nosti ucheno-go sosloviya universitetov Rossiyskoy imperii [Legal incentives for the professional activity of the academic class of universities of the Russian Empire]. *Pravo i obrazovanie*, 2017, no. 7, pp. 137-148.
8. Zhukovskaya T.N. Stipendiaty rossiyskikh universitetov v Evrope v 1800-1810-kh godakh (po pis'mam i dnevnikam) [Scholarships on Russian universities in Europe in 1800-1810-th (on the basis of letters and diaries)]. *Zapad – Vostok* [West - East], 2016, no. 9, pp. 59-95.

9. *Zapiski V.V. Markovnikova* [Notes of Vladimir V. Markovnikov]. Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik, 1910, no. 1-4, pp. 357-400.
10. Zograf N. Otradnaya stranitsa iz istorii russkoy nauki. Anatoliy Petrovich Bogdanov [Pleasant page from the history of Russian science. Anatoly P. Bogdanov]. *Zoologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 18, pp. 39-63.
11. Ivanov A.E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiyskoy imperii. XVIII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly* [Scholarly dignity in the Russian Empire. XVIII – the beginning of the XX century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education]. Moscow, 2016, 656 p.
12. Izvlechenie iz doneseniya ministerstvu narodnogo prosveshcheniya akademika taynogo sovetnika Bera o poseshchenii letom 1863 goda Kazanskogo universiteta [Extract from the report to the Ministry of Education of the academician and privy councilor Baer about visiting Kazan university summer 1863]. *ZhMNP*, 1863, no. 119, pp. 516-521.
13. Izvlechenie iz otcheta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1862 god [Extract from the report of Imperial Kazan University for 1862]. *ZhMNP*, 1863, no. 119, pp. 282-299.
14. Izvlechenie iz otcheta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za 1862 god [Extract from the report of Imperial St. Petersburg University for 1862]. *ZhMNP*, 1863, no. 119, pp. 494-515.
15. Izvlechenie iz otcheta po Imperatorskomu Khar'kovskomu universitetu za 1862 god [Extract from the report of Imperial Kharkov University for 1862]. *ZhMNP*, 1863, no. 120, pp. 142-170.
16. Inostrantsev A.A. *Vospominaniya (Avtobiografiya)* [Memories (Autobiography)]. St. Petersburg, 1998, 272 p.
17. Kostina T.V. Peresmotr kadrovogo sostava russkikh universitetov v 1835-1837 godakh [The revision of the staff at the Russian universities in 1835-1837]. Uroki istorii – uroki istorika. Sbornik statey k 80-letiyu Yu.D. Margolisa (1930–1996) [Lessons of history – lessons of the historian. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Yu.D. Margolis (1930-1996)]. St. Petersburg, 2012, pp. 234-242.
18. O nauchnykh posobiyakh universitetov Khar'kovskogo i Kazanskogo, po chasti botaniki [On scientific aids for botany in the Kharkov and Kazan universities]. *ZhMNP*, 1863, no. 120, pp. 492-505.

19. *Otchet o sostoyanii i deystviyakh Imperatorskogo Moskovskogo universiteta v 1869-70 akademicheskom i 1870 grazhdanskom godu* [The report about the state and actions of the Imperial Moscow university in the 1869-1870 year]. Moscow, 1875.
20. *Otchet o sostoyanii i deystviyakh Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 1858-59 akademicheskiy i 1859 grazhdanskiy gody* [The report about the state and actions of the Imperial Moscow university in the 1858-1859 year]. Moscow, 1859.
21. Pirogov N.I. *Pis'ma iz Geydel'berga* [Letters from Heidelberg]. Sochineniya. T. 1. Kiev, 1914, pp. 517-632.
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The full collections of acts of the Russian empire]. T. XXXVIII (1863). St. Petersburg, 1866. Shtaty i tabeli.
23. *Pravila dlya studentov i postoronnikh slushateley Imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [The rules for students and outside listeners of the Imperial Kazan university]. Kazan', 1878, 37 p.
24. *Pravila dlya studentov i postoronnikh slushateley lektsiy v Imperatorskom Khar'kovskom universitete* [The rules for students and outside listeners of lectures in the Imperial Kharkov university]. Khar'kov, 1878, 54 p.
25. *Pravila dlya studentov i postoronnikh slushateley S.-Peterburgskogo universiteta* [The rules for students and outside listeners of St. Petersburg university]. St. Petersburg, 1872, 28 p.
26. *Pravila dlya studentov i postoronnikh slushateley S.-Peterburgskogo universiteta* [The rules for students and outside listeners of St. Petersburg university]. St. Petersburg, 1878, 31 p.
27. *Pravila dlya studentov i postoronnikh slushateley S.-Peterburgskogo universiteta* [The rules for students and outside listeners of St. Petersburg university]. St. Petersburg, 1881, 35 p.
28. *Pravila Imperatorskogo universiteta svyatogo Vladimira* [The rules of the Imperial university of St. Vladimir]. Kiev, 1877, 108 p.
29. *Rossiyskaya professura. XVIII – nachalo XX vv. Biologicheskie i mediko-biologicheskie nauki: biograficheskiy slovar'* [Russian professors. XVIIIth – early XXth century. Biology and medico-biology]. St. Petersburg, 2003, 544 p.

30. *Rossiyskaya professura XVIII – nachalo XX v. Nauki o Zemle* [Russian professors. XVIIIth – early XXth century. Earth science]. St. Petersburg, 2020, 666 p.
31. *Rossiyskaya professura. XVIII – nachalo XX v. Fiziko-matematicheskie nauki: biograficheskiy slovar'* [Russian professors. XVIIIth – early XXth century. Physics and Mathematics]. St. Petersburg, 2008, 359 p.
32. *Rossiyskaya professura. XVIII – nachalo XX veka. Khimicheskie nauki: biograficheskiy slovar'* [Russian professors. XVIIIth – early XXth century. Chemistry]. St. Petersburg, 2004, 274 p.
33. Timiryazev K.A. Probuzhdenie estestvoznaniya v tret'ey chetverti veka [Awakening of natural sciences in the third quarter of century]. *Istoriya Rossii v XIX veke*, vol. 7, no. III, St. Petersburg, 1909, pp. 1-30.
34. A History of the University in Europe. Vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945), ed. W. Rüegg. Cambridge University Press, 2004.
35. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie für die gebildeten Stände. Conversations-Lexikon. Leipzig 1864–1868, 15 Bände. 9. Band: Konradin – Mauer.
36. Brockhaus' Conversations-Lexikon. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie. Leipzig 1882–1887, 16 Bände. 10 Band: Kadett – Lenzkirch.
37. Brockhaus' Konversations-Lexikon. Leipzig, Berlin und Wien 1892–1896, Neudruck 1896, 16 Bände. 10. Band: K – Lebensversicherung.
38. Brooks N.M. Alexander Butlerov and the Professionalization of Science in Russia. *The Russian Review*, 2002, no. 57(1), pp. 10-24, <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00004>
39. Conversations-Lexikon. Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie. Leipzig 1875–1879, 15 Bände. 9. Band: Karlowitz – Maerlant.
40. Fox R. Scientific enterprise and the patronage of research in France 1800-70. *Minerva*, 1973, no. 11 (4), pp. 442-473.
41. Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804-1863. Los Angeles, Berkeley, 2005.
42. Gordin M.D. The Heidelberg Circle: German Inflections on the Professionalization of Russian Chemistry in the 1860s. *Osiris*, 2008, no. 23(1), pp. 23-49. <https://doi.org/10.1086/591868>

43. Kassow S. Professionalism Among University Professors. *Russia's missing middle class: the professions in Russian history*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1996, pp. 197-222.
44. Schmidgen H. The Laboratory. *EGO: European history online*, 2011. URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/knowledge-spaces/henning-schmidgen-laboratory#> (accessed 19.09.2021)
45. Vanpaemel, G. (2015). The German Model of Laboratory Science and the European Periphery (1860–1914). *Sciences in the Universities of Europe, Nineteenth and Twentieth Centuries*. Springer, 2015, pp. 211-225. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9636-1_13

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Жарова Екатерина Юрьевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, РАН

Университетская наб., 5Б, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

zharova_ekaterina@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Iu. Zharova, PhD in Biology, a researcher of the Department of social and cognitive problems of science

St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS,

5B, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SPIN-code: 7739-6094

ORCID: 0000-0002-1349-7496

ResearcherID: R-9419-2019

Scopus Author ID: 57190880856

Поступила 20.09.2021

После рецензирования 07.10.2021

Принята 11.10.2021

Received 20.09.2021

Revised 07.10.2021

Accepted 11.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-78-99

УДК 322(470.44)|1945/1953|

**СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РПЦ И РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1945–1953 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Гусева Я.Ю.

***Цель.** Статья посвящена анализу взаимоотношений государства, в лице Совета по делам РПЦ, как проводника государственной-церковной политики, и Русской православной церкви в 1945–1953 гг. Предмет исследования: отношения уполномоченного Совета по делам РПЦ и Русской Православной церкви в Саратовском Поволжье. Задача работы показать, как деятельность Совета по делам РПЦ и его уполномоченного влияла на внутреннюю жизнь Саратовской епархии.*

***Метод и методология.** На основе общенаучных, специальных исторических и некоторых, заимствованных у других наук (например, у статистики) методов, проанализирован комплекс документов центральных и региональных архивов Российской Федерации, освещающих проблему, вынесенную в название статьи.*

***Результаты.** Период с 1945 по 1953 гг. в отношениях РПЦ и Советского руководства был неоднозначным и сложным. С одной стороны, имели место начавшиеся в годы войны потепление и некоторая стабилизация этих отношений, с другой стороны, у властей присутствовало желание сдерживать церковное возрождение. Более того, с начала 1948 года началось ужесточение антирелигиозной политики, чему ярким примером могут служить события, развернувшиеся после опубликования в газете «Правда» фельетона «Саратовская купель». Активным проводником государственной-церковной политики был Совет по делам РПЦ, осуществлявший контроль над деятельностью Церкви через штат уполномоченных. Статья базируется на многих архивных документах, наглядно ил-*

люстрирующих непростые взаимоотношение государства и Церкви того времени и ее попытки в сложившейся ситуации сделать все возможное для сохранения своей деятельности и духовно-нравственной поддержки верующих.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут способствовать более глубокому осмыслению и усвоению религиозной политики Советского государства в послевоенный период.*

Ключевые слова: *Саратовская епархия; Русская православная церковь; открытие и закрытие церквей; уполномоченный Совета по делам РПЦ по Саратовской области; Саратовская духовная семинария*

COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1945–1953 (BASED ON THE SARATOV VOLGA REGION MATERIALS)

Guseva Ya. Yu.

Purpose. *The article is devoted to the analysis of the relationship between the state, represented by the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, as a conductor of state-church policy, and the Russian Orthodox Church in 1945–1953. Subject of the study: relations of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the Russian Orthodox Church in the Saratov Volga region. The task of the work is to show how the activities of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and its commissioner influenced the inner life of the Saratov diocese.*

Method and methodology. *On the basis of general scientific, special historical and some methods borrowed from other sciences (for example, statistics) a set of documents from central and regional archives of the Russian Federation covering the problem presented in the title of the article is analyzed.*

Results. *The period from 1945 to 1953 in the relations of the ROC and the Soviet leadership was ambiguous and complex. On the one hand, there*

was a warming that began during the war years and some stabilization of these relations, on the other hand, the authorities had a desire to restrain the church revival. Moreover, since the beginning of 1948, the tightening of anti-religious policy began, which is a vivid example of the events that unfolded after the publication of the feuilleton "Saratov Font" in the newspaper Pravda. The active conductor of state – church policy was the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, which controlled the activities of the Church through a staff of commissioners. The article is based on many archival documents that clearly illustrate the difficult relationship between the state and the Church of that time and the attempts of the Church in the current situation to do everything possible for preserving its activities and for spiritual and moral support of believers.

The scope of applicability of results. *The results of the study can contribute to a deeper understanding and assimilation of the religious policy of the Soviet state in the post-war period.*

Keywords: *Saratov Diocese; Russian Orthodox Church; opening and closing of churches; commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Saratov region; Saratov Theological Seminary*

Введение

Развитие отношений государства и Церкви составляет важнейшую и неотъемлемую часть истории России. Русское государство исторически складывалось при огромной консолидирующей роли РПЦ, а морально-нравственное сознание общества определялось влиянием религиозного вероучения. Актуальность темы определяется особой ролью Церкви в общественной и социальной жизни на всем протяжении русской истории.

Уже в 1943 г. во взаимоотношениях советского государства с Русской православной церковью произошли разительные, по сравнению с предшествующими десятилетиями, перемены. Начался диалог государства с церковным руководством. Период с 1945 по 1953 гг. – один из противоречивых и сложных за все время существования советской власти.

Исследования советских историков на религиозную тему носили общий характер. Первым тему взаимоотношений государства и Церкви в 1943-1953 гг. исследовал В.А. Куроедов [13]. Характеризуя политику Церкви в советский период, автор писал, что это была политика лояльности, что и сыграло большую положительную роль во взаимоотношениях с государственной властью.

Новый этап в изучении проблемы наступил в 1990-е гг. Особо хочется выделить монографии В.А. Алексеева [1], Д.В. Поспеловского [18] и М.В. Шкаровского [26]. Авторы раскрывают внутреннюю жизнь Церкви в послевоенный период, а также анализируют процесс открытия храмов и семинарий и освещают очередной антицерковный поворот в политике И.В. Сталина после 1948 г.

Большой вклад в изучение государственно-церковных отношений внесли О.Ю. Васильева [4], Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова [5] и М.И. Одинцов [16, 17]. Авторы, анализируя причину потепления отношений государства и Церкви во время войны, пришли к выводу, что изменение отношения к РПЦ было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. К внутренним причинам относят активную патриотическую деятельность церкви, ее консолидирующую роль, сбор денежных средств на нужды фронта. В качестве внешних причин называется, с одной стороны, внешне лояльная по отношению к верующим политика германских оккупантов, наиболее ярко выражавшаяся в массовом открытии храмов, а с другой стороны – непростые взаимоотношения советского руководства с западными союзниками, которым необходимо было доказать, что они вступают в союз со страной с демократическими порядками, где есть свобода слова, собраний и выбора вероисповедания.

Деятельность Совета по делам РПЦ глубоко была изучена исследователями О.С. Смирновой [22] и Т.А. Чумаченко [26]. Т.А. Чумаченко детально изучила механизм руководства центральным аппаратом СДРПЦ работой уполномоченных Совета на местах, исследовала внешнеполитический аспект деятельности Совета по делам РПЦ.

В Нижневолжском регионе теме взаимоотношений власти и Церкви посвящены диссертации С.В. Мордвинова [15] и И.В. Макарова [14]. История возрождения Сталинградской епархии в 1945-1953 гг. была изучена в очерке О.Ю. Редькиной [19].

Среди церковных историков, занимавшихся данной проблематикой можно выделить священника Сергия Гордуна [8], игумена Дамаскина (Орловского) [11], протоиерея В. Цыпина [25]. Работы церковных авторов по данной теме в целом не противоречат светским. Так, игумен Дамаскин (Орловский) пишет, что демонстрация лояльности к РПЦ ограничилась только лишь несколькими акциями. Советское правительство не собиралось открывать церкви, предполагая ограничиться выгодами деятельности РПЦ за рубежом.

Материалы и методы

Главным источником по данному периоду являются делопроизводственные документы Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР и его уполномоченного по Саратовской области. Это в первую очередь отчетно-информационные доклады уполномоченного, сопровождающиеся статистическими справками о количестве действующих храмов, численности духовенства и пр. и ответные письма Совета по делам РПЦ уполномоченному. Отчеты хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р-6991 (Совет по делам РПЦ при Совете Министров). Копии отчетов уполномоченного по делам РПЦ по Саратовской области находятся в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) в фонде 594 (Саратовский обком), в отделе агитации и пропаганды. К еще одной группе источников следует отнести делопроизводственную документацию местных партийных органов (обкома, райкомов, горкомов), также хранящуюся в ГАНИСО. С новой стороны раскрывают государственно – церковные отношения отчеты правящих архиереев Саратовской епархии, находящиеся в архиве Саратовского епархиального управления (далее АСЕУ).

Результаты и обсуждение

В результате изменения государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны была восстановлена епархиальная жизнь в Саратовской области. В послевоенное время епархию возглавляли епископ Паисий (Образцов) (1944-1947 г.), епископ Борис (Вик) (1947-1949 г.) и архиепископ Филипп (Ставицкий) (1949-1952 г.). К 1946 г. в епархии действовали 5 церквей [9, Оп. 1. Д. 4774. Л. 23], служило 15 священников и 4 диакона [9, Оп. 1. Д. 4774. Л. 62]. В 1947 г. священнослужителей было уже 52 человека. Кандидаты в священнослужители поступали в основном из старых кадров. Было вновь рукоположено только 9 человек: в сан диакона – пять, в сан священника – 4 человека [21, С. 105].

Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. был создан особый правительственный орган – Совет по делам Русской православной церкви во главе с полковником госбезопасности Георгием Карповым, который должен был контролировать церковную деятельность. Если М.В. Шкаровский [27, С. 338] считает, что Совет по делам РПЦ играл большую роль в проведении религиозной политики весь послевоенный период, то приведенные материалы в работе Т.А. Чумаченко разрушают впечатление о нем как о все-мощном органе. По мнению Т.А. Чумаченко, это была организация с крайне ограниченным штатом и крайне скромными функциями [26]. Данный вывод подтверждает беседа И. Сталина с Г. Карповым 4 сентября 1943 г., когда он сказал, что Совет не должен принимать самостоятельных решений [12].

На региональном уровне нередко складывались непростые отношения уполномоченного Совета по делам РПЦ с епархиальным руководством и приходскими священнослужителями. Епископ Саратовский и Вольский Борис (Вик) писал в своем отчете за 1947 г.: «Во взаимоотношениях с уполномоченным Совета по делам РПЦ по Саратовской области имелись некоторые отрицательные стороны, ... на посылаемые ему отношения епископ не получает от уполномоченного ни положительного, ни отрицательного ответа» [21, С. 104]. В 1947 г. уполномоченный тянул с ответом на повторные

заявки и плановые материалы для проведения ремонта церквей в Балаково, Аркадак и Дурниково. Так же безрезультатно пропала заявка на ремонт собора в Саратове. Уполномоченный, по словам владыки, чтобы не нести ответственности при случае неудачного разрешения того или иного вопроса, стал следовать методу уклонения решения этих вопросов путем отъезда, болезни или отпуска.

Уполномоченный должен был решать назревшие конфликты представителей Церкви, верующих и властей. Так, к нему поступали жалобы верующих на запрещение районными и сельскими Советами служб в частных домах незарегистрированными священниками и т.д. Представители епархии жаловались на запрещение молебнов на кладбищах, на запрещение разъездов священников для совершения обрядов [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 68].

Примечательно то, что если конфликт возникал внутри Церкви, то уполномоченный устранился от ее решения. Так, в первом квартале 1950 г. поступила жалоба от представителей общины верующих Ртищевской церкви на неправильное с их точки зрения устранение архиепископом Филиппом (Ставицким) настоятеля церкви И.Н. Варина. Священник был отстранен за то, что в 1930 г. снял с себя сан священника и читал лекции на антирелигиозные темы [10, Д. 505, Л. 31]. Уполномоченный разъяснил верующим, что советские органы не вмешиваются в дела управляющего епархии.

У священства возникало множество внутренних проблем, связанных с непосильным налогообложением. Изменение курса не повлекло послаблений налогового бремени. Согласно статье 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О подходящем налоге с населения» от 30 апреля 1943 года [23], священники облагались налогом на уровне частных предпринимателей. Максимальный налог составлял 81% при доходе свыше 7000 рублей в год. Предусмотренная тем же Указом ставка обложения советских служащих налогом составляла 13% [24]. С вопросом об ослаблении налогового бремени к уполномоченному обращался епископ Саратовский Паисий (Образцов) в 1946 г. Он просил облагать священнослужителей налогами не как кустарей, а как свободных художников или лиц

свободных профессий, поскольку у этих категорий лиц были разные ставки налогообложения. С этим же вопросом, но уже в 1951 г. обратился и архиепископ Филипп (Ставицкий), а также настоятель Троицкого собора Саратова о. Иоанн Цветков. В результате городской финансовый отдел провел проверку доходности священников и установил правильность существующего исчисления, и изменять расчёт в сторону уменьшения посчитал невозможным [9, Оп. 2. Д. 1761. Л. 96].

В первые послевоенные годы Русская православная церковь продолжала осуществлять благотворительную деятельность. РПЦ вносила сотни миллионов рублей на общественно – политические цели, в том числе большую часть в фонды детям – сиротам, семьям военнослужащим. В Саратовской епархии в благотворительной деятельности принимали участие в большей или меньшей степени все пять церквей с участием всего духовенства. В 1946 г. Саратовской епархией в Госбанк было внесено 570 000 руб. в фонд помощи инвалидам и осиротевшим семьям бойцов Красной армии [15, С. 147]. Но во второй половине 40-гг. государство стало тревожить даже минимальное участие Церкви в благотворительной деятельности [7, С. 139], и поэтому уже 30 января 1947 г. Совет по делам РПЦ издал циркулярное письмо № 4 о прекращении сборов средств на патриотические цели [15, С. 147].

В послевоенное время верующие продолжали подавать ходатайства об открытии храмов, поскольку многие люди искали утешение в стенах храма, потеряв в войне близких людей. Один из инициаторов ходатайства об открытии храма в с. Крутец Аркадакского района писал в заявлении, что хлопочет об открытии храма совместно с верующими в память своих сыновей, погибших на войне [10, Д. 505, Л. 7]. В 1946 г. были удовлетворены ходатайства на открытие храма в Балашове, Ершове и Аркадаке [21, С. 103]. Д.В. Поспеловский пишет, что самая благоприятная пора для верующих пришлась на 1947–1948 гг. [18, С. 274]. Так, по Советскому Союзу за 1947 г. удалось открыть 516 храмов [11, С. 28]. В Саратовской области в 1947 г. власти разрешили открытие сразу четырех приходов – в Ба-

лакове, с. Дурникино Романовского района, с. Дергачи, с. Никольском Духовницкого района.

Вместе с тем в 1947 г. было отклонено заявление об открытии Духосошестввенной церкви в Саратове, так как ее здание использовалось военными. Исследователь С. Мордвинов пишет, что Совет по делам РПЦ признавал острую необходимость открытия этого храма, и прилагал все усилия к его открытию [15, С. 140]. Однако епископ Борис (Вик) в отчете за 1947 г. пишет, что именно уполномоченный Совета по делам РПЦ тормозил ее открытие тем, что долгое время не давал ни положительного, ни отрицательного ответа [21, С. 104]. Духосошестввенский собор удалось открыть только в 1948 г. [150, Д. 347, Л. 17]

Всего же в послевоенное время в Саратовской области было открыто только 9 храмов. Всего же в Саратовской епархии на конец 1948 г. действовало 14 церквей. Таким образом, хотя процесс регистрации храмов продолжался, но процедура была сложной и малоэффективной для верующих. В Нижневолжском регионе самым высоким процент открытых храмов был в Сталинградской области: в 1948 г. действовало уже 39 православных церквей. В Астраханской только 15 [15, С. 139].

Наибольшее количество храмов было на территориях, подвергшихся немецкой оккупации, например, на юге страны. И хотя отношение германского руководства к РПЦ было сложным, и не сводилось к открытию и закрытию храмов, очевиден пропагандистский характер немецкой религиозной политики. Стремясь использовать церковную политику в антисоветских целях, германское командование на оккупированной территории разрешало открытие церквей. После восстановления советского режима открытые храмы регистрировались как фактически действующие и, как правило, не закрывались. В результате в 1948 г. в Ростовской области было 243 храма, в Краснодарской крае – 239, Ставропольском – 140 [15, С. 139].

В целом по Советскому Союзу в 1948 г. количество храмов достигает 14 329. Но из этого числа 3 021 храм приходился на территории, вошедшие в состав Советского Союза в 1939-1940 гг. Из

объяснительной записки Совета по делам РПЦ за 1948 г. мы узнаем, что за годы войны на территории, подвергшейся германской оккупации, было открыто 7 547 храмов [11, С. 28]. 2 491 униатский храм присоединился к Русской церкви в 1946 г. В итоге Советское правительство за 1942-1948 гг. открыло всего лишь 1 270 храмов из 14 329 [6, С. 112].

М. Одинцов пишет, такое отношение местных властей к просьбам верующих доказывает, что власти заняли в большинстве своем позицию игнорирования просьб верующих, открытого и закрытого противодействия [16, С. 368]. Но уполномоченный Совета по делам РПЦ по Саратовской области П.В. Полуабкин объяснял это тем, что все церковные здания были заняты более или менее важными учреждениями. Так, за 1 квартал 1946 г. отказы в открытии храмов объяснялись следующими причинами: 7 церквей были заняты под хлебопункты Заготзерно, 1 – инкубаторной станцией, 1 – за отсутствием здания.

Поэтому массовые отказы верующим в своей основе имели несколько причин. Это, несомненно, затруднение в освобождении храмов, занятых под различные нужды. Кроме того, передача храма всегда имеет финансовую составляющую. Не всегда была очевидна возможность верующих содержать возрожденный храм и священника. Но не менее важной причиной многочисленных отказов было желание властей сдерживать церковное возрождение.

В результате изменения государственно – церковной политики Русская православная церковь получила возможность возродить церковное духовное образование. Были открыты Православный Богословский Институт в Москве, Духовные академии в Москве и Ленинграде, а в епархиальных городах – семинарии. Семинарии появились в Ленинграде, Минске, Киеве, Ставрополе, Луцке и Львове, Одессе, Вильно. 16 сентября 1947 г. открылась Саратовская духовная семинария. На первый курс поступило 17 человек [20, С. 27]. Важным вопросом открывшихся семинарий стала перестройка учебных планов и программ. Перечень наук во многом соответствовал дореволюционной программе духовной школы, но вводились

и новые предметы, такие как Государственное устройство СССР, Конституция СССР. На педагогическом собрании Саратовской семинарии 2 февраля 1949 г. постановили для второго класса на уроке Конституции СССР утвердить темы: «Поучительные черты из биографии Ленина и Сталина для советского гражданина», а для первого класса: «Принципиальное отличие Советского Союза от капиталистических стран», «Сталинская Конституция – самая демократическая в мире» и т.д. [2, Д. 26а. Л. 2]. Важное значение приобрела культурно – массовая работа, носившая часто светский характер. В 1950 г. в горпарткабинете семинаристами были прослушаны лекции: происхождение и сущность христианства, коммунистическая и религиозная мораль. Были проведены торжественные заседания в день 32-й годовщины Октябрьской революции, в день 70-летия Сталина и т.д. [10, Д. 505. Л.48]

Председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов писал уполномоченному Совету по делам РПЦ по Саратовской области: «В отношении к духовной семинарии Вам следует иметь общее наблюдение за ее деятельностью и оказывать в том или ином случае необходимое содействие в хозяйственных вопросах. Во внутреннюю жизнь семинарии вмешательство с Вашей стороны недопустимо». Таким образом, председатель Совета по делам РПЦ вполне лояльно относился к открывшейся Саратовской семинарии [10, Д. 347. Л. 3 об].

Первые послевоенные годы были временем более терпимого, внешне даже благожелательного отношения к Русской православной церкви. Но с 1948 г. происходит осложнение государственно – церковных отношений. 25 июля 1948 г. министр МГБ В.С. Абакумов подал И.В. Сталину обширную докладную, где подчеркивалась необходимость усиления репрессий против Церкви. За время с 1 января 1947 г. по 1 июня 1948 г. по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 представителей различных религий, из них православных верующих 679 человек [11, С. 35]. 15 августа 1949 г. Г.Г. Карпов сообщал М. Сулову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в январе-июне уполномоченные Совета сняли с регистрации 12 священников.

А в 1949 г. разразился скандал. Все началось с фельетона, опубликованного в газете «Правда», посвященного купанию на крещенский праздник в г. Саратове. М.В. Шкаровский считает, что вся история с фельетоном могла быть провокацией государственных органов, так как выход его в печать стал своеобразным сигналом для организации кампании по ликвидации любых проявлений церковной деятельности в целом по стране. Местные органы власти Саратовской области предприняли меры по ограничению богослужebной деятельности, были запрещены службы незарегистрированными священниками, началась борьба с активистами и инициаторами возбуждений ходатайств об открытии церквей. Особенно изменил свое отношение Саратовский горсовет. Исполком горсовета в феврале 1949 г. проверил соблюдение условий эксплуатации молитвенных мест РПЦ в Саратове и установил, что они не отвечают требованиям безопасности, в связи с чем был закрыт молитвенный дом по Новоузенской улице в Агафоновском поселке [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 66].

Властями было решено приостановить деятельность Духосошественской церкви, в связи «с недопустимыми нарушениями нормальных условий для работы средней школы» [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 70]. Близкое расположение школы и храма служило немым примером религиозной жизни, способным оказать влияние на подрастающее поколение. Это показалось саратовским властям недопустимым в условиях нового витка антирелигиозной борьбы. Также было решено приостановить деятельность семинарии до получения разрешения Госсанинспекции, пожарной охраны и исполкома горсовета. В этот же период появилась прямая угроза закрытия семинарии, так как в Крестном ходу на Крещение активное участие принимали семинаристы. После Крестного хода был введен ряд мер, ограничивающих деятельность семинарии. Ректор семинарии был вынужден запретить доступ верующих в семинарскую церковь (на несколько месяцев). Организации отказывались централизованно снабжать семинарскую столовую продуктами питания; в учебном корпусе и общежитиях был отключен телефон; в зданиях семинарии под разными предлогами отключалась электрическая энергия [3, Л. 287].

Многие священники и представители Саратовской епархии не побоялись отреагировать на фельетон и события, связанные с ним. Священник церкви в с. Дурникино говорил: «Статья вывела из равновесия саратовскую гражданскую власть. Проморгали они, воспитывали они, воспитывали, да недовоспитали своих коммунистов. Борьба им с нами тяжело, масса верит в свои старые обряды. У меня и то купалось 20 человек, но никто не захворал». Ректор Саратовской духовной семинарии Феогност высказался рационально: «В этом фельетоне я усматриваю начало преследования религии в Саратове, а может и основание к удалению епископа Бориса из Саратова». Высказывание священника из Ртищева было самым эмоциональным: «Вранье, козни сатаны, не знают, как народ отбить от Церкви, поэтому пишут всякую чепуху. Не люблю я читать их брехню и слушать их радио. Враги Церкви не знают, как нас уязвить. Думают напугать народ». А в конце высказался поспокойнее: «Плохо будет тем начальникам, которые помогали рубить прорубь для купающихся, судить их будут... В общем на нас нападают и хотят нас со света сжить. Ну, что же, на то Божья воля» [10, Д. 505. Л. 44].

Церковные власти как могли пытались сгладить конфликт и возобновить нормальные отношения с властью. Московский Патриарх Алексей дал указания по епархиям о запрещении Крестных ходов в праздник Крещения. Управление Саратовской епархии в свою очередь также дало распоряжение о запрещении Крестных ходов к водоемам, а водосвятие производить в церковных оградах [9, Оп. 2. Д. 963. Л. 49]. В связи с развернувшимися событиями указом патриархии 3 марта 1949 г. был снят с поста управляющего Саратовской епархии епископ Борис (Вик), как «виновник» купания [10, Д. 505. Л. 8].

Вместо епископа Бориса (Вика) был назначен архиепископ Филипп (Ставицкий) [10, Д. 505. Л. 8]. С первых дней архиепископ старался создать благоприятное впечатление, ликвидировав парадность и пышность, свойственную его должности. Дом епархии, где помещалась квартира архиепископа, он передал под общежитие семинарии [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 69]. Кроме того, архиепископ Филипп (Ставицкий) в целях наведения порядка в епархии уволил целиком 4

притча, а именно священников и диаконов Ртищевской, Петровской, Пугачевской и Дергачевской церкви [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 71]. В результате в таких городах, как Пугачев, Хвалынский и Ртищево было оставлено по одному священнику. В 1950 г. количество священнослужителей составило 43 человека. Количество священников, как показано в таблице 1 [9, Оп. 1. Д. 4774. Л. 60; Оп. 2. Оп. 2. Д. 1380. Л. 66; Д. 1761. Л. 31; Д. 2167. Л. 24; Д. 2580. Л. 71], продолжало уменьшаться до 1951 г., после чего незначительно пошло на увеличение.

Таблица 1.

Количество священнослужителей в Саратовской области в 1946–1953 гг.

Священнослужители	1946 г.	1947 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Кол-во священников	15	?	38	32	28	30	32
Кол-во диаконов	4	?	14	11	12	12	12
Всего	19	52	52	43	40	42	44

Как показано в таблице № 2 на 10 сентября 1950 г. среди священников с высшим образованием было 3 человека, со средним – 21, низшим – 8 [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 66]. По-прежнему не было ни одного молодого священника младше 40 лет.

Таблица 2.

Возраст и образование священнослужителей Саратовской епархии в 1949–1959 гг.

Всего священников	1.01.1949 г.	10. 9. 1950 г.
От 70 до 80 лет	5	4
От 60 до 70 лет	15	14
От 50 до 60 лет	9	7
От 40 до 50 лет	9	7
С высшим образованием	3	3
Со средним образованием	28	21
С низшим образованием	7	8
Всего священников	38	32

В результате ужесточения государственно-церковной политики в 1950-1951 гг. не было подано ни одно ходатайство об открытии храма. Для примера в 1949 г., когда наступление на Церковь

еще только разворачивалось в Саратовской области, поступило 14 прошений об открытии церквей. С 1949 г. власти не разрешили открыть ни один храм. При этом продолжалась передача молитвенных зданий организациям. Так, в 1949 г. две церкви были переданы Новобураскому райисполкому для строительства школ [10, Д. 505. Л. 33]. В 1950 г. действующих церквей уменьшилось еще на 6 зданий, так как они были переданы под школьные и культурные цели [10, Д. 505. Л. 33].

С 1949 г. заметно сократилось посещение саратовских церквей. В рождественские дни в 1950 г. было в два-три раза меньше молящихся по сравнению с 1949 г. [10, Д. 505. Л. 44]. В предыдущие годы на Рождество и Крещение население заполняло не только храмы, но и площади, прилегающие к нему [9, Оп. 2. Д. 1761. Л. 97]. Троицкий собор в 1945-1947 гг. был переполнен не только в праздники, но и будни. Особенно в праздник Пасхи. Теперь же, писал П.В. Полубабкин в 1950 г., этого нет.

В результате некоторые сельские церкви были не в состоянии содержать священника. Управляющий епархией принимал меры к поддержанию таких приходов. Так, епархия взяла на свой бюджет содержание священника церкви с. Никольское Духовницкого района [9, Оп. 2. Д. 1761. Л. 96]. Но по причине низких доходов, несмотря на доплату епархии, священники отказывались там служить [9, Оп. 2. Д. 2167 Л. 70]. Близка была к этому положению и церковь в с. Дурникино Романовского района.

Заметным было снижение числа религиозных обрядов в Саратове. В 4 квартале 1949 г. в городе по сравнению с таким же кварталом 1948 г. крещений уменьшилось на 104, венчаний на 73, погребений на 255 [10, Д. 505. Л. 33]. Но, данные в целом по Саратовской области, приведенные в таблице № 3 [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 4], говорят о том, что хотя число крещений и уменьшилось на 56, зато венчаний увеличилось на 29, а погребений на 112. Доли же от общего числа венчаний, рождений и смертей как в целом по Советскому Союзу, так и по Саратовской области установить не удалось.

Таблица 3

Количество обрядов в Саратовской епархии за 4 квартала 1948–1949 гг.

Периоды времени	Крещений	Венчаний	Погребений
4 квартал 1948 г.	1704	225	782
4 квартал 1949 г.	1648	254	894

Произошло и снижение доходности. Так, в 4 квартале 1948 г. она составляла 916 193 руб., в 1949 г. уже 849 772 руб. То есть произошло уменьшение на 66 411 руб. Из этой суммы снижения на саратовские церкви выпадало 43 027 руб. [10, Д. 505. Л. 44]. Но в то же время в беседе с председателем сельсовета в с. Савкино уполномоченный СД РПЦ спросил, сколько в селе неверующих семей. На что председатель ответил, что почти все верующие, и у всех имеются иконы [9, Оп. 2. Д. 1380. Л. 26].

Но, несмотря на нестабильность государственно-церковных взаимоотношений после 1949 г., в церковной жизни Саратовской епархии многое изменилось в лучшую сторону. Архиепископ Филипп (Ставицкий) в сводном годовом отчете о деятельности Саратовской епархии за 1951 г. писал: «...многие из тех лиц, которые прекрасно помнят, что было в Саратове в церковном отношении до 1949 г. и что они видят сейчас, свидетельствуют о том, что все изменилось до неузнаваемости» [21, С. 105].

Заключение

Таким образом, послевоенный период в государственно – церковных отношениях был неоднозначным и сложным. Временное перемирие с Церковью – вынужденная акция, обусловленная изменившимися историческими реалиями. Церкви дали немного свободы в тот момент, когда она стала нужна. При этом свобода носила ограниченный характер. Деятельность ее была поставлена под строгий контроль государства и не могла выходить за установленные рамки. Данную тенденцию можно наблюдать на примере Саратовской епархии. Хотя и восстанавливались и реставрировались храмы, но при этом удалось открыть очень ограниченное количество церквей. Масса ходатайств об открытии храмов получали отрицательный ответ. Была открыта Саратовская духовная

семинария, однако ее деятельность находилась под постоянным контролем. Противоречивыми были отношения уполномоченного СД РПЦ с епархиальным руководством, что вносило определенные трудности в развитие церковной жизни епархии. Но, несмотря на это, церковная жизнь в епархии, как и в целом по стране, за эти годы изменилась в лучшую сторону и имела благоприятные тенденции, несмотря на осложнение отношений в 1948-1949 гг.

Список литературы

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 398 с.
2. Архив Саратовского епархиального управления (далее АСЕУ). Протоколы заседаний педагогического собрания Саратовской духовной семинарии за 1948-1949 г. Ф. 1. Оп.1.
3. АСЕУ. Положения о ПДС, журналы заседаний МП, переписка, доклады, рапорты, смета расходов, отчеты о работе семинарии за 1952 год на 332 листах.
4. Васильева О.Ю. Советское государство и деятельность Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1990.
5. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40-50-х гг. XX века. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.
6. Ганган В.Д. Отношение Церкви и государства в период Великой Отечественной войны // Шаг в науку: Материалы IV областной научно-практической конференции студентов. Смоленск: Русич, 2004. С. 112–114.
7. Гераскин Ю.В. Русская православная церковь, общество, власть в 1945–1958 гг. // Преподаватель XXI века. 2008, № 3. С. 137-144.
8. Гордун С. Русская Православная церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-Москва, 1990. № 1. С. 82-107.
9. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
11. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столе-

- тия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3. Тверь: Издательский дом «Булат», 1999. 623 с.
12. Записка полковника государственной безопасности Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви (РПЦ) 4 сентября 1943. [Электронный ресурс] URL: <http://kpss-ru.livejournal.com/43638.html> (дата обращения: 16. 12. 2015).
  13. Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений государства и Церкви // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 15-31; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981. 256 с.
  14. Макаров И.В. Взаимоотношения местных органов власти и поволжских епархий Русской Православной Церкви накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1939-1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002. 217 с.
  15. Мордвинов С.В. Русская православная церковь на Нижней Волге и Дону в 1941-1943 гг.: возрождение социокультурных традиций: Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. 308 с.
  16. Одинцов М.И. Патриарх Сергей. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 2013. 400 с.
  17. Одинцов М.И. Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. № 8. С. 19-21.
  18. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. 511 с.
  19. Редькина О.Ю. Сталинградские благочиния в годы Великой Отечественной войны и восстановительного периода (1941-1953) // Очерки по истории Волгоградской епархии Русской Православной Церкви. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 245-286.
  20. Саратовская православная семинария. История и современность: Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2010. 180 с.
  21. Сводный годовой отчет о деятельности Саратовской епархии за 1947 г. (выдержки) // Православие и современность. 2007. № 5 (21). С. 103-104.
  22. Смирнова О.С. Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944-1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: Дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010. 225 с.

23. О подоходном налоге с населения» от 30 апреля 1943. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alppp.ru/law/finansy/nalogi-i-sbory/101/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-30-04-1943.pdf> (дата обращения: 12. 11. 2015).
24. Федотов А.А. Церковно-государственные отношения в СССР в 1943–1958 гг., их динамика, общая характеристика (по материалам Центральной России). URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3607022.html> (дата обращения 21.09.2015).
25. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2007. 218 с.
26. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: 1943-1965 гг. : Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2011. 535 с.
27. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 424 с.

References

1. Alekseev V.A. *Illyuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. Moscow: Politisdat publ., 1991. 398 p. (In Rus.)
2. Arkhiv Saratovskogo eparkhial'nogo upravleniya (ASEU) [Archive of the Saratov Diocesan Administration (ASEU)]. Minutes of the meetings of the pedagogical meeting of the Saratov Theological Seminary for 1948-1949. F. 1. Op.1.
3. ASEU. Regulations on the PDS, journals of the meetings of the MP, correspondence, reports, reports, cost estimates, reports on the work of the seminary for 1952 on 332 sheets.
4. *Vasil'eva O.Yu. Sovetskoe gosudarstvo i deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v period Velikoi Otechestvennoi voiny: diss. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02* [The Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War: Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 1990.
5. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. *Moskva i Vostochnaya Yevropa. Vlasty i Tserkovy v period obshchestvennykh transformatsiy 40-50-kh gg. XX veka* [Moscow and Eastern Europe. Authorities and the Church during the period of social transformations of the 40-50s. XX century]. Moscow: ROSSPEN publ., 2008. 807 p.
6. Gangan V.D. [The relationship between the Church and the state during the Great Patriotic War]. *Shag v nauku. Materialy IV oblastnoy nauch-*

- no-prakticheskoy konferentsii studentov* [Step into Science. Materials of the IV regional scientific and practical conference of students]. Smolensk: Rusich publ., 2004, pp. 112-114.
7. Geraskin Yu.V. Russian Orthodox Church, society, power in 1945-1958. *Prepodavately XXI veka* [Teacher of the XXI century], 2008, no. 3. pp. 137-144.
  8. Gordun S. Russkaya Pravoslavnaya tserkov' pri svyateishikh patriarkhakh Sergii i Aleksii [Russian Orthodox Church under the rule of Holy Patriarchs Sergius and Alexy]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Christian Movement]. Paris-New York-Moscow, 1990, no. 1. pp. 82-107.
  9. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO)*. [State Archive of the Modern History of the Saratov region].
  10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (hereinafter referred to as GARF)].
  11. Damaskin (Orlovsky), hieromonk. Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church of the XX century. Biographies and materials for them. Book 3. Tver: Bulat Publishing House, 1999. 623 p.
  12. *Zapiska polkovnika gosudarstvennoi bezopasnosti G.G. Karpova o prieme I.V. Stalinyam ierarhov Russkoi pravoslavnoi tserkvi (RPTs) 4 sentyabrya 1943* [Note by Colonel of State Security G.G. Karpov about the reception of I.V. Stalin of the hierarchs of the Russian Orthodox Church (ROC) on September 4, 1943]. <http://kpss-ru.livejournal.com/43638.html> (accessed 16.12.2015).
  13. Kuroedov V.A. [From the history of relations between the state and the Church]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 1973, no. 9, pp. 15-31; Kuroedov V.A. *Religiya i tserkov' v sovetskom gosudarstve* [Religion and Church in the Soviet State]. Moscow, 1981, p. 256.
  14. Makarov I.V. *Vzaimootnosheniya mestnykh organov vlasti i povolzhskikh eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1939-1945 gg. : Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Relations between local authorities and the Volga dioceses of the Russian Orthodox Church on the eve and during the Great Patriotic War, 1939-1945]. Nizhnii Novgorod, 2002, 217 p.
  15. Mordvinov S.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Nizhney Volge i Donu v 1941-1943 gg.: vozrozhdenie sotsiokul'turnykh traditsiy: Diss. ...*

- kandidata istoricheskikh nauk* [Russian Orthodox Church on the Lower Volga and Don in 1941-1943: the revival of socio-cultural traditions]. Volgograd, 2014. 308 p.
16. Odintsov M.I. *Patriarkh Sergii* [Patriarch Sergius]. Moscow: Publishing House "Young Guard", 2013, 400 p.
  17. Odintsov M.I. Going through purgatory. *Nauka i religiya* [Science and religion]. 1990. No. 8, pp. 19-21.
  18. Pospelovskii D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX v* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, 1995, 511 p.
  19. Redykina O.Yu. Stalingradskie blagochiniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i vosstanovitel'nogo perioda (1941-1953) [Stalingrad deaneries during the Great Patriotic War and the recovery period (1941-1953)]. *Ocherki po istorii Volgogradskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Essays on the history of the Volgograd diocese of the Russian Orthodox Church]. Volgograd: VGU publ., 2003, pp. 245-286.
  20. *Saratovskaya pravoslavnaya seminariya. Istoriya i sovremennost'* [Saratov Orthodox Seminary. History and modernity]. Saratov, Publishing House of the Saratov Diocese publ, 2010. 180 p.
  21. Svodnyy godovoy otchet o deyatel'nosti Saratovskoy eparkhii za 1947 g. (vyderzhki) [Consolidated annual report on the activities of the Saratov Diocese for 1947 (excerpts)]. *Pravoslavie i sovremennost'* [Orthodoxy and modernity], 2007, no. 5 (21), pp. 103-104.
  22. Smirnova O.S. *Deyatel'nost' instituta upolnomochennykh soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1944 - 1965 gg.: na materialakh Verkhnego Povolzh'ya: Diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Activities of the Institute of Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in 1944 - 1965: on the materials of the Upper Volga region]. Ivanovo, 2010, 225 p.
  23. *O podokhodnom naloge s naseleniya» ot 30 aprelya 1943* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On personal income tax" dated April 30, 1943]. <http://www.alppp.ru/law/finansy/nalogi-i-sborny/101/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-30-04-1943.pdf> (accessed 12.11.2015).
  24. Fedotov A.A. *Tserkovno-gosudarstvennyye otnosheniya v SSSR v 1943–1958 gg., ikh dinamika, obshchaya kharakteristika (po materialam Tsentral'noi Rossii)* [Church-state relations in the USSR in 1943–1958, their

- dynamics, general characteristics (based on materials from Central Russia)]. <http://www.bogoslov.ru/text/3607022.html> (accessed 09.21.2015).
25. Tsypin V., archpriest. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [History of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Sretensky Monastery publ., 2007. 218 p.
26. Chumachenko T.A. *Sovet po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi pri SNK (SM) SSSR: 1943-1965 gg. : dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk* [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (CM) of the USSR: 1943-1965]. Moscow, 2011, 535 p.
27. Shkarovskiy M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkovy pri Staline i Khrushcheve* [Russian Orthodox Church in the Stalin and Khrushchev years]. Moscow: Krutitskoe podvorye publ., 2005, 424 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Гусева Яна Юрьевна, магистр, соискатель кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Российская Федерация
YanaGuseva85@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yana Yu. Guseva, Master's degree, Candidate of the Department of National History and Historiography of the Institute of History and International Relations

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation

YanaGuseva85@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0014-5448

SPIN-code: 3484-3531

Поступила 07.12.2021

После рецензирования 18.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 07.12.2021

Revised 18.12.2021

Accepted 25.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-100-116

УДК 32+93/99

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Черная Е.В.

***Цель.** Статья посвящена актуальной теме – земским органам самоуправления. Предметом анализа выступает политика Временного Приамурского правительства в отношении земств. Автор ставит целью рассмотреть политику правительства С.Д. Меркулова в отношении земских органов самоуправления.*

***Материалы и методы.** Материалом исследования выступили опубликованные и неопубликованные источники. При анализе материала были использованы аналитический, систематический, сравнительно-исторический, историко-генетический и историко-типологический методы.*

***Результаты.** Временное Приамурское правительство не сформировало четкой и последовательной политики в отношении земских органов самоуправления. Скорее оно было вынуждено сиюминутно реагировать на происходящие события. Правительство С.Д. Меркулова хотело лишить земства политических функций. Земские учреждения выступили резко против. Правительство обвинило их в пособничестве коммунистам и развале хозяйственной и культурной жизни в Приморье. На основе этого меркуловское правительство попыталось подчинить себе волостное управление, ликвидировав волостную земскую единицу и заменив ее сельским самоуправлением, но потерпело провал из-за недоверия населения. Это привело к тому, что Приамурское правительство решило восстановить систему земского самоуправления на всех уровнях, но хотело сохранить земский аппарат под полным контролем, для чего изменило избирательное законодательство. Это позволило избрать в зем-*

ства лояльных правительству людей. Однако правительство С.Д. Меркулова не смогло договориться с земствами о разделе полномочий. Поэтому правительство активно вмешивалось в земские дела, и как следствие, ограничивало их политическую, социально-экономическую, хозяйственную и культурную деятельность.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в исторической науке и образовании.

Ключевые слова: земство; самоуправление; Временное Приамурское правительство; Приморье; С.Д. Меркулов

POLICY OF THE VREMENNOGO PRIAMURSKOGO GOVERNMENT IN RELATION TO ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT BODIES

Chernaya E. V.

Purpose. The article is devoted to the current topic - territorial self-government institutions. The policy of the Vremennogo Priamurskogo government with regard to zemstvos was the subject of analysis. The author aimed to examine the policy of the government of S.D. Merkulova with regard to the territorial self-government institutions.

Materials and methods. The study was based on published and unpublished sources. Analytical, systematic, comparative-historical, historical-genetic and historical-typological methods were used in the analysis of the material.

Results. The Vremennoe Priamurskoe government had not established a clear and consistent policy with regard to the territorial self-government institutions. Rather, it was forced to immediately respond to events. The government of S.D. Merkulova wanted to deprive the zemstvo of political functions. Zemstvo institutions sharply opposed. As a result, the government accused them of complicity with the communists and the collapse of economic and cultural life in Primorye. Based on this, the merkulovskoe government tried to subjugate the volost administration, eliminating the volost zemstvo unit and replacing it with rural

self-government, but failed due to distrust of the population. This led to the fact that the Priamurskoe government decided to restore the territorial self-government system at all levels, but wanted to keep the zemstvo apparatus under full control, for which it changed the electoral legislation. This allowed the election of people loyal to the government to the zemstvo. However, the government of S.D. Merkulova could not agree with the zemstvos on the division of powers. Therefore, the government it actively intervened in zemstvo affairs, and as a result, limited their political, socio-economic, economic and cultural activities.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the historical science and education.*

Keywords: *zemstvo; self-government; Vremennoe Priamurskoe government; Primorye; S.D. Merkulov*

Введение

Цель. Рассмотреть формирование и изменение политики Временного Приамурского правительства в отношении земских органов самоуправления.

Актуальность. Исследование исторического опыта политики региональной власти в отношении местных органов самоуправления позволит повысить эффективность их деятельности на современном этапе.

Материалы и методы

На основе аналитического и систематического методов проведен анализ и систематизация научных публикаций, неопубликованных источников Государственного архива Хабаровского края и Государственного архива Приморского края, а также периодики – газет. Для сравнения политики правительства С.Д. Меркулова в отношении земств в 1921 и 1922 гг. был применен сравнительно исторический метод. Историко-генетический метод использовался для анализа причинно-следственных связей, которые привели к изменению политики Временного Приамурского правительства. Историко-типологический метод применялся для выявления основ-

ных компонентов, из которых состояла земская политика меркуловского правительства.

Результаты и обсуждение

Неукрепленная власть Дальневосточной республики, наличие японских войск, остатки подразделений Г.М. Семенова и В.О. Каппеля, позволили буржуазным партиям Приморья организовать к началу 1921 г. [26, с. 119].

Организованный несоциалистический съезд, куда вошли такие видные буржуа города Владивостока, как С.Д. Меркулов и другие, хотели организовать власть стоящую выше партийных интересов [22, с. 32–33].

27 марта 1921 г. на съезде было принято постановление о будущем административном управлении. Во-первых, селами, волостями и уездами будет управлять местное самоуправление, в областях (губерниях) – правительственные органы. Во-вторых, на всех уровнях необходимо разграничить обязанности между земскими учреждениями и правительственными, а также местным самоуправлением. В-третьих, земские органы самоуправления сохранялись, но их права и обязанности ограничивались законом до марта 1917 г. В-четвертых, была изменена земская избирательная система: минимальный возраст избирателя составил 21 год, а проживание на данной местности не менее 1 года, для избираемых – не менее 25 лет, и выборы должны были производиться по мажоритарной системе, причем служащие полиции, армии и флота участия принимать не должны [12, л. 238, 242–243]. Таким образом, резолюция ограничивала земские органы самоуправления, лишая их политических функций на всех уровнях административного устройства. Хозяйственные же права и обязанности земств не были четко определены.

Вследствие переворота 26 мая 1921 г. было сформировано буржуазное Временное Приамурское правительство во главе с фабрикантом С.Д. Меркуловым [13, л. 10-11].

Реакция земских органов самоуправления в отношении Временного Приамурского правительства была не однозначна. Приморская

областная земская управа заняла выжидательную позицию [23, с. 27], желая увидеть политику правительства, в первую очередь, в отношении земских учреждений.

Но не все были так сдержанны. Например, Ольгинская уездная земская управа назвала членов нового правительства «шайкой мятежников», заявила о «подчинении правительству ДВР». Но на этом не остановилась и образовала Владимиро-Александровскую республику [10, с. 272], в которой «объявила себя властью впредь до установления связи с Приморским областным управлением ДВР и вела агитацию за то, чтобы все правительственные учреждения и должностные лица, находящиеся в Ольгинском уезде, подчинялись только ей» [24, с. 43].

15 июня 1921 г. Сучанское волостное земство, также, как Ольгинская уездная управа заявило о поддержке только правительства Дальневосточной республики. Утверждая, что правительство С.Д. Меркулова лишь усугубляло и без того сложную социально-экономическую и политическую ситуацию [14, л. 14]. Подобные мнения были широко распространены среди земств. Но все-таки большинство предпочли не высказывать резких комментариев опасаясь репрессий.

На наш взгляд, политика Временного Приамурского правительства в отношении земского самоуправления была основана на резолюции по вопросу об административном устройстве, принятой на несоциалистическом съезде 27 марта 1921 г. До конца 1921 г. правительство целенаправленно реализовывало данную программу.

Временное Приамурское правительство начало с установления политического контроля в области (губернии). По указу 26 мая 1921 г. за № 1 составной частью ведомства внутренних дел стал земский аппарат. О дальнейшей деятельности Приморской областной управы ничего не было объявлено. Лишь оговаривалось, что в дальнейшем последует особое распоряжение.

Однако вместо этого начались репрессии среди работников земств. По указу № 2 от 26 мая 1921 г. началось уголовное преследование всех служащих земского аппарата, работавших с 1 февраля 1920 по

25 мая 1921 г., по обвинению в «расточении народного достояния». Они были лишены должностей, права участия в выборах [3, с. 1], а некоторые были выселены за территорию Приморья [2, с. 94].

Следующим направлением деятельности правительства стало разграничение функций правительственных учреждений и органов земского самоуправления. В созданную 17 июня 1921 г. по приказу ведомства внутренних дел комиссию вошли в том числе представители земских учреждений [27, с. 123].

Комиссия не дала результатов, поскольку у организаторов не было четкого плана, а также понимания того какие функции и как должны быть разделены. Она выявила только то, что Приамурское правительство хочет отнять у земств не только политические функции, но и притязает на хозяйственные и культурные обязанности, лишая средств для их реализации. Так, 14 июня 1921 г. правительство С.Д. Меркулова реквизировало для своих нужд типографию Приморской областной земской управы. Указом № 29 при ведомстве внутренних дел были образованы отделы здравоохранения, народного образования, ветеринарии и строительства. Содержать их предлагалось за счет правительственных кредитов выделенных на обеспечение этих направлений для Приморской областной земской управы [4, с. 7].

Но наиболее ярким примером является обсуждение вопроса о выделении учителям муки. Народное собрание обвинило земство в ненадлежащем использовании муки, которая была выделена продовольственным отделом правительства. Земства же заявили, что действуют по закону и могут потратить муку на другие более неотложные нужды [15, л. 68 – 69]. Прийти к консенсусу они не смогли. Но этот вопрос показал, что разграничение функций между земствами и правительственными органами провалилось, и продемонстрировал борьбу земских органов за свои права и обязанности.

Не добившись успехов, по вопросу в упорядочивании полномочий, меркуловское правительство продолжило наступление на земские учреждения. По указу правительства № 17 от 24 июня 1921 г. работники и деятельность земств стали подконтрольны судебной

системе нового режима. Так, протесты и жалобы в волости рассматривал административный суд; в уезде и губернии (области) – окружной; если сфера компетенции выходила за пределы круга ведомства, то Владивостокская судебная палата [5, с. 10].

В июле – августе 1921 г. прошли ревизии в областном и уездных земствах, например, в Приморском областном земстве и Никольск-Уссурийской уездной земской управе [6, с. 34-34об.], Ольгинской уездной земской управе [7, с. 57]. Также управление внутренних дел предложило Областной земской управе представить бухгалтерские и денежные отчеты по всем ее отделам за 1919 год полностью и обзор деятельности земства за 1920 год с представлением баланса на 1 января 1921 года по сметным расходам и специальным капиталам [19, с. 42об.]. На основе результатов проверки правительство предполагало использовать земский аппарат и их средства в решении своих финансовых проблем.

Однако данная деятельность не дала существенных результатов и не позволила захватить контроль над областным и уездным самоуправлением. Поэтому Временное Приамурское правительство решило взять под контроль волость, при этом не учитывая сложную социальную ситуацию. Ее оценила Приморская областная земская управа, когда пыталась восстановить отношения с волостями и пришла к выводу, что это будет сложный и длительный процесс, «так как крестьяне в высшей степени насторожены и не подают голоса» [20, с. 95].

Не обратив на это внимание правительство выпустило 18 июня 1921 г. Временные правила о сельском самоуправлении. Правила предполагали заменить волостное земство выборным волостным съездом, во главе которого будет находиться волостной старшина. Контроль над съездом будет осуществлять ведомство внутренних дел. В обязанности волостных старшин входили, в том числе, ревизии, рассмотрение жалоб и надзор за волостным самоуправлением [4, с. 7об.]. Данную политику режим оправдывал засильем эсерами и меньшевиками земских органов самоуправления [37, с. 279.], которых обвинял в сотрудничестве с коммунистами, объявленными противозаконной партией – «сатанистами» [1, с. 189]. По факту же

эта была попытка расширить свою социальную базу, лишив земства политического и хозяйственного влияния в деревне.

Однако правительство лишь усложнило ситуацию, не определив четкого статуса волостной земской единицы. Даже сами земства просили разъяснений по данным правилам. В частности, Григорьевская волостная земская управа интересовалась, необходимо ли созывать волостное собрание для роспуска земства, а затем созывать собрание сельских старост [30, с. 47].

Вместе с тем, начав процесс ликвидации волостного земства Временное Приамурское правительство не смогло добиться поставленной цели. Сельское население проигнорировало выборы в новые органы управления, посчитав их возрождением царской администрации. Главным же итогом стало установление безвластия в деревне [34, с. 37].

Это постановление заставило прервать молчание Приморскую областную земскую управу. Было высказано отношение земств к политике Временного Приамурского правительства в области местного самоуправления. «Земская управа констатирует, что земства в первые же дни существования нового правительства вступают в полосу урезания их прав, лишения материальных средств и уничтожение при них налаженных организаций и, что такое отношение является не первым случаем в жизни земства и что при всех Временных правительствах, построенных на классовых принципах, посягательства на земские права, как таковые, и на имущественные их права имели уже место. Все такие эксперименты областная земская управа признает вредными для земских учреждений и местного населения [21, с. 28об.]. Таким образом, земства открыто выступили против политики правительства, показав, что они будут бороться за свои права.

Так, в результате анализа, проведенного Приморской областной земской управой, было выявлено, что в волостных, уездных и областных земствах работают гласные, выбранные на основе избирательных законов трех правительств: 1) А.Ф. Керенского, 2) А.В. Колчака, 3) А.С. Медведева [35, с. 255об.]. Для упорядочива-

ния своей работы земские органы самоуправления решили провести выборы гласных на всех уровнях [25, с. 39].

Но осуществить задуманное земства не смогли. Во-первых, по причине слишком длительной подготовительной работы в сложных военно-политических и экономических условиях. Так, выборы были назначены на 25 декабря 1921 г. [31, с. 206].

Во-вторых, территория Приморья находилась под влиянием различных политических и военных сил. Так, земские органы самоуправления подвергались насилию со стороны военных, которые арестовали председателя Спасской уездной земской управы Остапенко [16, л. 2]. Военные вмешивались в деятельность земств. Например, Хорольской волостной управе запретили выполнять распоряжения Никольск-Уссурийской уездной земской управы [28, с. 10об.]

В-третьих, противодействие Временного Приамурского правительства. Пытаясь закрепить свою политику, оно вынесло вопрос о земском самоуправлении на Народное собрание. В ходе него в августе 1921 г. были высказаны следующие мнения. Так, депутат от правительственного большинства Н.И. Кузьмин заявил, что крестьяне хотят ликвидировать земства, так как они ничего не делают, а только собирают налоги [32, л. 74]. Депутат Г.П. Грачев, работавший в земском самоуправлении, наоборот считал, что земство и народ едины, так как это орган, который они сами выбрали. Главной проблемой он называл желание власти избавиться от земства [32, л. 75]. Депутат от крестьянской трудовой партии И.И. Попов подчеркнул, что выступает за сохранение земств, но только с хозяйственными и культурными функциями, при этом отмечая, что против вмешательства правительства в их деятельность [32, л. 82-84].

Таким образом, меркуловскому правительству не удалось на законном основании ликвидировать земские органы самоуправления. Правительственному большинству в Народном собрании противостояли другие политические силы, выступавшие за сохранение земской идеи.

К началу 1922 г. сложная военная, экономическая и политическая ситуация заставила Временное Приамурское правительство скорректировать свое отношение к земским органам самоуправле-

ния. Особенно на это изменение повлиял провал плана по введению нового административного управления, то есть неудавшаяся попытка правительства укрепить свою социальную базу. Ибо «население жаждет сквозного движения (по железной дороге), товарообмена и заработка. Ресурсы населения: город обнищал, деревня обеднела. Население заняло выжидательную позицию» [11, с. 62]. В результате правительство С.Д. Меркулова решило восстановить деятельность земских учреждений на всех уровнях.

21 января 1922 г. правительство приняло решение провести выборы земских гласных, основываясь на следующих правилах:

«1) Отменить Постановления Временного правительства 1917 года о выборах волостных, уездных и губернских (областных) земских гласных.

2) Утвердить прилагаемые при сем Временные Правила для производства выборов волостных, уездных и губернских (областных) земских гласных.

3) Распространить действие означенных Правил на все местности, на кои распространяется Временное положение земских учреждений от 17 июня 1917 года. Губерниях Архангельской и в Сибири; в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиречинской, Тургайской и Уральской.

4) Предложить Уездным земским управам немедленно приступить к составлению избирательных списков и произвести выборы волостных и уездных земских гласных, на основании правил, на срок по 1-ое января 1925 года.

5) Предоставить Управляющему Ведомством внутренних дел право назначить время начала работ по составлению избирательных списков, в зависимости от местных условий.

6) Продлить полномочия волостных, уездных и губернских (областных) гласных земских собраний настоящего состава до окончания новых выборов <...>.

7) Произвести выборы во всех местностях, вне зависимости от окончания срока полномочий, на которые избраны гласные на предыдущих выборах.

8) Предоставить Управляющему Ведомством внутренних дел право удлинять и сокращать сроки по выборам, по принесению протестов и жалоб на таковые и давать разъяснения и указания на разъяснения о применении настоящих правил, право издания инструкции о порядке образования избирательных округов, а равно и производство самих выборов» [8, с. 17об.].

Из постановления видно, что хоть правительство и пошло на восстановление земского самоуправления, но сделало все чтобы оно было полностью ему подконтрольно. Это доказывают и представленные главой ведомства внутренних дел В.П. Разумовым разъяснения к постановлению. Он заявил, что закон, по которому любая более или менее активная политическая группа населения может войти в земства следует изменить, чтобы в земства попали исключительно местные, хозяйственные и знающие нужды данного района люди. Условием выступало то, чтобы они были связаны постоянным занятием на этом месте, через «мелкую земскую организацию» [9, с. 2-3]. Получалось, что данный закон не давал возможности участвовать в выборах неимущим слоям населения.

Земские органы самоуправления с энтузиазмом восприняли идею о восстановлении деятельности волостных и уездных земств. Приморская областная земская управа постановила: «Всецело разделяя мнение управления внутренними делами о неотложной необходимости восстановления земств, не функционирующих в настоящее время:

а) выразить принципиальное свое согласие рекомендовать лиц для назначения на должности председателя и членов Иманской уездной земской управы, при условии, что назначенный состав уездной земской управы будет только временным до созыва уездного земского собрания каковое должно быть созвано немедленно;

б) в восстановлении деятельности волостных земств – ближайшее в самое деятельное участие должны принять уездные земские управы, которые должны принять меры к немедленному созыву волостных земских собраний для избрания личного состава земских управ;

в) просить правительство выдать в счет земских сборов за казенные земли, или в виде пособия, необходимую сумму на первоначальные организационные расходы восстановленных земств по 100 рублей на каждую волостную земскую единицу, всего же до 5000 рублей и на организацию Иманской уездной управы и ее учреждений 5000 рублей, а всего 10000 рублей» [17, с. 34].

Однако проведение выборов сопровождалось рядом сложностей, несмотря на достигнутое согласие между Временным Приамурским правительством и земскими органами самоуправления. Во-первых, отсутствие средств – неплатежа населением земских сборов, неразбериха в управлении волостью, сложная военная ситуация привели к закрытию большого числа волостных земских управ. Так, из 21 волостной земской управы, действующей в Приморье, 12 прекратили свою работу. В их числе: Вознесенская, Жариковская, Михайловская [36, с. 78], Покровская, Осиновская [19, с. 42об.] и др. Во-вторых, Временное Приамурское правительство настаивало на том, чтобы выборы проходили только согласно постановлению 21 января 1922 г. Из-за этого оно приостановило деятельность и выборы в девяти волостях Никольск-Уссурийского уезда, так как они проходили по закону 1917 г., подписанному А.Ф. Керенским [33, с. 2]. В итоге, выборы смогли провести только в семи волостях [36, с. 78]. При чем, благодаря постановлению 21 января 1922 г., в земства прошли лояльные правительству зажиточные слои деревни [34, с. 38].

Однако созданная в Приморье система земского самоуправления столкнулась с теми же проблемами, что и в 1921 г. Правительство С.Д. Меркулова стремилось решить свое тяжелое финансовое положение за счет земских учреждений. Для этого ведомство внутренних дел организовало полномасштабную ревизию земских управ [29, с. 15]. Стоит сказать, что она не дала весомых результатов, поскольку земства сами не имели достаточных средств. Более того правительство так и не смогло разграничить сферы деятельности правительства и земства, вмешиваясь в их хозяйственные и культурные функции [18, с. 88].

Заключение

У Временного Приамурского правительствo так и не сложилось однозначного отношения к земским органам самоуправления. Поэтому их политика не была последовательной и сильно завесила от положения самого правительства. Вместе с тем можно сказать, что система земского самоуправления, созданная в результате политики правительства С.Д. Меркулова, стала откатом назад по сравнению с законом о земстве Всероссийского Временного правительства 1917 г., поскольку было изменено избирательное законодательство, сужавшее социальную базу земства. Функции земств были ограничены не только в политическом, но и хозяйственном отношении.

Список литературы

1. Болдырев В. Приморский фарс. Из дневника белого генерала // Дальний Восток. 2006. № 5. С. 182-216.
2. Ваврик Д.Н. Земская власть в Приморье и Никольске-Уссурийском в 1918–1922 годах // Уссурийский краеведческий ВЕСТНИК: статьи и очерки. Уссурийск, 2002. Вып. № 2. С. 85-95.
3. Вестник Временного Приамурского правительства. 25 июня 1921. № 1.
4. Вестник Временного Приамурского правительства. 6 июля 1921. № 3.
5. Вестник Временного Приамурского правительства. 11 июля 1921. № 4.
6. Вестник Временного Приамурского правительства. 17 августа 1921. № 10.
7. Вестник Временного Приамурского правительства. 13 октября 1921. № 30.
8. Вестник Временного Приамурского правительства. 7 февраля 1922. № 8.
9. Вестник Временного Приамурского правительства. 24 января 1922. № 4.
10. Владиво-Ниппо. 27 июля 1921. № 323.
11. Владивосток, 1922 год. Жизнь города на страницах газеты «Голос Родины». Владивосток: Рос. гос. истор. архив Дальнего Востока, 2012. 138 с.

12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 365.
13. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 530. Оп. 1. Д. 71.
14. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 80.
15. ГАПК. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 8.
16. ГАПК. Ф.553. Оп. 1. Д. 117.
17. Голос Родины. 28 февраля 1922. № 764.
18. Голос Родины. 12 апреля 1922. № 806.
19. Дальневосточная жизнь. 12 июля 1921. № 23.
20. Дальний Восток. 11 июня 1921. № 1.
21. Дальневосточная жизнь. 3 июля 1921. № 16.
22. Кокоулин В.Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 гг.): автореф. дис. ... док. ист. наук. Кемерово, 2005. 39 с.
23. Крестьянская газета. 5 июня 1921. № 9.
24. Крестьянская газета. 24 июля 1921. № 16.
25. Крестьянская газета. 10 июля 1921. № 14.
26. Ляхов Д.А. «Черный буфер» в Приморье в 1921 – 1922 гг. // Современные проблемы общественных наук. Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета, 2004. С. 119-124.
27. Ляхов Д.А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919-1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. 188 с.
28. Наша жизнь. 7 декабря 1921. № 9.
29. Наша речь. 30 апреля 1922. № 5.
30. Приморская мысль. 1 июля 1921. № 25.
31. Приморская мысль. 8 ноября 1921. № 118.
32. Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева. МПК. 15398. Оп. 5. Д. 119.
33. Русский край. 26 апреля 1922. № 293.
34. Сонин В.В. Приамурское буржуазное государственное образование («черный буфер») и крах их политики и практики контрреволюции

- в Приморье (май 1921 – октябрь 1922). Владивосток: Дальнев. гос. ун-т, 1974. 61 с.
35. Уссурийское слово. 16 июля 1921. № 285.
36. Уссурийский край. 26 марта 1922. № 41.
37. Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск: Изд-во Хабаровского пед. ун-та, 2003. 334 с.

References

1. Boldyrev V. *Dal'niy Vostok* [Far East], 2006, no. 5, pp. 182-216.
2. Vavrik D.N. *Ussuriyskiy kraevedcheskiy VESTNIK: stat'i i ocherki* [Ussuriysk local history BULLETIN: articles and sketches], 2002, no. 2, pp. 88–95.
3. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, June 25, 1921, no. 1.
4. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, July 6, 1921, no. 3.
5. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, July 11, 1921, no. 4.
6. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, August 17, 1921, no. 10.
7. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, October 13, 1921, no. 30.
8. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, February 7, 1922, no. 8.
9. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, January 24, 1922, no. 4.
10. *Vladivo-Nippo*, July 27, 1921, no. 323.
11. *Vladivostok, 1922 god. Zhizn' goroda na stranitsakh gazety «Golos Rodiny»* [Vladivostok, 1922. City life on the pages of the newspaper Voice of the Motherland]. Vladivostok: Russian State Historian. archive of the Far East, 2012, 138 p.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya (GAKhK)*. F. P-44. Op. 1. D. 365.
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)*. F. 530. Op. 1. D. 71.
14. *GAPK*. F. P-1. Op. 2. D. 80.
15. *GAPK*. F. 1495. Op. 1. D. 8.
16. *GAPK*. F. 553. Op. 1. D. 117.
17. *Golos Rodiny*, February 28, 1922, no. 764.

18. *Golos Rodiny*, April 12, 1922, no. 806.
19. *Dal'nevostochnaya zhizn'*, July 12, 1921, no. 23.
20. *Dal'niy Vostok*, June 11, 1921, no. 1.
21. *Dal'nevostochnaya zhizn'*, July 3, 1921, no. 16.
22. Kokoulin V.G. *Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – noyabr' 1922 gg.): avtoref. dis. ... dok. ist. Nauk* [Political parties in the struggle for power in Transbaikalia and the Far East (October 1917 - November 1922): autoref. dis.... Doc. History of Sciences]. Kemerovo, 2005, 39 p.
23. *Krest'yanskaya gazeta*, June 5, 1921, no. 9.
24. *Krest'yanskaya gazeta*, July 24, 1921, no. 16.
25. *Krest'yanskaya gazeta*, July 10, 1921, no. 14.
26. Lyakhov D.A. *Sovremennye problemy obshchestvennykh nauk* [Modern problems of social sciences]. Khabarovsk: Publishing House of the Khabarovsk State Pedagogical University, 2004, pp. 119-124.
27. Lyakhov D.A. *Nebol'shevistskie modeli politicheskogo ustroystva Dal'nego Vostoka Rossii (konets 1919-1922 gg.)* [Neobolshevistsky models of the political structure of the Far East of Russia (late 1919-1922)]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekova, 2015, 188 p.
28. *Nasha zhizn'*, December 7, 1921, no. 9.
29. *Nasha rech'*, April 30, 1922, no. 5.
30. *Primorskaya mysl'*, July 1, 1921, no. 25.
31. *Primorskaya mysl'*, November 8, 1921, no. 118.
32. *Primorskiy gosudarstvennyy ob'edinennyi muzey im. V.K. Arsen'eva*. MPK. 15398. Op. 5. D. 119.
33. *Russkiy kray*, April 26, 1922, no. 293.
34. Sonin V.V. *Priamurskoe burzhuaznoe gosudarstvennoe obrazovanie («chernyy bufer») i krakh ikh politiki i praktiki kontrrevolyutsii v Primor'e (may 1921 – oktyabr' 1922)* [Amur bourgeois state formation (“black buffer”) and the collapse of their policy and practice of counter-revolution in Primorye (May 1921 – October 1922)]. Vladivostok: Dalnev. State un-t, 1974, 61 p.
35. *Ussuriyskoe slovo*, July 16, 1921, no. 285.

36. *Ussuriyskiy kray*, March 26, 1922, no. 41.
37. Tsipkin Yu.N. *Antibol'shevistskie rezhimy na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoj vojny (1917–1922 gg.)* [Anti-Bolshevik regimes in the Russian Far East during the Civil War (1917–1922)]. Khabarovsk: Publishing House of the Khabarovsk Ped. un-ta, 2003, 334 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Черная Екатерина Васильевна, доцент, к.и.н.

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
ул. Луговая, 52Б, г. Владивосток, 690087, Российская Федерация
chernaya0402@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Chernaya, Associate Professor, Ph.D. in History

Far East State Technical Fishery University
52B, Lugovaya Str., Vladivostok, 690087, Russian Federation
chernaya0402@mail.ru
SPIN-code: 6506-8294
ORCID: 0000-0002-9917-2720

Поступила 29.09.2021

После рецензирования 21.10.2021

Принята 25.10.2021

Received 29.09.2021

Revised 21.10.2021

Accepted 25.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-117-149

УДК 394.91

ЭТНОМОНИТОРИНГ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ ЖИТЕЛЯМИ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Титова Е.В., Ландик Л.П.

В статье проанализированы особенности восприятия переселенцев местным социумом. В качестве основного эмпирического материала выступает социологический опрос, проведенный авторами исследования среди принимающего населения Еврейской автономной области. Статья посвящена актуальным вопросам этнокультурной адаптации, которая отмечается как двусторонний процесс – то есть включенность в этот процесс и мигрантов, и местных жителей. Отмечена взаимосвязь переселенцев с этнокультурной обстановкой в области. В статье обозначены две основные стороны во взаимодействии принимающего сообщества к мигрантам: первая направлена на развитие и поддержку взаимоотношений, вторая – позиция сохранения этнокультурной безопасности, связанная с ограничением притока, прежде всего, трудовых мигрантов в область. Развитие мирного сосуществования людей различных конфессий и этносов в условиях современной глобализации будет являться основополагающей концепцией для призвания равенства всех культур, которые имеют одинаковое право на развитие. Для поиска и сбора необходимого материала исследования, использовались следующие методы полевой работы: опрос респондентов, наблюдение. Теоретические методы: историко-сравнительный, историко-системный, кросскультурный, системный анализ. Научная новизна состоит в комплексном анализе новых полевых данных, а именно выделяются особенности конструирования мигрантами образа принимающего сообщества на основе проведения областного этномониторинга. Научная идея обосновывается необходимостью обеспечения национальной безопасности совре-

менной России, решения проблем межэтнической коммуникации, напряжённости в сфере межэтнических отношений.

Ключевые слова: *мигрант; этнос; межэтнические отношения; мигрантофобия; этнокультурная адаптация; интеграция; Еврейская автономная область*

ETHNOMONITORING OF THE PERCEPTION OF MIGRANTS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION

Titova E.V., Landik L.P.

The article analyzes the peculiarities of the perception of migrants by the local society. The main empirical material is a sociological survey conducted by the authors of the study among the host population of the Jewish Autonomous Region. The article is devoted to topical issues of ethnocultural adaptation, which is noted as a two-way process – that is, the involvement in this process both, and migrants and local residents. The interrelation of immigrants with the ethnocultural situation in the region is noted. The article identifies two main aspects in the interaction of the host community with migrants: the first is directed to developing and maintaining relationships, the second is the position of preserving ethnocultural security, associated with limiting the influx, primarily of labor migrants into the region. The development of peaceful coexistence of people of different confessions and ethnic groups in the context of modern globalization will be the fundamental concept for calling upon equality of all cultures, which have the same right to development. To search for and collect the necessary research material, the following methods of field work were used: interviewing respondents, observation. Theoretical methods: historical-comparative, historical-systemic, cross-cultural, systemic analysis. Scientific novelty consists in a comprehensive analysis of new field data, namely, the features of the construction of the image of the host community by migrants are highlighted on the basis of regional ethnomonitoring. The scientific idea is substantiated by the need to ensure the national

security of modern Russia, to solve the problems of interethnic communication, tensions in the field of interethnic relations.

Keywords: *migrant; ethnos; interethnic relations; migrant phobia; ethno-cultural adaptation; integration; Jewish Autonomous Region*

Введение

Процесс этнокультурной адаптации – это сложный двусторонний процесс, в который включаются и мигранты, и принимающее население. Адаптация трудовых мигрантов к новой принимающей среде имеет основополагающие элементы. Основную часть своей жизни человек ищет комфортные условия для проживания, ищет место, которое сможет назвать своим домом, преодолевая различные этапы социальной адаптации. Люди, покинувшие свою родину, испытывают изменения во многих сферах жизнедеятельности. Им приходится подстраиваться под условия новой окружающей их среды, изменяя ценности, взгляды и стереотипы, что они формировали годами. Принимая новые правила, индивид может оказывать существенные воздействия со своей стороны на принимающую сторону. Поэтому данный процесс можно назвать двусторонним.

Исследования по выявлению основных ключевых факторов, которые способствуют или препятствуют успешной адаптации, позволяют разработать адекватную миграционную политику и оказать в дальнейшем действенную помощь переселенцам. В свою очередь сам процесс адаптации сопряжен с большим количеством социально-экономических проблем, которые можно отрегулировать с помощью различных инструментов, регламентирующих вопросы адаптации. Примером таких инструментов можно назвать: создание консультационных образовательных учреждений, занимающихся обучением мигрантов, профессиональной переподготовкой, развитием их информированности в области правовых взаимоотношений; создание психологических адаптационных центров по приему мигрантов с целью благоприятного вливания в местный социум [2].

Актуальность исследования подчеркивается увеличивающимся числом мигрантов в области и в стране. Кроме того, во всем мире

усложняется международная политическая обстановка, наблюдается рост ксенофобии, межэтнических конфликтов, в рамках этих проблем особое значение приобретает конструирование образа мигрантов местным населением.

Необходимость этномониторинга заключается в том, что итоги подобных исследований способствуют более беспристрастной оценке отношения к мигрантам в целом, а так же выявлению типа взаимодействий между категориями населения – мигрантов и местного общества, а также самой диалектики их отношений. Это исследование помогает охарактеризовать общую картину взаимного восприятия, выявить отсутствие или наличие проявлений национализма, этноцентризма, мигрантофобии, что, действительно, облегчает сам поиск ключевых средств для сглаживания конфликтных ситуаций и создания благоприятной межэтнической обстановки внутри общества.

Научная новизна исследования состоит в обозначении государственных методов и программ, направленных на улучшение работоспособности механизма управления вопросами миграции, межэтническими взаимоотношениями. Более того, увеличивающееся ежегодно количество нелегальных мигрантов требует совершенствования методов контролируемых органов государственной власти по миграционным потокам, в частности, создания оптимизированной патентной системы, привязки трудовых мигрантов к рабочему месту, создание упрощенной системы налогообложения.

Большая часть исследований, связанных с трудными вопросами миграции, направлены на анализ адаптационных процессов мигрантов в новой среде, их интеграционного потенциала.

В результате развития этностереотипного мышления в среде местных жителей или мигрантов, обостряются негативные последствия. Данные явления сопряжены с термином «мигрантофобия». В ходе развития мигрантофобии становится более проблематичной успешная всесторонняя адаптация переселенцев, причем местные жители также в свою очередь будут ощущать дискомфортные ощущения и опасность при увеличивающемся притоке мигрантов.

Вследствие этих факторов обостряется вопрос по преодолению негативных последствий мигрантофобии, чтобы достичь благоприятной межкультурной коммуникации и формирования интеграционных перспектив среди мигрантов в принимающем сообществе.

Данный тип адаптации прочно объединяет все виды социальных отношений: межэтнические, межличностные, родственные и другие.

Необходимо обеспечить активное участие мигрантов в общественных структурах области, это нужно для исследования культурных и социальных аспектов адаптации. Главная цель – это коррекция стереотипов о поведении мигрантов. Им надо предоставлять право участвовать в гражданских собраниях, образовательных структурах и иных учреждениях, чтобы упрочить адаптивные ресурсы.

Каждый мигрант сталкивается с рядом проблем, в первое время это дефицит общения, замкнутость, отсутствие поддержки. И дети, и взрослые испытывают трудности в адаптации – независимо, школа это, сад или работа. Обычно такие семьи ведут изолированный образ жизни, так как не могут или боятся принять новые ценности, нормы и правила, однако, это становится определенной необходимостью для дальнейшего проживания в новой среде. В ряде случаев мигранты сталкиваются с излишним вниманием к себе со стороны общественности, а это ложится «дополнительным» грузом на их жизнь.

Несмотря на определенные трудности, с которыми сталкиваются переселенцы, они получают помощь и поддержку со стороны государственных структур. Во-первых, они получают материальную помощь в виде пособия, а так же подъемные, благодаря которым могут обеспечить себя и свою семью; им также оплачивают транспортные расходы, но все это не помогает им справиться с чувством дискомфорта, поэтому возрастает шанс на их возвращение на родину.

Итак, мигрантам сложно влиться в местное сообщество. Более того, на этот факт накладывает отпечаток и цель приезда мигрантов. Если речь идет о сезонных трудовых мигрантах, то время прибытия таких ограничивается месяцем или несколькими годами, не более, что, в принципе, и тормозит развитие адаптационных каналов.

В Еврейской автономной области в 2014 году была образована «Муниципальная академия», цель которой заключалась в совершенствовании различных форм межкультурных и межэтнических взаимоотношений внутри области. Развивая данную идею, организация разработала проект «Мигранты и общество». В его основе была определена роль «народной дипломатии». В рамках проекта было принято решение подготовить типовую региональную программу, упрощающую процесс адаптации и создающую определенные интеграционные перспективы мигрантов в принимающее сообщество. Для этой работы были привлечены специалисты из разных областей. И сегодня в области действует ряд областных целевых программ по оптимизации механизма общественно-государственного партнерства в процессах адаптации мигрантов.

Межкультурный диалог в Еврейской Автономной области отражает культуру и особенности этнических групп, что вступают в контакт друг с другом, поэтому важно учитывать и брать во внимание культурные свойства этносов.

Еврейская автономная область, как и вся Российская Федерация, является полиэтничной территорией, и отношения различных этнических диаспор и их отдельных представителей являются важной темой для исследований. В связи с этим, изучение межэтнических отношений на территории ЕАО важно с точки зрения национальной безопасности, так как оно направлено на выявление реальных отношений такого характера и анализ ключевой исходной информации необходим для успешной реализации общественного и государственного регулирования.

Миграционная картина в Еврейской автономной области на первое полугодие 2021 года складывается следующим образом: отмечается уменьшение численности населения в 2 раза (на 613 чел.) в сравнении с первым полугодием 2020 г. (на 291 чел.), что объясняется естественной убылью населения (по последним данным за последний год: 878 чел. – естественная убыль населения). Число умерших (2504 чел.) в области превышает количество родившихся (1626 чел.). Причем миграционный прирост не наблюдается (-895

чел. за 2020 г.), а количество постоянного населения ЕАО на 1 января 2021 года составляет 156,5 тыс. чел. (на 1 января 2020 г. – 158305 чел.) [6].

Численность международной миграции в области в 2020 году по данным Хабстата составила 99 человек: из стран СНГ – 49 человек, из стран дальнего зарубежья – 50 человек. Число выбывших иностранных граждан из Еврейской автономной области в 2020 г. – 286 чел.: в том числе в страны СНГ – 228 чел., в страны дальнего зарубежья – 58 чел. [15].

Тема нелегальной миграции, конечно же, остается злободневной темой, и требует постоянного контроля. Все чаще выявляются случаи нелегальной миграции на территории Российской Федерации. Еврейская автономная область не стала исключением данного явления. В 2021 году сотрудниками Управления по вопросам миграции УМВД России по ЕАО было выявлено нарушение миграционного законодательства. В рамках оперативно-профилактической операции «Нелегал-2021» сотрудниками полиции было проверено 320 мест пребывания иностранных граждан и места их трудовой деятельности, осуществлено 102 рейдовых мероприятия. За период операции «Нелегал-2021» общая сумма административных штрафов достигла – 510 000 рублей [13].

В местных новостных телепередачах часто транслируется тема контроля прибывающих мигрантов в область. За последний год Еврейская автономная область приняла более 20 000 тысяч мигрантов. У каждого из них личная цель: кто-то приехал на учебу или работу, а кто-то в качестве туриста. Среди них, граждане осуществляющие въезд в визовом и безвизовом порядке. В основном 99% всех мигрантов, въезжающих на территорию ЕАО с визой, это граждане КНР, а так же встречаются представители КНДР и другие. Из стран СНГ, 80% процентов составляют граждане Таджикистана, а так же Азербайджана, Армении, Белоруссии, Молдовы и др. Для мигрантов желающих стать гражданином Российской Федерации было введено правило обязательной присяги. Так, например, в 2017 году в ЕАО гражданами Российской Федерации стали более 300 человек

[4]. Также по реализуемой в области государственной программе «Оказание содействия добровольному переселению в Еврейскую автономную область соотечественников, проживающих за рубежом» в ЕАО за 5 лет переехало более 500 семей, большинство составили граждане Украины и Таджикистана [16]. Данная категория мигрантов получает гражданство в первоочередном порядке.

Важным моментом в реализации миграционной политики в ЕАО является информационно-аналитическое обеспечение жизни мигрантов в ЕАО. Это действенный инструмент государства по стимулированию мигрантов оставаться в регионе, а не уезжать.

Миграционная политика Еврейской автономной области определяется Постановлением Правительства Еврейской автономной области «Об утверждении Концепции управления миграционными потоками в Еврейской автономной области до 2025 года» от 24.09.2013 №461-пп [14]. По прогнозам в соответствии с «Концепцией управления миграционными потоками в Еврейской автономной области до 2025 года» численность населения Еврейской автономной области к 2030 году должна в худшем варианте остановиться на 160,0 тыс. чел, однако еще в 2019 году численность населения снизилась ниже худшего прогноза (159,9 тыс. чел.) [14].

Миграционные процессы, происходящие за счет рабочей силы, поступающей из стран дальнего зарубежья, определяют динамику направления экономического развития в области [15].

Ежегодно на территорию Еврейской автономной области прибывает большое число трудовых мигрантов, что приводит к ряду проблем. Число зарегистрированных граждан иностранных государств, прибывших в Еврейскую автономию с начала 2021 года, уменьшилось в сравнении с 2020 годом на 74 %, что обусловлено бушующей по всему миру вспышкой новой коронавирусной инфекции COVID-19 [15]. По результатам миграционных перемещений населения в январе-апреле 2021 года регион потерял 613 человек. Миграционный отток населения за январь-апрель 2021 года составил 1993 человека, что произошло из-за уменьшения числа прибывших мигрантов [15].

Стоит отметить, что наибольшее количество иностранных работников приезжают в Еврейскую автономию из КНР. Этому способствует общая протяженная граница, что создает условия для беспрепятственной и упрощенной миграции для граждан Китая. Однако, на современном этапе развития транспортных средств и средств связи, миграционные процессы и сами мигранты, в частности, существенно поменялись в аналогии с мигрантами прошлых лет. В наше же время иностранные граждане не теряют связи со своей родиной во время отправления на заработки в другие страны, и сейчас, большее количество стран (в их числе и КНР, и Южная Корея) разработали программы по поддержке своих сограждан, которые решили переселиться в другие страны для осуществления трудовой деятельности или на ПМЖ. В связи с этим, многие мигранты, попавшие на территорию другого государства так и остаются привязаны «культурно» и «этнически» к стране своего происхождения, что в итоге создает ряд определенных трудностей при их адаптации в стране конечного пребывания.

Множество исследователей, занимающихся вопросами и проблемами миграционных процессов в своих научных трудах, утверждают, что этничность является неотъемлемым признаком трудовых мигрантов [19; 20; 21; 22; 25; 26; 27]. «Этнический фактор – это не миф, а суть нашей социальности, духовности и даже государственности. Он автоматически превращается в фактор этнополитический, националистический, взрывоопасный, если пренебрегать им. А на его перевод в постконфликтное, эволюционное русло нужны десятилетия» [28].

Успешная приспособляемость мигрантов, прибывших на заработки в новых условиях обитания, являлась основополагающим аспектом их потенциальной интегрированности в принимающее сообщество.

Главные проблемы миграционных процессов в обществе обсуждаются правительством ЕАО. По существующим вопросам собираются заседания комиссии Еврейской автономной области, касающиеся разрешения проблем миграционной политики. В ходе данных

заседаний рассматриваются вопросы привлечения трудовых мигрантов из стран СНГ, а также стран ближнего и дальнего зарубежья, для привлечения их к развитию экономических, социальных и культурных институтов региона. Также комиссией рассматриваются вопросы совершенствования миграционного права для уменьшения числа нелегальных мигрантов, которые способствуют ухудшению криминальной обстановки региона, а также способствуют ухудшению развития экономического и социального сектора области.

Вопрос нелегальной миграции стоит острым углом, поскольку большое количество мигрантов в должной мере не разбираются в миграционном законодательстве и политике страны и региона, в частности, что приводит к несоблюдению тех или иных нормативно-правовых регламентов, и в итоге приводит к депортации иностранных граждан, незаконно находящихся в стране прибытия.

Существенное влияние на состояние межэтнических отношений оказывают средства массовой информации (далее - СМИ), создавая специфический дискурс на тему миграции. Формируя стереотипный образ мигранта, и, закрепляя его в массовом сознании, они фактически «подсказывают» аудитории ту или иную оценку событий и поведенческую стратегию.

Дискурс о мигрантах, что конструируется печатными и электронными СМИ, может разворачиваться в различных плоскостях: это могут быть телерепортажи, аналитические статьи в научно-популярных изданиях, интернет-блоги, посты в социальных сетях и даже бытовые разговоры. Можно выделить целый ряд приемов, с помощью которых в СМИ конструируется образ мигранта и вот некоторые из них: «мигранты – это выходцы из бедных, плохо развитых стран; не имеют образования и высокой профессиональной квалификации, через что способны выполнять только грязную и малооплачиваемую работу; вытесняют с рынка труда местное население и захватывают «хлебные места»; не соблюдают нормы личной гигиены и имеют неопрятный внешний вид; игнорируют или пренебрежительно относятся к принятым в обществе правилам и нормам поведения, культурным обычаям и т.д.» [11]. Понятно, что, чем

больше негативных черт приписывается мигрантам, тем больше становится дистанция между ними и принимающим сообществом.

Постоянное присутствие этой темы в информационном пространстве, активизация ее эмоциональной составляющей постепенно формирует в массовом сознании мигрантофобию, что ведет к снижению уровня межэтнической толерантности и, как следствие, к негативу со стороны принимающего сообщества [1; 5].

Образ мигранта представляется достаточно размытым, поэтому необходимо определить: «кого» и «при каких условиях» принимающее общество готово признать и назвать «своими».

Существует негласное правило взаимоотношений между мигрантами и принимающим обществом: «Мы – Они», «Свой – чужой», «Друг – враг». Разделение людей по этнической, религиозной принадлежности до сих пор актуально в наше время.

При исследовании межэтнических отношений обращают внимание на следующие индикаторы: «готовность принять человека другой этнической принадлежности как соседа/друга/коллегу/родственника»; «признание прав людей другой этнической принадлежности на территории Российской Федерации»; «готовность помочь людям другой этнической принадлежности»; «поддержание культуры «меньшинств»» и т.д. [18].

Цель работы

Цель статьи состоит в раскрытии особенностей конструирования образа исследуемых двух категорий населения – принимающего сообщества и мигрантов на основе проведенного анализа. Задачи исследования предполагают выделение особенностей миграционной ситуации в области, описание проведенного опроса, категорий респондентов, анализа полученных данных, выявлении регулирующих механизмов межэтнических взаимоотношений.

Материалы и методы исследования

Контакты мигрантов и местного населения достаточно часто имеют проблемный характер. В первую очередь, это связано с вос-

приятием переселенца как «чужака». В связи с этим появляются маркерные этнические стереотипы – «свой» или «чужой». Взаимные отношения между местным обществом и мигрантов хорошо показаны в триаде стереотипов, которые выявили в научной гипотезе М. Ньюстоун и Дж. Джаспарс [30].

Многие исследователи полагают, что для обеспечения эффективного и бесконфликтного управления различными российскими регионами и их спецификой этнокультурных отношений, необходимо осуществлять этномониторинг, но для этого необходимо привлечь экспертов из разных сфер [20].

В части научных работ отмечается влияние глобализационных процессов на этнические процессы в условиях современности [20; 21; 23; 33; 35; 37; 40]. Авторы подчеркивают, что этнический аспект является прямым актором глобальной политики современной эпохи.

Немалое число ученых также рассматривает в контексте межэтнических взаимоотношений проблематику выработки этностереотипов у мигрантов и принимающего населения. В работах проводится анализ данной проблемы с одной стороны сквозь призму неоднородности языка описания переселенцев в принимающей среде, а с другой – через отсутствие законных представителей мигрантов, которые представляют их в диалоге с российским обществом [7; 8; 17; 18; 19; 25; 26; 31; 34; 36; 37; 41; 42].

Также ряд исследований подчеркивает широкий плюрализм при описании различных этногрупп [13; 16; 21; 22; 27; 28].

Теоретические методы работы основывались на трех составляющих историко-сравнительного метода. Данный метод позволил выявить основные этапы историко-культурной динамики общества в целом. За основу были взяты историко-диффузионный, историко-генетический и историко-типологические компоненты. Помимо выше перечисленных в работе использовался кросс-культурный метод, который обеспечил изучение этнической истории полноценно, а системный анализ выявил функции и основные структуры жизненного комплекса этнических групп.

Кроме того, в основе базового практического метода исследования использовались: метод экспертной оценки, анкетирование, методы математической обработки фактических данных – качественных и количественных.

Результаты исследования и их обсуждение

Авторами статьи был проведен социологический опрос местных жителей Еврейской автономной области. Информантам предлагалось поделиться своим мнением по вопросам адаптации и интеграции переселенцев в принимающую среду в виде анкетирования и проведения открытых бесед. Цель опроса состояла в выявлении проблемных сторон в восприятии мигрантов местными жителями в области. Общее количество респондентов составило 104 человека, из них 73 проживают в г. Биробиджан, 10 – в Октябрьском районе ЕАО, 10 – в селе Ленинское ЕАО, 11 – в Облученском районе ЕАО.

По половому признаку респондентов: доля женщин составила 52,04% (54 чел.), а доля мужчин – 48,96% (49 чел.).

Уровень образования среди информантов: среднее профессиональное – 27,98% (30 чел.); общее среднее – 9,87% (11 чел.); неполное высшее – 17,14% (20 чел.); высшее образование – 40,39% (39 чел.).

Одним из показательных фактов является нейтральное отношение большинства опрошенных респондентов к потенциальному соседству с семьями мигрантов (57,69% (60 чел.)). Но второе место занимает отрицательная позиция (22,96% (23 чел.)), в частности, и при открытых беседах выражались частью информантов негативные высказывания по отношению к мигрантам в целом, не говоря и о соседстве. Затруднились с ответом – 3,13% (4 чел.), положительное отношение к соседству – 16,42% (19 чел.).

Участникам был предложен вопрос о том, нужно ли предъявлять мигрантам определенные требования для трудоустройства и получения жилья в области. По результатам опроса были представлены следующие мнения: знание местного (русского) языка, знание культуры, а также норм общения, уровень образованности, уровень навыков в работе (64 чел. – 62,09%). Мнения других опрошенных

поделились: 4,77% (5 чел.) отметили необходимость проверки у мигрантов уровня их образования; 4,77% (5 чел.) подчеркивают, что необходимо проводить аттестацию мигрантов на соответствие тем или иным требованиям к рабочей профессии; 7,73% (8 чел.) подчеркнули, что мигрантов следует проверять при получении рабочей визы на знание культуры и норм общения местного общества; 14,37% (16 чел.) утверждают, что мигрантам необходимо знать русский язык хотя бы на базовом уровне; 3,74% (3 чел.) отметили вариант ответа «ничего не предъявлять».

Кроме того, большинство опрошенных информантов (82,95%, 86 чел.) отметили снижение количества свободных рабочих мест на профессии, какие не востребованы от местных, это можно определить как одно из положительных последствий трудовой миграции в регион. Респонденты подчеркнули, что рассматривают большую часть трудовой миграции как дешевую рабочую силу для местных предпринимателей, но именно благодаря ней происходит стабилизация рынка труда.

Большинство опрошенных (77,21%, 81 чел.) думают о том, что мигранты – это дешевая рабочая сила для физических или юридических лиц, благодаря которым наполняется рынок труда ЕАО, людьми, которые имеют желание и способности для работы. Другая часть 21,03% (22 чел.) обозначили подъем экономических показателей в результате увеличения притока в область трудовых мигрантов, а также качество и общий уровень жизни у местного общества. 18,12% (19 человек) информантов отмечают, что за счет трудовых мигрантов наблюдается увеличение объемов промышленного строительства, в том числе набирают обороты темпы строительства жилых зданий.

13 чел. (13,21%) отмечали положительные последствия трудовой миграции, например: знакомство с новой культурой и их обычаями; заимствование каких-то норм или традиций для обеих сторон; возможность изучить другой язык от родного носителя; хорошую практику в общении с переселенцами, а также двустороннее обучение (для мигрантов и для местных жителей). Малая часть – 6,87%

(6 чел.) подчеркивают, что в целом складываются благополучные условия для развития бизнеса и сферы услуг, так как растет конкурентоспособность среди товаров и услуг, в целом, интенсификация развития всей инфраструктуры региона благодаря обмену опытом, который нужен для развития экономики.

Несомненно, респондентами были представлены и негативные последствия трудовой миграции в регионе. В частности, большая часть опрошенных, а именно (87,49%, 90 чел.) подчеркнули, что местное население испытывает сложности в поиске рабочего места из-за большого притока мигрантов. Также респонденты отметили проявление частью мигрантов неуважительного отношения к местным жителям, вследствие чего повышается риск развития конфликтов между этносами – 54,19% (57 чел.). Кроме этого, были подчеркнуты также: массовые уголовные и экономические правонарушения 32,28% (33 чел.) – «намеренное завышение цен» (в торговых отношениях), «нарушение законов Российской Федерации», «пренебрежение местными традициями, обычаями и устоями», «нелегальное присутствие в Российской Федерации», «проблемы культуры общения», «невыплата налогов» и другое. Типичная точка зрения: «мигранты имеют единственную цель – нажиться в нашем городе; они не занимаются благоустройством».

Информанты также отмечали, что постоянный приток мигрантов может привести к постепенной ликвидации сельскохозяйственно-го и промышленного сектора в области из-за использования некачественной техники, недоброкачественных ресурсов. Эта позиция характерна для 26,08% (28 чел.): «им выделяют миллионы на постройку дорог, но спустя несколько месяцев брусчатка осыпается, появляются ямы и трещины, появляется необходимость в замене; дома и торговые центры, которые они так быстро возводят, служат малое количество времени, что снова ведет к дополнительным расходам из-за недобросовестного труда рабочих». 13,35% (11 чел.) респондентов отмечают, изменения в неблагоприятную сторону состояние окружающей среды, например: «многие мигранты засоряют свои квартиры и места работы, они выглядят неряшливо и носят

грязную одежду, не следят за своими действиями». 8,53% (9 чел.) отметили снижение доступного жилья для местного населения.

На вопрос о необходимости ограниченного числа мигрантов и ее целесообразности 87,48% (91 человек) жителей ЕАО считают важным ограничение числа трудовой миграции, а 12,52% (13 чел.) считают, что ограничивать количество мигрантов не имеет смысла. Целесообразность ограничения, большая часть информантов поясняла значимостью достижения сбалансированности внутреннего рынка труда и освобождение ряда трудовых мест для местного населения, важным является привлечение местных специалистов, обеспечив им благоприятные условия жизни, благодаря которым можно будет эффективно развивать внутренний рынок области; «вести контроль за незаконной миграцией, ограничивать лимит притока мигрантов».

Информантам также был предложен вопрос о том, где, по их мнению, необходимо заселять трудовых мигрантов. Ответы разделились следующим образом: «в специальных поселениях» – 18,29% (19 чел.), за возможность свободно выбрать место жительства – 43,21% (44 чел.), «за пределами города, в селах» – 16,19% (16 чел.), за вариант «не давать место, отправлять на родину» – 25,24% (25 чел.). Таким образом, большинство отмечают, что мигрантам нужно дать возможность выбора место для жизни, а также не ограничивать их в правах.

Немаловажным фактором успешной адаптации мигрантов в принимающей среде является государственно-правовое регулирование её процессов. Информантам задали вопрос: «Как вы считаете, что можно предложить мигрантам в области для улучшения их жизни?». Ответы были следующие: «обеспечить место жительства» – 5,03% (6 чел.), «работа на постоянной основе» – 37,59% (39 чел.), «быстрая регистрация» – 35,21% (36 чел.), «другое» – 23,38% (23 чел.).

Полученные данные, позволяют сделать вывод о том, что мигрантам необходима поддержка со стороны государственных структур, они нуждаются в поддержке, проходя процесс адаптации к новым условиям, а также при трудоустройстве на постоянную основу. Однако при этом необходимо четко регулировать количество

рабочих мест и число мигрантов в регионе. В вариантах ответа на этот вопрос были и такие мнения: «почему мы должны предоставлять им место, у нас местное население нуждается больше, чем мигранты, в поддержке государства, дайте хорошую работу, жилье и заработную плату местному населению!» или: «если они хотят получить регистрацию и гражданство Российской Федерации, то пусть занимаются трудовой деятельностью не меньше 5 лет».

Информантам был задан вопрос и о том, может ли увеличивающееся количество мигрантов стать причиной социальной напряженности. Более половины респондентов ответили: «да» – 74,19% (77 чел.), «нет» – 15,31% (16 чел.), затруднились с ответом – 10,5% (11 чел.).

Большая часть респондентов ответ «да» объясняли тем, что неконтрольное количество мигрантов без введения необходимых квот, может привести к формированию «деструктивных группировок переселенцев», диктующих свои правила для местного рынка; масштабная трудовая миграция также может привести и к конфликтам на почве расовой дискриминации из-за языкового барьера, недопонимания сторон; ряд местных жителей также отмечали и потребительское отношение мигрантов к окружающей среде.

Исходя из полученных результатов, большое количество местного населения отмечало, что необходимо формировать нормативно-правовую систему, которая будет регулировать процессы трудовой миграции в регионе, потому что необходимо развивать культурную политику по оптимизации и гармонизации отношений между этносами. Часть респондентов, которые ответили на вопрос «нет», обосновали свою позицию следующим образом: «негативных последствий в притоке мигрантов не наблюдаются, наоборот, больше положительных сторон и последствий, например, улучшение экономических показателей», или же: «все мы люди, у каждого из нас своя история, если мы принимаем мигрантов, значит мы можем себе это позволить, не нужно считать их чужими и относиться к ним с неприязнью, наоборот, необходимо нам выстраивать доброжелательные отношения».

Вопрос существования определенной эффективности от государственного механизма по регулированию вопросов трудовой

миграции также задавался респондентам, ответы варьировались следующим образом: государственная политика в отношении мигрантов оценивается положительно 33,74% (31 чел.), негативно – 28,21% (30 чел.), «не могу сказать» (40,21%, 43 чел.),

Таким образом, большинство респондентов не могут дать оценку эффективности государственного нормативно-правового регулирования миграционными процессами в области. Многие из информантов поясняли свою позицию незнанием действующей миграционной политики. Одним из типичных мнений опрошенных было то, что области не хватает завоза высококвалифицированных специалистов в ряд отраслей – здравоохранение, градостроительство и т.д. Кроме того, респонденты отмечали, что местным властям необходимо, регулируя вопросы миграции, не забывать о развитии благоприятных условий и для местного населения, чтобы повысить заинтересованность местных безработных граждан в трудовом устройстве, сократить количество квот на въезд трудовых мигрантов. Мнения в данном вопросе разделяются, поэтому имеет место быть неоднозначное мнение по этому вопросу: «Мигранты – неотъемлемая часть любого региона, любой страны, поэтому их присутствие в нашей области можно объяснить простыми причинами: наличие рабочих мест и готовность области принять новых людей. Мы и мигранты взаимодействуем друг с другом, ежедневно общаемся, делимся опытом и навыками, традицией и культурой, одним словом – сближаемся. Однако не трудно заметить негативные последствия их приезда. Например, производство некачественной продукции или отсутствие рабочих мест для местного населения».

Трудовые мигранты в некоторых случаях выражают желание остаться в области на постоянное проживание и получить российское гражданство. Доля переселенцев, которые приезжают с целью создания или воссоздания семьи, за последние годы хоть и невысока (более 1% от общего числа мигрантов, среди них выходцы из стран: Азербайджан – 0,5%, Армения – 0,3%, Таджикистан – 0,2%, Китай – 0,1%, (по данным, предоставленным Управлением ЗАГС Правительства ЕАО)). Некоторые из местных жителей заявляли при

беседах, что положительно относятся к браку с мигрантами. Однако существует и противоположное мнение среди местных жителей – брак с иностранцами, в частности с китайцами, вызывает напряжение и тревогу. Например, цитата: «Понимаете, их становится все больше. Это видно уже невооруженным глазом. А в такой семье рождаются не русские, а китайцы. Мы подсчитали, что достаточно 10 тысяч китайцев, приобретших гражданство в Еврейской АО, чтобы через 10-12 лет китайцы составили здесь большую часть населения. Не подумайте, это не страшилка. Это обычный подсчет» (работник НИИ, 32 года) [3].

Контакты мигрантов с местными жителями – сложный двусторонний процесс, когда через адаптацию проходят обе стороны.

Трудности заключаются, во-первых, в восприятии мигрантов как «чужих», и это приводит к появлению стереотипных маркеров – «свой», «чужой» [9]. Развитие стереотипного мышления приводит к неблагоприятным последствиям среди местного социума, так и среди мигрантов. Данное явление связано с понятием «мигрантофобия», которое испытывает местное общество. В условиях развития напряженности отношений между двумя категориями населения (мигранты и местные жители) проблематична успешная полноценная адаптация мигрантов в новой среде. Местные жители постоянно испытывают чувство угрозы и опасности социальной, культурной, национальной индивидуальности, ощущая неудобство от стремительного увеличения мигрантов в регионе. Все это приводит к главной проблеме: как преодолеть негативные последствия мигрантофобии, чтобы успешно развивать адаптацию мигрантов в новой среде и реализовать благоприятные условия для межкультурных коммуникаций.

У большинства мигрантов в Еврейской автономной области сохранение этнического своеобразия и культурной идентичности превалирует над желанием интегрироваться в местный социум, хотя межэтнические коммуникации и взаимопроникновение культур имеют место быть. Так некоторые этнические сообщества области могут пригласить на свои праздники местных жителей, что

позволяет им установить позитивные когнитивные и поведенческие связи между этносами.

Несмотря на то, что по результатам опроса были выявлены случаи проявления мигрантофобии среди опрошенных респондентов, в области в целом преобладают отношения межэтнического согласия. Данный факт подтверждается тем, что на территории Еврейской автономной области проходят постоянные мероприятия, которые способствуют укреплению и гармонизации межэтнических отношений.

В целях сохранения обстановки взаимного уважения к традициям и обычаям различных народов и конфессий, а также для укрепления добрососедских отношений народов, проживающих на территории ЕАО, в 2013 году была принята региональная целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений на территории Еврейской автономной области на 2013-2017 годы». В рамках реализации задач данной программы были разработаны различные конкурсы и мероприятия по сохранению этнокультурных традиций среди этнических общественных организаций ЕАО. В частности, проводятся этнокультурные фестивали «В семье единой», «Этносфера», спортивные состязания «Кубок наций», которые знакомят гостей и жителей области с разными этнокультурными традициями этносов, населяющих регион.

Одним из значительных шагов по укреплению межэтнических взаимоотношений в области стало подписание в 2015 году Соглашения о межконфессиональном сотрудничестве представителей традиционных религий (православия, иудаизма, ислама) в ЕАО.

В 2011 году на территории области уже были зарегистрированы различные этнические, конфессиональные организации – мусульманская община, иудейские общины, православные организации.

В 2015 году впервые в столице региона, в Биробиджане, был открыт этнокультурный лагерь «Добрые соседи», в котором детей знакомят с разными традициями этносов, населяющих ЕАО. Такой областной проект, несомненно, позволяет формировать позитивный образ области в векторе межэтнического согласия как для мигрантов, так и для принимающего населения.

Не только местные власти проводят работу по улучшению межэтнических связей, но сами мигранты и областные этнические общественные организации со своей стороны проявляют желание интегрироваться в местную среду, приглашая на свои праздники жителей области.

Также на территории области в 2019 году проводился Первый молодежный этноконфессиональный форум ЕАО «Территория согласия». Как отмечали сами гости данного этноконфессионального форума, Еврейская автономная область является действительным местом благоприятного межконфессионального диалога.

На торжественном открытии Первого молодёжного этноконфессионального форума участников мероприятия от имени губернатора ЕАО Ростислава Гольдштейна поприветствовал вице-губернатор региона Дмитрий Братыненко, который в своей приветственной речи сказал: «Наш регион уникальный и мы это с вами знаем. На сегодняшний день у нас в области проживают представители многих этносов. И даже при столь значительном пересечении этносов, культур, традиций и обычаев все мы мирно сосуществуем на нашей общей «территории согласия». Особенно приятно и важно, что данное мероприятие молодежное. Что точки соприкосновения в столь значимых аспектах этнокультурной идентичности, сохранения культуры и языка в нашем многонациональном государстве интересуют именно молодое поколение. Я всецело одобряю желание молодежи к развитию своей этнической идентификации».

Площадки форума объединили представителей от разных конфессий: христианства, буддизма, иудаизма, ислама. Эксперты оценили благоприятный опыт добрососедства различных вероисповеданий в ЕАО.

«Приятно осознавать, что многие молодые люди чтут не только законодательство государства, но и законы духовные, функционирующие без участия людей. Я хотел бы пожелать участникам форума реализации всех намеченных планов и перспектив», – заявил в обращении владыка Биробиджанский и Кульдурский Ефрем.

«Наиболее важно для нас живое общение и взаимодействие между людьми. В наше время этого очень не хватает обществу. Поэтому организация молодёжного этноконфессионального форума очень

важное событие для всех участвующих лиц. Вера даёт человеку смысл в жизни. Иметь смысл жить даже важнее, чем быть в этой жизни счастливым. Именно вера дает ответы на многие вопросы мироздания. И когда человек задается вопросом, что ему дала вера, – нужно также ставить вопрос по-иному: а что вере дал я?», – сказал в своей речи главный раввин Хабаровского края Яков Снетков.

Таким образом, можно заметить, что на территории Еврейской автономии, проводятся немало мероприятий по сохранению, развитию и регулированию межэтнического согласия.

Особенностью межэтнического согласия является стремление к преодолению соотношения «доминантное большинство – не правящее меньшинство» путем консенсусных процедур, предоставления каждому этническому сообществу возможности участвовать в решении общегосударственных дел. В основе демократии межэтнического согласия лежит базовый принцип признания каждого этнического сообщества как важной составляющей общества, запрета на ассимиляцию этнических групп и их представителей. Общество – это мозаика, состоящая из множества этнических групп, каждая из которых имеет собственные культурные различия, право на их сохранение и развитие, свою долю властных полномочий, которые распределяются между группами на пропорциональной основе.

Еврейская автономная область – это регион, который пестрит разнообразием этносов, поэтому в данном случае, вопрос о поддержании дружественного взаимодействия представителей разных этносов должен стоять на первом месте.

Важной задачей остается сохранение гармонизированной межэтнической обстановки в области. Для поддержания дальнейших позитивных отношений между этносами, стоит проводить различные мероприятия, в котором эти самые этносы могут объединиться.

Заключение

Еврейская автономная область на протяжении всего времени своего существования является территорией проживания множества этносов и конфессий. Вопрос регулирования, сохранения и

развития межэтнических и межконфессиональных отношений на территории субъекта всегда являлся наиболее важным. Сегодня отмечается достаточно активная работа местных органов власти в оказании помощи в адаптации вынужденным переселенцам и беженцам, а также помощи в обустройстве мигрантов, прибывших для осуществления трудовой деятельности. Тем не менее, в вопросах адаптации переселенцев в области существуют проблемы.

В рамках проведенного этномониторинга определяется, что местные жители проявляют в отношении мигрантов осторожность. Часть респондентов отмечает, что не видят в этом никакой необходимости, и область может восполнить недостаток трудовых ресурсов своими силами. Другая часть респондентов говорит о том, что привлечение иностранных трудовых ресурсов требуется региону ввиду малочисленности местного населения, для усиления экономической стабильности и возмещения дефицита трудовых ресурсов Еврейской автономии.

Многие из мигрантов не знают языка страны пребывания или знают его на недостаточном уровне, а слабое ориентирование в миграционном законодательстве страны является основной проблемой иностранцев и главной причиной возникновения проблем с властями.

Исходя из вышеизложенного материала, очевиден факт необходимости более детального решения проблем в сфере миграционной политики и контроля движения трудовых миграционных ресурсов, а также в области межэтнических взаимоотношений с целью создания стабильного регулирующего механизма по интеграции и адаптации переселенцев в области. Концепция развития конфликтов между этносами, мигрантофобии, проблем социокультурной адаптации в принимающей среде мигрантов помогает обозначить дальнейшие механизмы и рычаги для урегулирования и предупреждения конфликтов на ранней стадии, не допустить возможность образования критических точек в обществе. Разработка систем этносоциальных показателей и специальных методик позволяет проводить более глубокий мониторинг этнологических процессов,

мобилизующих на успешное взаимоотношение местного населения и мигрантов, а так же процессов, что приводят к межэтническим конфликтам. Поэтому весьма полезным было бы построение интеграционной модели адаптации мигрантов с целью оптимизации миграционных процессов в области.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации, проект № МК-3204.2021.2

Список литературы

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
2. Бажан Т. Адаптация и интеграция – процесс двусторонний. http://www.topjtj.com/News/2012/06/28/adaptaciya_i_integraciya_migrantov_process_dvustoronniy
3. Бляхер Л.Е. Региональное «своеобразие» в России и проблема концептуализации политического пространства региона (на примере Еврейской автономной области) // Полития. 2012. № 1 (64). С. 106–123.
4. В преддверии Международного дня мигранта сотрудники полиции провели круглый стол // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. <https://79.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/9097491> (дата обращения: 25.10.2021).
5. Гусейнова О.И. Социокультурная адаптация иноэтнических мигрантов в зарубежных социологических концепциях // Философия права. 2015. №6 (73). С. 97-101.
6. Динамика численности населения ЕАО // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. <https://habstat.gks.ru/> (дата обращения: 25.10.2021).

7. Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия // Демография. Миграция. М., 2003. С. 63–72.
8. Ионцев В.А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В.А. Ионцева. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 3. С. 53–105.
9. Каменских М.С. Мигранты и стереотипы о мигрантах в общественном пространстве российского мегаполиса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 131-143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11>
10. Климова О.А. Диалог в межличностной и межкультурной коммуникации // Научный вестник государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики «Луганский национальный аграрный университет». 2019. № 6-1. С. 368-374.
11. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: Проспект, 2011. С. 332.
12. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.
13. На территории Еврейской автономной области подведены итоги комплексной оперативно – профилактической операции «Нелегал – 2021» // сайт Новости Биробиджана – Без формата. <https://birobidjan.bezformata.com/listnews/operativno-profilakticheskoy-operacii/98771393/> (дата обращения: 26.07.2021).
14. Об утверждении Концепции управления миграционными потоками в Еврейской автономной области до 2025 года: Постановление Правительства Еврейской автономной области от 24.09.2013 №461-пп // СПС «База Техэксперт». https://xn--80aejvlu.xnp1ai/search/kodeks/region/id/21/parent_id/9/offset/560/document/441649532 (дата обращения: 16.09.2021).
15. Общие итоги миграции населения ЕАО // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. <https://habstat.gks.ru/> (дата обращения: 16.09.2021).

16. Первый молодежный этноконфессиональный форум «Территория Согласия» завершился в ЕАО // Официальный сайт РИА Биробиджан. Областной портал. <https://riabir.ru/lenta/novosti/video-novosti/pevuyj-molodezhnyj-etnokonfessionalnyj-forum-territoriya-soglasiya-zavershilsya-v-eao.html> (дата обращения: 16.09.2021).
17. Постановление правительства области от 28.10.2021 № 440-пп «О внесении изменений в государственную программу Еврейской автономной области «Оказание содействия добровольному переселению в Еврейскую автономную область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2019 – 2022 годы», утвержденную постановлением правительства Еврейской автономной области от 05.08.2019 № 240-пп». <https://docs.cntd.ru/document/561463354?marker>
18. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
19. Сыздыкова Ж.С. Глобализация и проблема этнической идентичности. // Коммуникация. 2015. № 6. С. 29-45.
20. Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2008. 84 с.
21. Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации международных отношений и предотвращения конфликтов в России (ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов). М.: ИЭА РАН, 2017. 514 С.
22. Balzer M.M. Editor’s Introduction: Migrants, Urbanization, and Diasporas // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2017. Vol. 56, No 3-4. P. 187-193. <https://doi.org/10.1080/10611959.2017.1465311>
23. Bedrina E.B., Lazareva E.V. Adaptation and Integration of Labour Migrants from Central Asia in Russia and Countries of European Union: Comparative Analysis // *Ekonomika regiona [Economy of region]*. 2021. Vol. 17(1). P. 170-181. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-13>
24. Bliakher L.E., Ivanova A.P. Flow community, or why nobody speaks “about migrants” in the Khabarovsk Krai // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2020. Vol. 13(5). P. 639-649. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0595>

25. Cieslewska A., Biajet Z. The spiritual industry of central asian migrants in Moscow // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 1. pp. 106-126.
26. Conditions and price of integration of migrants. <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10465> (accessed 20 June 2021).
27. Drobizheva L. Tolerance problems in the attitude towards migrants. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top-content (accessed 20 June 2021)
28. Dyatlov V.I. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Vol. 13, No 5. P. 623-638. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0594>
29. Grigorichev K.V., Koptseva N.P. Host society and migrants: searching for the languages of mutual description // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2020. Vol. 13(5). P. 612-622. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0593>
30. Helmer E. Mutations of a modern myth: how changing discourses of migration, patriotism, and personhood shape migration narratives of foreign-language students from Pskov, 1991-2015 // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2017. № 1. P. 82-109.
31. Hewstone M, Jaspars J. Cross-cultural interaction, social attribution and inter-group relations // Bochner S. (Ed.). *Cultures in contact. Studies in cross-cultural interaction*. N.Y. Pergamon Press. 1982. P. 127–156.
32. Immigration to Russia: benefit or harm for the country? <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322> (accessed 20 June 2021).
33. Kempf Felicie. School choice and the children of migrants: unveiling everyday migrantophobia in Moscow // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 1. pp. 127-151.
34. Muzaffar A. Olimov, Saodat K. Olimova. R Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of tajiklabour migration in Russia) // *Bulletin of the Tomsk State University. History*. 2019. № 59. P. 158-166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21>
35. Oleinikova O. *Life Strategies of Migrants from Crisis Regimes. Achiever or Survivor?* Publisher Name Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 257 p.

36. Orekhovskaya T.N., Seregina E.I., Zamaraeva D.Y., Kushnir N.A. The Intercultural Communications in the Global World: Methods and Tools for Building Relevant Models // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 129 LNNS. P. 93-102. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_11
37. Prokhoda V.A. Attitude of Russians to migrants. Ninth Kowalewski of reading // Materials of a scientific and practical conference on November 14–15, 2014 / ed. Yu.V. Asochakov. St. Petersburg, Skifiya-print, 2014. P. 594–596.
38. Rodionova E.V., Balan K.A. Representation of Ethnic Conflict in the Media in the Post-Soviet Period // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020, Vol. 65, iss. 2. P. 519–534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211>
39. Tashlykova M.B. Migration and migrants: “when words smuggle ideas” // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. Vol. 13(5). P. 650-664. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0596>
40. The human factor in intercultural communications: Solution methods and technologies / E.I. Lobanova, L.V. Zenina, M.G. Iksanova et al. // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8, No 23. P. 328-336.
41. Voloshin A.A. Chinese migrants in the construction business of the Irkutsk region: formal and informal organization of work // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2018. Vol. 11(11). P. 1805-1815. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0341>
42. World cultural heritage in the context of globalization: Trends, issues and solutions / J.V. Nikolaeva, N.M. Bogoliubova, V.I. Fokin et al. // International Journal of Scientific and Technology Research. 2019. Vol. 8, No 10. P. 842-845.

References

1. Ageev V.S. *Mezhgrupповое vzaimodeystvie: Sotsial'no-psikhologicheskie problem* [Intergroup interaction: Social and psychological problems]. M.: Izd-vo MGU, 1990, 240 p.
2. Bazhan T. *Adaptatsiya i integratsiya – protsess dvustoronniy* [Adaptation and integration is a two-way process]. <http://www.toptj.com/>

- News/2012/06/28/adaptaciya_i_integraciya_migrantov_process_dvustoronnij
3. Blyakher L.E. *Politiya*, 2012, no. 1 (64), pp. 106–123.
  4. On the eve of International Migrant Day, police officers held a round table. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. <https://79.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/9097491>
  5. Guseynova O.I. *Filosofiya prava*, 2015, no. 6 (73), pp. 97–101.
  6. Dynamics of the population of the JAO. Official website of the Office of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, the Jewish Autonomous Region and the Chukotka Autonomous Okrug. <https://habstat.gks.ru/>
  7. Inozemtsev V.L. *Demografiya. Migratsiya* [Demography. Migration]. M., 2003, pp. 63–72.
  8. Iontsev V.A. *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir* [International population migration: Russia and the modern world]/ ed. V.A. Iontsev. M.: Dialog-MGU, 1999. Issue 3, pp. 53–105.
  9. Kamenskikh M.S. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2018, no. 4, pp. 131–143. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.4.11>
  10. Klimova O.A. *Nauchnyy vestnik gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya Luganskoy Narodnoy Respubliki "Luganskiy natsional'nyy agrarnyy universitet"*, 2019, no. 6-1, pp. 368–374.
  11. Lebedeva N.M. *Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psikhologiya* [Ethnic and cross-cultural psychology]. M.: Prospekt, 2011, pp. 332.
  12. Mukomel' V.I. *Mir Rossii*, 2011, no. 1, pp. 34–50.
  13. On the territory of the Jewish Autonomous Region, the results of the complex operational and preventive operation “Illegal - 2021” were summed up. Birobidzhan News website - Without format. <https://birobidjan.bezformata.com/listnews/operativno-profilakticheskoy-operacii/98771393/>
  14. On the approval of the Concept for managing migration flows in the Jewish Autonomous Region until 2025: Decree of the Government of the Jewish Autonomous Region of September 24, 2013 No. 461-pp. SPS “Baza Techexpert”. https://xn--80aejvlu.xnplai/search/kodeks/region/id/21/parent_id/9/offset/560/document/441649532

15. General results of the migration of the population of the JAO. Official website of the Office of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, the Jewish Autonomous Region and the Chukotka Autonomous Okrug. <https://habstat.gks.ru/>
16. The first youth ethno-confessional forum “Territory of Consent” ended in the Jewish Autonomous Region. Official site of RIA Birobidzhan. Regional portal. <https://riabir.ru/lenta/novosti/video-novosti/pervyj-molodezhnyj-etnokonfessionalnyj-forum-territoriya-soglasiya-zavershilsya-v-eao.html>
17. Decree of the regional government dated October 28, 2021 No. 440-pp “On amendments to the state program of the Jewish Autonomous Region “Providing assistance in the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Jewish Autonomous Region for 2019-2022”, approved by the decree of the government of the Jewish Autonomous Region, dated 05.08.2019 No. 240-pp. <https://docs.cntd.ru/document/561463354?marker>
18. Rybakovskiy L.L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population migration (questions of theory)]. M.: ISPI RAN, 2003, 238 p.
19. Syzdykova Zh.S. *Kommunikatsiya*, 2015, no. 6, pp. 29-45.
20. Tishkov V.A. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitiya rossiyskogo obshchestva: Stat'i i interv'yu* [Ethnic and Religious Diversity as the Basis for Stability and Development of Russian Society: Articles and Interviews]. M.: Academia, 2008, 84 p.
21. Ethnological monitoring: development of fundamental approaches to ethnopological monitoring to optimize interethnic relations and prevent conflicts in Russia (eds. M.Yu. Martynova, V.V. Stepanov). M.: IEA RAN, 2017, 514 p.
22. Balzer M.M. Editor's Introduction: Migrants, Urbanization, and Diasporas. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2017, vol. 56, no. 3-4, pp. 187-193. <https://doi.org/10.1080/10611959.2017.1465311>
23. Bedrina E.B., Lazareva E.V. Adaptation and Integration of Labour Migrants from Central Asia in Russia and Countries of European Union: Comparative Analysis. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2021, vol. 17(1), pp. 170-181. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-13>

24. Bliakher L.E., Ivanova A.P. Flow community, or why nobody speaks “about migrants” in the Khabarovsk Krai. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2020, vol. 13(5), pp. 639-649. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0595>
25. Cieslewska A., Biajet Z. The spiritual industry of central asian migrants in Moscow. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2020, no. 1, pp. 106-126.
26. Conditions and price of integration of migrants. <http://fom.ru/Obraz-zhizni/10465> (accessed 20 June 2021).
27. Drobizheva L. Tolerance problems in the attitude towards migrants. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2021#top-content (accessed 20 June 2021)
28. Dyatlov V.I. From the “Influx of the Yellow Race” to “Migrant Workers”: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 623-638. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0594>
29. Grigorichev K.V., Koptseva N.P. Host society and migrants: searching for the languages of mutual description. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2020, vol. 13(5), pp. 612-622. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0593>
30. Helmer E. Mutations of a modern myth: how changing discourses of migration, patriotism, and personhood shape migration narratives of foreign-language students from Pskov, 1991-2015. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2017, no. 1, pp. 82-109.
31. Hewstone M, Jaspars J. Cross-cultural interaction, social attribution and inter-group relations. Bochner S. (Ed.). *Cultures in contact. Studies in cross-cultural interaction*. N.Y. Pergamon Press. 1982. P. 127–156.
32. Immigration to Russia: benefit or harm for the country? <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114322> (accessed 20 June 2021).
33. Kempf Felicie. School choice and the children of migrants: unveiling everyday migrantophobia in Moscow. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2020, no. 1, pp. 127-151.

34. Muzaffar A. Olimov, Saodat K. Olimova. R Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of tajiklabour migration in Russia). *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 2019, no. 59, pp. 158-166. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/21>
35. Oleinikova O. Life Strategies of Migrants from Crisis Regimes. Achiever or Survivor? Publisher Name Palgrave Macmillan, Cham. 2020. 257 p.
36. Orekhovskaya T.N., Seregina E.I., Zamaraeva D.Y., Kushnir N.A. The Intercultural Communications in the Global World: Methods and Tools for Building Relevant Models. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 129 LNNS, pp. 93-102. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47945-9_11
37. Prokhoda V.A. Attitude of Russians to migrants. Ninth Kowalewski of reading. *Materials of a scientific and practical conference on November 14–15, 2014* / ed. Yu.V. Asochakov. St. Petersburg, Skifiya-print, 2014, pp. 594–596.
38. Rodionova E.V., Balan K.A. Representation of Ethnic Conflict in the Media in the Post-Soviet Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 519–534. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.211>
39. Tashlykova M.B. Migration and migrants: “when words smuggle ideas”. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2020, vol. 13(5), pp. 650-664. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0596>
40. Lobanova E.I., Zenina L.V., Iksanova M.G. et al. The human factor in intercultural communications: Solution methods and technologies. *Amazonia Investiga*, 2019, vol. 8, no. 23, pp. 328-336.
41. Voloshin A.A. Chinese migrants in the construction business of the Irkutsk region: formal and informal organization of work. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2018, vol. 11(11), pp. 1805-1815. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0341>
42. Nikolaeva J.V., Bogoliubova N.M., Fokin V.I. et al. World cultural heritage in the context of globalization: Trends, issues and solutions. *International Journal of Scientific and Technology Research*, 2019, vol. 8, no. 10, pp. 842-845.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Титова Екатерина Валерьевна, и.о. заведующего кафедрой истории, архивоведения и правовых учений, к.и.н.

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема

ул. Широкая, 70а, г. Биробиджан, 679016, Российская Федерация

efitovaekaterina91@yandex.ru

Ландик Лариса Петровна, старший преподаватель кафедры краеведения

Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики

ул. Челюскинцев, 163а, г. Донецк, 83015, ДНР

lplandik@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Titova, Acting Head of the Department of History, Archival Science and Legal Studies, Candidate of Historical Sciences

Sholom-Aleichem Priamursky State University

70a, Shirokaya Str., Birobidzhan, 679016, Russian Federation

efitovaekaterina91@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2196-4760

SPIN-code: 1466-2980

Larisa P. Landik, Senior Lecturer at the Department of Local History
Donetsk Academy of Management and Civil Service under the Head of the Donetsk People's Republic

163a, Chelyuskintsev Str., Donetsk, 83015, Donetsk People's Republic

lplandik@gmail.com

SPIN-code: 8765-2064

Поступила 29.11.2021

После рецензирования 07.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 29.11.2021

Revised 07.12.2021

Accepted 25.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-150-162

УДК 9 908 63

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВОВАНИИ НА СЕВЕРЕ ЯКУТИИ В КОНЦЕ 1980-Х – В 1990-Е ГОДЫ

Санникова Я.М.

Обоснование. *Представленная проблема социальных изменений в традиционном хозяйствовании Севера в постсоветский период требует изучения и комплексного анализа того, что произошло в социальном развитии северных сел и их тружеников, и как всё это влияет на современную действительность традиционного хозяйства коренных народов Якутии.*

Цель. *Целью статьи является изучение некоторых аспектов социальных изменений в традиционном хозяйстве Севера Якутии накануне и в период постсоветских трансформаций.*

Материалы и методы. *Использованы архивные источники и результаты научных изысканий исследователей – североведов 1990-х гг. по изучению общих и локальных социальных проблем северных сел и тружеников – представителей коренных народов. Анализ поставленных вопросов проведен в хронологически-проблемном ракурсе с использованием сравнительного, ретроспективного, статистического методов.*

Результаты. *Выделены конкретные примеры из архивных документов, свидетельствующие, что социальные изменения в хозяйствах северян имели место быть уже на рубеже последних десятилетий, проблемы в первую очередь касались оплаты труда и обеспеченности жильем. Рассмотрены некоторые итоги исследований североведов, проведенных непосредственно в 1990-е гг. Они обозначили общие социальные проблемы северных сел, конкретные последствия деятельности новых хозяйственных этнообразующих формирований – родовых общин коренных народов. Обозначена необходимость дальнейшего исследования проблемы.*

Область применения результатов. Результаты являются основой для расширения аспектов изучения проблемы и дальнейших междисциплинарных исследований. Также выводы и локальные примеры могут быть использованы в качестве краеведческого материала по гуманитарным специальностям в учебных заведениях различного уровня.

Ключевые слова: социальные изменения; социальные последствия; традиционное хозяйство; коренные народы; Якутия; Север; первый постсоветский период

SOME ASPECTS OF SOCIAL CHANGE IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF THE NORTH OF YAKUTIA IN THE LATE 1980S – 1990S

Sannikova Ya.M.

Background. This problem requires a study and a comprehensive analysis of the social changes in the northern villages and how they affected the traditional economy of the indigenous peoples of Yakutia.

Purpose. The purpose of the article is to study some aspects of social changes in the traditional economy of the North of Yakutia on the eve and during the post-Soviet transformations.

Materials and methods. Archival sources and the results of research by Northern scientists of the 1990s on the study of general and local social problems of northern villages and indigenous workers were used. When studying the topic, a chronologically problematic approach was used. The analysis of the issues was carried out using comparative, retrospective, statistical methods.

Results. From archival documents, specific examples of social changes in the farms of Northerners at the turn of the last decades of the twentieth century are highlighted, especially in terms of wages and housing. Some results of research by Northern scientists conducted in the 1990s are shown. They outlined the general social problems of the northern villages, the specific consequences of the activities of the new tribal com-

munities of indigenous peoples. The necessity of further research of this problem is actualized.

Practical implications. *The results obtained are the basis for further interdisciplinary research. Also, conclusions and local examples can be used as local history material on humanitarian specialties in educational institutions of various levels. This problem requires a study and a comprehensive analysis of the social changes in the northern villages and how they affected the traditional economy of the indigenous peoples of Yakutia.*

Keywords: *social changes; social consequences; traditional economy; indigenous peoples; Yakutia; North; first post-Soviet period*

Целью данного исследования является изучение некоторых аспектов социальных изменений в традиционном хозяйстве Севера Якутии накануне и в период постсоветских трансформаций.

Актуальность. Социальные изменения в сфере сельскохозяйственного развития регионов и страны в целом изучаются достаточно активно с точки зрения последствий реформирования аграрного сектора и сельских территорий [См., напр., 12, 13, 15]. Но необходимо подчеркнуть, что социальные последствия трансформаций в развитии целой традиционной хозяйственной системы есть результат взаимовлияния и взаимодополнения экономического и социального развития коренного населения, ведущего традиционный образ жизни [5]. К концу 1989 г. с началом перестройки общественно-политического и экономического развития страны начались общественные процессы, обратившие внимание на положение коренных малочисленных народов, крайне неблагоприятную социально-экономическую и этнокультурную ситуацию в местах их компактного традиционного проживания. Со всей остротой встала проблема возрождения и дальнейшего их развития [1; 6].

В связи с этим, в изучаемый период, в основном вопросы социально-экономического развития населения в арктических и северных улусах Якутии находили свое решение в рамках государственной политики, направленной на поддержку коренных

малочисленных народов Севера. В декабре 1989 г. был проведен учредительный съезд коренных малочисленных народов Якутии и была создана Ассоциация на республиканском уровне. Было организовано республиканское министерство по делам малочисленных народов, преобразованное затем в министерство по делам народов и федеративным отношениям, образовано академическое научное учреждение – Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, общественные организации в виде ассоциаций каждого северного этноса, Союза кочевых родовых общин. Через все эти организации проводилась работа, в том числе и по развитию традиционных отраслей северного хозяйства – этнообразующей основы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера.

Тем не менее проблема социальных изменений в традиционной хозяйственной деятельности северян за первый постсоветский период ни в теоретическом, ни в практическом плане специалистами так и до конца не изучена. Нельзя сказать, что интерес к этой проблеме угасает, но она требует комплексного дальнейшего исследования и анализа влияния последствий социальных изменений на современную действительность хозяйственного развития традиционных отраслей.

Материалы и методы

Использованы источники Национального архива Республики Саха (Якутия) и результаты научных изысканий североведов 1990-х гг. по изучению общих и локальных социальных проблем северных сел и тружеников – представителей коренных народов. Анализ поставленных вопросов проведен в хронологически-проблемном ракурсе с использованием сравнительного, ретроспективного, статистического методов.

Результаты и обсуждение

На локальных примерах видно, что социальные проблемы тружеников северных сел начались накануне постсоветских преобразований и усугубились уже в период трансформаций. Здесь на

примере Севера Якутии приведены архивные документы и показаны исследования североведов, в том числе из вышеупомянутого ИПМНС СО РАН, на основе которых можно расширить фактологическую основу в изучении представленной проблемы.

Локальные примеры социальных изменений в хозяйствах северян на рубеже 1980-х – 1990-х гг. В начале 1990 г. поступило коллективное письмо оленеводов совхоза «Олеринский» Нижнеколымского района о низкой оплате труда и неудовлетворительных бытовых условиях оленеводов. Была проведена проверка комиссии в составе из представителей курировавшего Агропромышленного комбината «Север» и районных органов – комитета народного контроля и профсоюза работников АПК - с выездом в с. Андриюшкино и оленеводческие бригады № 5, 6, а также - совместное совещание руководителей, специалистов и оленеводов в центральной усадьбе совхоза. Заработная плата оленеводов насчитывалась исходя из производственных и качественных показателей и количества людей, непосредственно работающих в стаде [8]. Например, в бригаде №1 в течение года в разные периоды всего проработали 19 человек, среднедневная зарплата колебалась от 4 руб. 24 коп. до 8 руб. 50 коп., а в бригаде №5 проработало 18 человек, среднедневная заработная плата могла быть от 5 руб. 50 коп. до 11 руб. 28 коп. Среднемесячная зарплата с начислениями основного пастуха колебалась в 1989 г. от 375 руб. до 756 руб., а санботинструкторов от 313 руб. до 369 руб. в зависимости от обслуживаемого поголовья и годового производства оленины [8]. По итогам 1989 г. из 10 оленеводческих бригад дополнительную оплату получили четыре стада в сумме 9435 руб., остальные стада из-за перевыполнения плана производства мяса доплату по итогам года не получили.

Оленеводы совхоза «Олеринский» были обеспечены жильем ниже среднего уровня по району на 50%. Ежегодно в районе вводилось в эксплуатацию по одному 12-ти квартирному жилому дому, из них $\frac{1}{2}$ всех квартир выделялись оленеводам. Тем не менее, большинство оленеводов, особенно холостые не имели жилья, даже комнаты в общежитии. В 1989 г. 36 несемейных человек не

имели собственного жилья. План капитального строительства на 430 тыс. руб. был выполнен всего на сумму 35 тыс. руб. [8]. Зимние промежуточные базы оленеводов в совхозе отсутствовали, жили в стадах в ярангах и палатках. Снегоходами «Буран» совхоз оленеводов не обеспечивал, в каждом стаде имелось по одному «Бурану», купленному на личные деньги самих оленеводов. Руководством совхоза «Олеринский» была отмечена большая текучесть молодых кадров, связанная с тем, что никаких льгот для оленеводов не было предусмотрено. С оленеводов в общепите за мясо удерживали с зарплаты завышенной ценой по 2 руб. 40 коп., вместо льготной по 1 руб.90 коп. [8].

В то же время через АПК «Север» на капитальное было выделено в северные улусы в 1989 г. 67 млн. руб., это было на 55% выше по сравнению с 1988 г., в 1990 г. – примерно 80 млн. руб. В 1988 г. не было введено ни одного объекта соцкультбыта и переработки, в 1989 г. же было запущено школ на 656 мест, детсадов на 165 мест, клубов на 200 мест, жилья на 26 тыс. кв. м [9].

В Президиум районного совета народных депутатов Среднеколымского района в начале 1991г. поступила просьба (жалоба) эвенов Березовского сельского Совета о крайне неудовлетворительном решении вопросов социально-бытового, торгового, медицинского и культурного обслуживания оленеводов [10]. По этому вопросу работала совместная комиссия Верховного Совета, Совета Министров ЯАССР, АПК «Север». В с. Березовка и в производственном участке «Уродан» практически не имели жилья 13 семей, в балках «Север-3» жили пять семей. Обеспеченность жилплощадью одного жителя составляла 2,5 кв. м. Средняя школа, сельский клуб были размещены в приспособленных зданиях. Из-за малой мощности примитивной котельной был заморожен в тот год сельский дом культуры, не подключены здания интерната, конторы сельсовета и совхоза, пошивочной мастерской, баня не работала. Из-за неудовлетворительных социально-бытовых условий наблюдалась большая текучесть кадров, часть населения выезжала в соседнюю Магаданскую область, например, за одно время уехали пять семей,

в том числе три семьи оленеводов. Многие семьи охотников, оленеводов, инвалидов, пенсионеров жили за чертой бедности, в среднем на одного члена семьи приходилось 50-60 руб. месячного дохода. Ответственность за нерешенные проблемы экономического и социального развития была возложена на дирекцию совхоза «Березовский», Президиум Березовского сельского совета, отдел культуры, районный отдел народного образования, райсобес [10].

Социальные последствия в традиционном хозяйствовании коренных народов в контексте исследований проблем Крайнего Севера. В непосредственно изучаемый период в исследованиях, посвященных в том числе социальным проблемам традиционного хозяйства, было привлечено внимание на то, что в республике, так и в стране в целом все 1990-е гг. существовали проблемы социально-экономического характера, которые не могут не указывать на реальное положение дел на северных территориях вообще и коренных малочисленных этносов в частности. По данным официальной статистики, за 1990–1999 гг. общая численность занятого коренного населения в районах их традиционного проживания сократилась на 23% и резко сократилось число занятых в сельском хозяйстве – на 47,3%. В национальных селах число лиц трудоспособного возраста, не имеющих рабочего места, колебалось от 40% до 80%. Но они не всегда могли встать на учет в местных центрах занятости и поэтому не могли получать пособия по безработице. Например, известно, что в Верхнеколымском улусе в 1998 г. не имели рабочего места 814 человек, или 17,4% из числа экономически активного населения, из них были начислены пособия только 14 лицам, в Среднеколымском улусе – соответственно 1788 человек, или 33,8%, начислены же пособия только 114 лицам, в Нижнеколымском улусе – 1502 человека или 33,2%, начислены пособия 52 лицам [4].

Также внимание было обращено, кроме скрытой безработицы, на положение в родовых общинах РС(Я). В них не были обеспечены рабочими местами 12,34% населения, что было ниже среднего показателя в целом в местах традиционного проживания коренных народов Севера. В этом плане образование родовых общин (форма

самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера и объединяемых по кровнородственному или территориально-соседскому признакам, создаваемая на основе членства и объединения имущественных долей взносов для совместной деятельности в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры) являлось позитивным решением с точки зрения возможности трудоустройства местного населения, где в связи с экономическими преобразованиями в целом по стране происходила масштабная утеря производственной инфраструктуры, сокращение рабочих мест. Но при этом, внимание было обращено на то, что традиционные виды деятельности в общинах (это касалось прежде всего оленеводства), в которых были заняты в основном коренные малочисленные этносы Севера (66,67%), не могут полноценно обеспечить хозяйственной деятельностью все социальные группы коренного населения [11].

При формировании и реализации государственной политики в сфере труда и занятости коренного населения северных улусов необходимой стала разработка комплекса мероприятий, включающего в себя повышение общего уровня традиционной жизни, в том числе технического и информационного обеспечения. Было подчеркнуто, что сохранение и развитие традиционных видов деятельности в настоящий момент возможно только при условии гарантированного привлечения молодого поколения коренного северного населения к традиционным видам деятельности [11]. Было прямо сказано о неустроенности быта, приведшего к росту удельного веса представителей старшего возраста в традиционных отраслях северного хозяйства, в то время как приток молодежи был очень низким. Поэтому исследователи ставили вопрос в целом о будущем коренного населения, занятого оленеводством, охотой и рыболовством [2; 11].

Специалисты также обращали внимание на то, что к концу 1990-х гг. общины в основной своей массе едва сводили концы с концами, вследствие чего имела реальная угроза утраты позитивных начинаний в целях возрождения и развития малочисленных этносов.

На местах отсутствовали рынки сбыта в связи с закрытием государственных производственных предприятий на Севере и массовым оттоком пришлого населения. Общины столкнулись с большими трудностями в транспортировке, качественной переработке получаемой продукции, его организованному сбыту. В итоге полученные сырье, мясо, пушнина, рыба и т.д. реализовывались по очень низким ценам. В связи с этим встала проблема обеспеченности кочевых родовых общин молодыми профессиональными кадрами по организации и управлению традиционными отраслями хозяйства в условиях рыночной экономики, специалистов по технологии переработки получаемой продукции и т.д. Предлагалось подготовить профессиональные кадры по добыче и переработке минерально-сырьевых ресурсов территорий проживания коренных этносов, работающих на базе кочевых общин [11].

В 1990-е гг. в целом на Севере было практически ликвидировано социальное обслуживание тружеников, работающих в кочевых и полукочевых условиях, в том числе разъездной медицинской осмотр. В ряде районов были закрыты участковые больницы, повсеместно наблюдался острый дефицит медикаментов, отток кадров, в частности врачей, из-за необеспеченности жилплощадью, плохих условий труда. В то же время общая численность населения, занятого в традиционных отраслях и ведущего кочевой и полукочевой образ жизни достигала 47-50 тыс. человек [3]. Повсеместно ликвидировались культурные бригады по обслуживанию трудового населения на местах их производственной деятельности и дальних поселений коренных жителей [3]. В этносоциальном развитии арктических, северных улусов наблюдалось продолжающееся в течение 1990-х гг. сокращение численности населения в основном из-за изменившихся экономических и политических обстоятельств, сужение рынка труда, в том числе в связи с кризисом в сельском и промысловом хозяйстве [7].

Как справедливо утверждали исследователи, дестабилизация традиционных отраслей повлияла на сокращение учреждений социальной сферы, что явилось экономической и социальной причиной падения жизненного уровня коренных малочисленных народов Се-

вера [14]. Такое негативное социальное явление стало реальностью для всего коренного населения, ведущего традиционное сельское хозяйство, всех северных территорий в целом по республике.

Заключение

Таким образом, на данном этапе изучения заявленной темы видно, что в исследовании социальных последствий трансформаций в традиционном хозяйстве коренных народов Севера должны быть отражены все сферы деятельности тружеников, хотя понятно они связаны с экономическими изменениями в первую очередь. Здесь были выделены конкретные примеры из архивных документов, свидетельствующие о социальных изменениях в хозяйствах северян, которые как таковые имели место быть уже на рубеже последних десятилетий, проблемы в первую очередь касались заработной платы тружеников, необеспеченности их собственным жильем в селах и т.д. Также внимание обращено на результаты исследований семеноведов, проведенных непосредственно в сам изучаемый период. Они обозначили общие социальные проблемы северных сел, конкретные последствия деятельности новых хозяйственных этнообразующих формирований – родовых общин коренных народов, обозначившие комплекс основных тенденций социальных трансформаций в жизни тружеников Якутии в 1990-е гг.

Список литературы

1. Белянская М.Х. Традиция и современность. Культура выживания северных тунгусов в Северо-Восточной Азии. Санкт-Петербург , 2004. С. 99.
2. Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). Рыбинск, 1995. С. 61.
3. Донской Ф.С. Проблемы обеспечения равноправия коренным малочисленным народам Севера и Арктики // Донской Феодосий Семенович: библиографический сборник. Якутск, 1999. С. 51.
4. Донской Ф.С. Проблемы агропромышленного комплекса районов проживания коренных малочисленных народов Севера Российской

- Федерации // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск, 2001. С. 40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18303885>
5. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
  6. Рывкина Р.В., Косалс Л.Я., Ковалкина К.А. Малочисленные народы: итоги жизни в империи и перспективы // Социологические исследования. 1992. №4. С. 40.
  7. Мерикьянова Э.Т. О тенденциях этносоциального развития арктических улусов // Север: проблемы и перспективы. Бюллетень министерства по делам народов и федеративным отношениям РС (Я). № 4. Якутск, 2000. С. 26-29.
  8. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.8. ЛЛ.8-9.
  9. НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.10. Л. 2.
  10. НА РС(Я). Ф.1500. Оп.1. Д.4. Л. 92.
  11. Попова А.Г. Демографическая ситуация и вопросы развития родовых общин Республики Саха (Якутия) // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск, 2001. С. 45-47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18749433&pf=1>
  12. Родина Т.Е. Социальные последствия реформирования сельского хозяйства и их влияние на развитие сельских территорий // Никоновские чтения. 2007. № 12. СС.421-422. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16750003>
  13. Руденко С.И. Социально-экономические последствия современной аграрной реформы в России // Социальная политика и социология. 2009. №9 (51). СС. 111-115. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22911543>
  14. Слепцов Я.Г. Пути совершенствования организационной модели аграрного сектора Арктической зоны республики Саха (Якутия) в условиях рыночной экономики // Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. Якутск, 2001. С. 127-131. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18303885>
  15. Соскиев А.Б. Социальные последствия аграрной реформы // Никоновские чтения. 1998. №3. С.37-39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46638667>

References

1. Belyanskaya M.Kh. *Traditsiya i sovremennost'. Kul'tura vyzhivaniya severnykh tungusov v Severo-Vostochnoy Azii* [Tradition and modernity. Survival culture of the Northern Tungus in Northeast Asia]. Sankt-Peterburg, 2004, p. 99.
2. Borisov M.N. *Malochislennye etnosy Severa: vchera, segodnya, zavtra (sotsiologicheskie ocherki)* [Small ethnic groups of the North: yesterday, today, tomorrow (sociological essays)]. Rybinsk, 1995, p. 61.
3. Donskoy F.S. *Donskoy Feodosiy Semenovich: bibliograficheskiy sbornik* [Donskoy Feodosiy Semenovich: bibliographic collection]. Yakutsk, 1999, p. 51.
4. Donskoy F.S. *Problemy Kraynego Severa Yakutii: sostoyanie i puti resheniya* [Problems of the Far North of Yakutia: state and solutions]. Yakutsk, 2001, p. 40. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18303885>
5. Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. M.: Nauka, 1989, 272 p.
6. Ryvkina R.V., Kosals L.Ya., Kovalkina K.A. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 4, p. 40.
7. Merikyanova E.T. *Sever: problemy i perspektivy. Byulleten' ministerstva po delam narodov i federativnym otnosheniyam RS (Ya)* [Sever: problems and prospects. Bulletin of the Ministry for Peoples' Affairs and Federative Relations of RS (Y)]. № 4. Yakutsk, 2000, pp. 26-29.
8. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya) (NA RS(Ya)) [National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]. F.1500. Op.1. D.8. LL.8-9.
9. NA RS(Ya). F.1500. Op.1. D.10. L. 2.
10. NA RS(Ya). F.1500. Op.1. D.4. L. 92.
11. Popova A.G. *Problemy Kraynego Severa Yakutii: sostoyanie i puti resheniya* [Problems of the Far North of Yakutia: state and solutions]. Yakutsk, 2001, pp. 45-47. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18749433&pff=1>

12. Rodina T.E. *Nikonovskie chteniya*, 2007, no. 12, pp. 421-422. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16750003>
13. Rudenko S. I. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2009, no. 9 (51), pp. 111-115. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22911543>
14. Sleptsov Ya.G. *Problemy Kraynego Severa Yakutii: sostoyanie i puti resheniya* [Problems of the Far North of Yakutia: state and solutions]. Yakutsk, 2001, pp. 127-131. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18303885>
15. Soskiev A.B. *Nikonovskie chteniya*, 1998, no. 3, pp. 37-39. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46638667>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Санникова Яна Михайловна, старший научный сотрудник, отдел истории и арктических исследований, кандидат исторических наук

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация
sannikowa@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yana M. Sannikova, Senior Researcher, Department of History and Arctic Research, Candidate of History

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation*

SPIN-code: 5650-3434

ORCID: 0000-0002-7430-8783

Researcher ID: J-5862-2018

Scopus Author ID: 129358

Поступила 07.12.2021

После рецензирования 20.12.2021

Принята 25.12.2021

Received 07.12.2021

Revised 20.12.2021

Accepted 25.12.2021

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-163-180

УДК 378.334

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ**

Помазкова Е.В.

***Обоснование.** В данной статье рассматривается актуальный вопрос формирования типа мышления современного предпринимателя под влиянием политических и социально-экономических изменений в стране.*

***Цель статьи.** Раскрыть особенности экономического мышления Российских предпринимателей.*

***Материалы и методы.** В ходе анализа влияния современной рыночной системы на формирование типов экономического мышления предпринимателей, выявлены особенности экономического восприятия, которые присущи именно российским бизнесменам и социокультурные признаки, которые характеризуют современную предпринимательскую среду. В статье применены качественно-количественные подходы, основными из которых является метод тематического анализа.*

***Результаты исследования.** Автор доказывает, что эффективность развития российского экономического, социального и политического строя во многом зависит от качества предпринимательской деятельности. На него влияет в первую очередь уровень экономического сознания предпринимателя, которое развивается и трансформируется под влиянием историко-социальных явлений в обществе.*

***Выводы.** Каждое общество формирует свой тип экономического сознания. Большое влияние на него оказывает преобладающая форма собственности в предпринимательской среде и уровень развития созна-*

ния предпринимателя, его структура и динамика в рамках постоянно изменяющихся экономико-социальных условий российского общества.

Ключевые слова: экономическое сознание; бизнес; предприниматели; социально-экономические изменения

THE ECONOMIC CONSCIOUSNESS OF MODERN BUSINESSMANS

Pomazkova E. V.

Background. This article deals with the topical issue of the formation of the type of thinking of a modern entrepreneur under the influence of political and socio-economic changes in the country.

The purpose of the article. To reveal the features of the economic thinking of Russian entrepreneurs.

Materials and methods. During the analysis of the influence of the modern market system on the formation of types of economic thinking of entrepreneurs, the features of economic perception that are inherent in Russian businessmen and socio-cultural signs that characterize the modern business environment are revealed. The article uses qualitative and quantitative approaches, the main of which is the method of thematic analysis.

The results of the study. The author proves that the effectiveness of the development of the Russian economic, social and political system largely depends on the quality of entrepreneurial activity. And this quality is primarily influenced by the level of economic thinking of an entrepreneur; which develops and transforms under the influence of historical and social phenomena in society.

Conclusions. Each society forms its own type of economic consciousness. It is greatly influenced by the prevailing form of ownership in the entrepreneurial environment and the level of development of the entrepreneur's consciousness, its structure and dynamics within the constantly changing economic and social conditions of Russian society.

Keywords: economic consciousness; business; entrepreneurs; socio-economic changes

Современная рыночная система выстроена так, что дает возможность получить необходимые для жизни товары в любое время, в любом количестве и в соответствии с потребностями при условии наличия доступа к ресурсам. Поэтому часто современное общество называют обществом потребителей. Но вместе с тем, успех в нем связан в первую очередь с типом сформированного поведения и экономического сознания, которые обладают рациональной направленностью. Такое общество ставит способность к самореализации в зависимость от типа экономического поведения, на который, в свою очередь, влияет совокупность деятельности образования, власти и общественных организаций бизнеса.

В результате влияния политических и социально-экономических изменений в стране, появления и развития сферы бизнеса возникла новая социальная группа – предприниматели. Предприниматель обладает такими качествами, как самостоятельность, ответственность, риск, инициативность и склонность к новаторству [2, с. 65].

В общественной жизни в условиях современной рыночной экономики востребована новая личность, которая должна обладать экономическим сознанием, поведением, с рациональной направленностью. Молодые люди смогут самореализоваться, работая в бизнесе по профессии или организовав собственный бизнес. Общество же, установив взаимодействие образовательного процесса, властных структур, общественных организаций бизнеса должно создать условия для мотивации молодежи к предпринимательской деятельности. Таким образом, будет сформирована личность нового типа, наделенная рациональным экономическим поведением, приспособленная к жизни и деятельности в рыночном экономическом сообществе страны [4, с.2].

Состояние Российской экономики и уровень ее развития делают необходимым развитие определенных компетенций, способствующих устройству актуального пространства в целях самореализации и самоопределения. Возникает потребность формирования экономического сознания личности в обществе, для того, чтобы экономическое сообщество непрерывно находилось в процессе развития

и трансформации. Наиболее важным фактором управленческой и предпринимательской деятельности является особенность экономического сознания предпринимателя, его структура и динамика в рамках постоянно изменяющихся экономико-социальных условиях российского общества.

Эффективность развития российского экономического, социального и политического строя во многом зависит от качества предпринимательской деятельности. Она формировалась в конкретных исторических условиях, и предполагает наличие определенного типа сознания [7, с. 21]. Само понятие экономическое сознание означает набор установок, социальных представлений, оценок и мнений о различных экономических явлениях и объектах, которые оказывают влияние на экономическое поведение.

Можно выделить несколько присущих предпринимательской деятельности социокультурных признаков:

- высокий уровень экономической свободы, которая характеризуется свободным выбором направления и содержания деятельности;
- основная цель – получение прибыли;
- основной критерий успеха – деньги;
- на основании рационального сопоставления целей и средств их достижения, а также результатов деятельности производится планирование всех предпринимательских действий;
- высокая доля риска и степень ответственности предпринимателя за результаты своей деятельности.

Помимо этого, для российских предпринимателей характерна ярко выраженная соревновательная установка, которая оказывает влияние на их мышление.

Основа предпринимательской деятельности – это умение рисковать, предвидеть риски и их возможные последствия вместе с определением путей преодоления нежелательных результатов предпринимательской деятельности. Это объясняет высокую степень адаптирования предпринимателей к любым изменениям социально-экономической среды и высокую успешность этого социального слоя.

Исследования показывают, что большинство предпринимателей считают оптимальной среднюю степень риска, но отмечают, что реальный риск их деятельности несколько превышает эти оценки [4, с. 1].

Каждое общество формирует свой тип экономического сознания. Первый этап становления предпринимательского сознания стал формироваться в эпоху Промышленной революции – в отличие от представителей предшествующего исторического периода первые буржуа, владельцы мелкого производства и торговых лавочек, должны были сформировать в себе те черты личности и модели мировосприятия, которые помогли бы им выжить в новых условиях. Такой чертой стала, прежде всего, социальная мобильность. Особенно ясно она проявлялась у представителей разоряющегося крестьянства, массово хлынувших в растущие города в поисках работы [7, с. 25].

Становление российского предпринимательства в конце XX в. и формирование его ценностного сознания проходили в период «доминирующей нестабильности» [9], который проявлялся в кризисных явлениях, стремительном росте различных рисков, высокой степени неопределенности, увеличении количества экстремальных ситуаций. Слабость институциональных структур рынка привела к формированию эксплоярной экономики и коротких жизненных проектов [5, с. 59]. В экономике эксплоярной считают форму деятельности и прибыльно ориентированного поведения рыночных субъектов, которые не попадают в официальный статистический учет, но реально существуют.

На трансформацию экономического сознания предпринимателей влияют законы, которые регулируют их деятельность. И смена положений того или иного законодательного акта на основании изменений запросов бизнеса, характеризует уровень экономического сознания бизнесменов текущего времени. С 1920 по 1986 году в Советском Союзе любой вид предпринимательской деятельности относился к незаконному и нежелательному и преследовался по административному или уголовному праву. Бизнесмены того времени опасно озирались в глухих переулках, сбывая проверенным

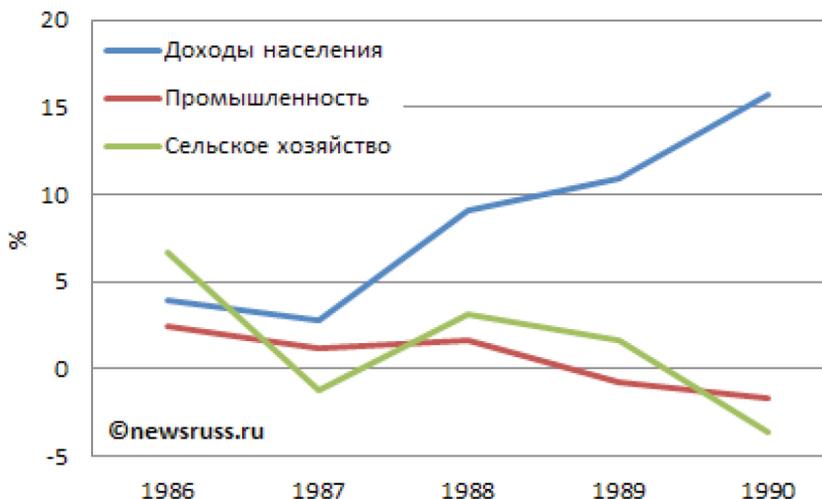
соотечественникам дефицит, стыдливо прятались и выслушивали общественные порицания. Соответственно и сознание советских предпринимателей было ориентировано на сиюминутное получение материального поощрения и избежание наказания.

Во время перестройки в 1986 году Верховный Совет СССР принял закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», который должен был взять под контроль государственных органов «подпольный» частный бизнес. В соответствии с ним разрешалось вести предпринимательскую деятельность в области бытового обслуживания населения и ремесленных промыслов, а также виды деятельности, основанные на личном труде граждан и членов их семей. Наемный труд был запрещен. Этот закон позволил предпринимателям частично легализоваться и дал старт развитию рыночной экономики России.

В мае 1988 года был подписан Закон «О кооперации в СССР», ставший основой для развития малого предпринимательства. В следующем году первый кооператор Артем Тарасов уплатил 90 тысяч рублей партийных взносов с полученного дохода 3 миллиона рублей. Для страны, где зарплаты была в среднем 150 рублей, это был невероятный доход. Этот закон вывел легализацию бизнеса и сознание предпринимателей на новый уровень. Но в то же время незоснательность и стремление к моментальной прибыли со стороны предпринимателей привели к катастрофическому обвалу промышленности и сельского хозяйства. Основной предпринимательской деятельностью 90-х годов стала «челночная» торговля.

Процесс законодательного определения частного бизнес был завершён 25 декабря 1990 года Законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности», подписанным Борисом Ельциным. Документом определялись не только экономические и правовые основы, но и в первые в истории, описывались социальные аспекты создания предприятий. Также закон содержал описание организационно-правовых формы предприятий, прав и ответственности предпринимателей. Отдельное место отводилось мерам государственной защиты.

Темпы роста экономических показателей СССР

Экономические либеральные реформы, проведенные в России в 90-е гг. XX в., способствовали переходу страны к экономике обмена в ущерб промышленному производству. Рынок открылся торговле, бартеру, придал новый смысл мафии – теневой власти, обеспечивавшей транзакции в отсутствии эффективно действующих государственных структур. В этот период Россия переживала «инволюционную дегенерацию» или «транзит без трансформации» [1].

Исследователи пришли к выводу, что экономика страны оказалась разделенной на два взаимосвязанных сектора – официальный и теневой. Происходили сращивание представителей госаппарата и коммерческих структур, криминализация бизнеса. Инволюционное развитие и теневая экономика способствовали формированию двух экономических систем: для одной (сырьевая индустрия) – прямая господдержка, доступное финансирование, мягкие бюджетные ограничения, доступность ресурсов; для другой (высокотехнологичное производство) – избыточное внимание фискальных и контролирующих органов, серьезные ресурсные ограничения [6, с. 8].

Несмотря на высокую степень криминализации бизнеса того времени, официальный сектор предпринимателей в конце 90-х го-

дов начал делать первые шаги в сторону социальной ориентации своего бизнеса.

Вступление в силу в 1995 году первой части Гражданского кодекса РФ и подписание федерального закона о государственной регистрации юридических лиц в 2002 году существенно изменили запросы предпринимателей того времени и обновили правила деловой и межличностной коммуникации в предпринимательской среде.

Во времена, когда одной из основных целей социально-экономического развития России является инновационная экономика, успех может обеспечить только сообщество, заинтересованное в инновациях. Потребность общества в инновационных изменениях ведет к формированию класса, который известный американский социолог Р. Флорида назвал «креативным» [8] и которому соответствует отличный от других тип экономического мышления. Креативность – это способность человека создавать новые формы, производить идеи, ломать стереотипы мышления, разрушать старый гештальд ради создания нового. Анализ феномена нового класса, его роста характерных ценностей, положения в обществе произведен в научных публикациях Д. Пинкта, Ч. Лэндри, М. Румизена, Дж. Гилфорда. В российской литературе эту проблему исследовали Д. Зеленин, М. Хрусталева, А. Ермолин, А. Торкунов, М. Савина, О. Оскара, И. Ермаченко, А. Подберезкин. Аналитики современного общества убеждены, что особенности ценностной ориентации этого слоя людей, проявляющиеся в таких понятиях, как «Открытость инновациям», «Толерантность», «Интеллектуальный капитал», «Творчество», «Свобода», «Индивидуальность», позволили ему стать генератором идей, ускоряющих общественно-экономический прогресс. [6]

Формирование рыночных отношений повлияло на трансформацию экономического сознания. Процесс это длительный и трудоемкий. Возникшее многообразие форм собственности, становление товарно-денежных отношений, формирование дохода в зависимости от предприимчивости и инициативы неотвратимо меняют тип экономического сознания современных бизнесменов.

Можно определить два главных взаимосвязанных критерия, которые характеризуют современный тип экономического сознания: отражение изменяющихся условий роста общественного производства и его научность.

Первый критерий оценки подразумевает учет современных реальностей с преобладанием мышления качественными, а не количественными категориями, неформальное осознание сущности процесса увеличения производства, ориентация на конечный результат и общественные цели развития. Современное экономическое сознание предполагает интерес к мировому опыту, использование и изучение мировых достижений. Кроме того, оно подразумевает восприятие народного хозяйства как части мирового. Распространение и углубление международной интеграции, создание совместных организаций и выход на мировой рынок требуют не только высокого уровня развития и специального обучения, но и моральной готовности предпринимателя к такому значительному расширению поля деятельности.

Научность заключается в потребности полного и последовательного учета в экономическом сознании и хозяйственных решениях действующих экономических законов. Незнание или игнорирование их в процессе планирования и управления – основа субъективизма в бизнесе. Прежде всего это относится к закону стоимости. На его основе происходит развитие экономических рычагов и стимулов. Научность нельзя рассматривать как обычное изучение и использование каких-то установленных истин. Экономическая наука находится в непрерывном развитии, движении и обновлении. Постоянное повторение однажды заученных истин точнее будет назвать пропагандой, а не наукой. В науке же происходит постоянное увеличение знаний, корректировка полученных выводов и отвержение того, что не подтвердилось практикой.

Исходя из таких критериев следует, что предприниматель должен обладать не просто багажом знаний, полученных когда-то, а постоянно развиваться и быть в курсе новинок и достижений экономической мысли. Только в таком случае его сознание будет

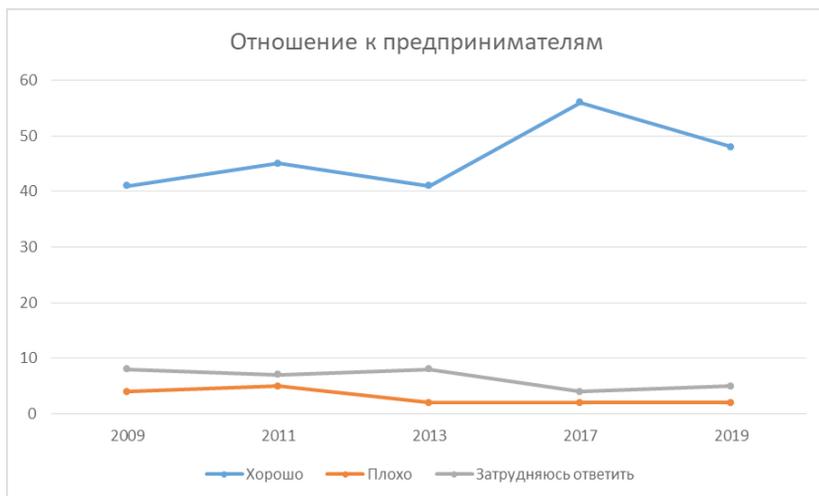
современным. И отсюда вытекает необходимость регулярного обновления знаний и навыков. Не зря именно сегодня крепнет идея непрерывного образования. И изучение новой научной информации должно войти в распорядок рабочего дня успешного предпринимателя. Предприниматель, конечно, не должен ожидать от изучения экономики получения готовых ответов на все возникающие в деятельности вопросы, но, используя полученные знания, он сможет лучше и оперативнее решать их решать.

По данным ФНС, в стране сегодня насчитывается 5 670 880 субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Количество наемных работников 15 516 199 человек [10]. На их долю приходится 7992 выпускаемых товара и услуги. Современное экономическое сознание характеризуется интенсивным типом деятельности. В нем преобладает стремление наиболее полно использовать как внутренние, так и внешние факторы и достоверно прогнозировать все возможные последствия. Такой тип деятельности предполагает наличие серьезной подготовки участника прежде всего в области экономики и управления, понимания специфики влияния социальных факторов производства, психологии и права. В условиях формирования капиталистического рынка с использованием преимущественно экономических методов управления, значительно повышается навык предприимчивости, новаторства, инициативы и хозяйственного риска.

Рост доли частного бизнеса в экономике страны и увеличение количества наемных сотрудников, трудящихся в частном секторе меняют не только социальное сознание и поведение предпринимателей, но и отношение к ним в Обществе. По данным ВЦИОМ [11]:

Экономическое сознание современных предпринимателей все в большей степени характеризуется стремлением преумножить свой капитал, однако иным способом, чем приобретение материальной собственности и т.п. Так, от «среза» к «срезу» все более распространенным становилось стремление повысить свои доходы, все выше росла оценка своих возможностей в этом и увеличивался приоритет вложения финансов в рост: открытия счета в банке и приобретения

ценных бумаг банков, предприятий. Если в 1994 г. никто из опрошенных бизнесменов не отметил, что при наличии свободных денежных средств в первую очередь предпочтет приобрести ценные бумаги банков, предприятий, фирм, то в 1997 г. так ответили 9% респондентов, в последующие годы (1999–2006) эта цифра стабильно составляла 15–18%. Если в середине 1990-х годов (1994–1997 гг.) лишь 7–9% предпринимателей при наличии свободных денежных средств в первую очередь предпочли бы вложить их в открытие счета в банке, то в последующие исследовательские «срезы» 1999–2006 гг. эта цифра возросла и устойчиво характеризовала 21–25% респондентов [3, с. 3].

Следует отметить еще одну особенность экономического сознания российских предпринимателей – сочетание социального нарциссизма и социальной ответственности. Социальный нарциссизм представляет собой такое эмоциональное состояние, при котором социальная группа проявляет интерес только к собственной персоне, своим потребностям, мыслям, чувствам, собственности. М. Хансен, Р. Аллен, Н. Козлов, М. Лучко в своих исследованиях увидели взаимосвязь между свободой, успехом, победой, с одной стороны, и уверенностью в собственной уникальности, с другой стороны [6].

В условия современной неопределенности намного возрастает фактор риска и современное экономическое сознание обладает способностью к нему. Практика предпринимательства в современных условиях требует обоснования риска при принятии решений. Раньше в России такая проблема не стояла, так как все планирование было централизованным и только требовало четкого исполнения. Современный предприниматель, приступая к решению вопроса, обычно не располагает исчерпывающей информацией обо всем. Кроме того, в процессе производства создается определенная непредсказуемость развития. И необходимо обладать мужеством и умом, а также развитой интуицией, чтобы в таких условиях принимать наиболее приемлемые решения и нести личную ответственность за результат всего дела. Предпринимателям свойственна выработка новых психологических установок, способность предвидеть и разрешать противоречия, поиск нестандартных подходов. В предпринимательских реалиях смещается смысл известных понятий. Бережливость для предпринимателя означает расчетливость и экономичность. А в условиях интенсивного развития она иногда превращается в жадность. У бизнесменов часто встречается склонность жалеть рубль, который, будучи пущенным в дело, принесет в десять раз больше. Принцип «ты – мне, я – тебе» совсем недавно ассоциировался с махинациями в теневом секторе и морально осуждался. В новых условиях экономическое сознание воспринимает его, как обмен ресурсами и основу рыночных отношений. По способности к бережливости каждый предприниматель, в силу своего экономического сознания, различается. Очевидно, что жадность и транжирство – это крайности и обе крайности невыгодные. Поэтому каждая конкретная ситуация должна сопровождаться выбором, который, должен быть ориентирован на активное использование уже имеющихся ресурсов.

Экономическое сознание в числе прочего может характеризоваться широтой и узостью. Широта характеризуется способностью предпринимателя охватить мыслью все многообразие отношений, связанных с поставленной хозяйственной целью. Широко мысля-

щий бизнесмен будет охранять окружающую среду, комплексно использовать отходы и так далее. Узость сознания особенно остро проявляется, когда решение задачи требует взаимодействия нескольких структур. Необходимы подвижность взглядов и идей, диалектичность, на основании которых действует предприниматель, принимая решения.

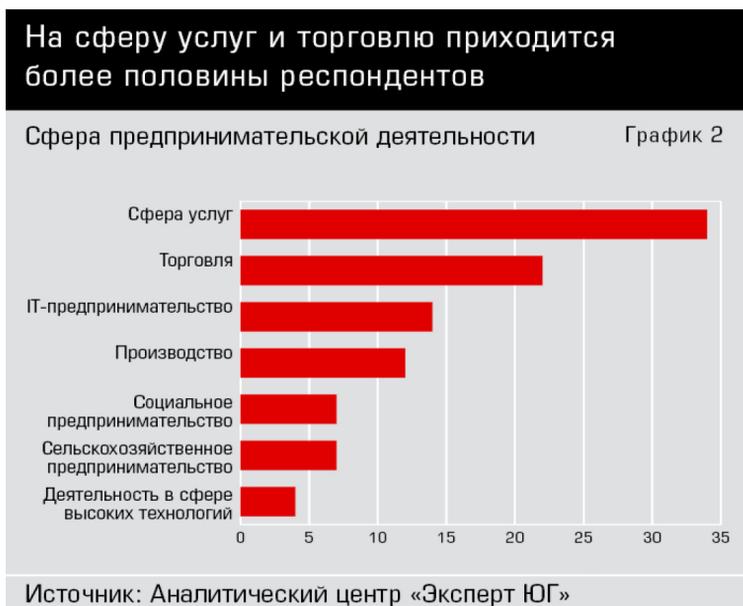
Основные пути формирования экономического сознания обусловлены объективными факторами, и прежде всего первичными обстоятельствами, связанными с развитием производительных сил и отношений. Однако из вторичности экономического сознания бизнесменов по отношению к окружающим их условиям не следует, что изменение сознания произойдет только после утверждения новых условий. Сознание обладает относительной самостоятельностью. Оно может опережать и отставать от внешних изменений. Причем факт отставания фиксируется чаще, что связано с инерционностью сознания, стереотипами и привычками, которые складывались десятилетиями. Связь между экономическим сознанием и объективными требованиями не является жесткой и изменение одного не обязательно влечет за собой изменение второго.

На развитие предпринимательской активности, а, следовательно, и экономического сознания действенное влияние оказывает организация деятельности. При бюрократической системе организация характеризуется жесткой регламентацией поведения, путем многочисленных нормативных актов и формализованных процедур, четкой иерархией и субординацией. Такие условия не способствуют развитию ни инициативы, ни предприимчивости.

Главной школой формирования экономического сознания была и будет практическая деятельность. Развивая предпринимательскую деятельность, бизнесмены одновременно развивают и себя, обогащаются умственно, духовно и нравственно. Активная деятельность создает ту атмосферу, в которой предприниматель мобилизует свой потенциал, подкрепляет свои знания новым опытом, расширяет кругозор и, наконец, более глубоко изучает закономерности существования общества. В процессе активной деятельности предпри-

ниматель по-настоящему утверждает себя как личность. Поэтому гибкое экономическое сознание присуще в основном людям целеустремленным, деятельным и творческим. А консерватизм – чаще всего удел инертных, самоуспокоенных людей, которых все устраивает в жизни и ничего нового им не надо. Такие люди чаще всего являются наемными работниками.

Изменение экономического сознания под влиянием современных законов и льгот привело к изменению направленности предпринимательской деятельности по сравнению с началом 2000-х годов, когда основным видом бизнеса была торговля. Отраслевой срез современных предпринимателей выглядит следующим образом [12]:

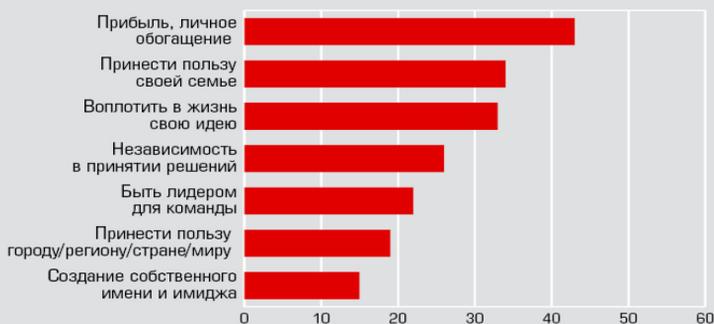

Мы видим интерес молодого поколения бизнесменов к IT отрасли, производству и высоким технологиям. Так же существенно трансформировались и цели предпринимательства. Если раньше целью было только личное обогащение, то современные бизнесмены готовы приносить пользу обществу и развивать свои идеи [12]:

Цели предпринимательской деятельности молодых предпринимателей

На достижение каких целей, прежде всего, направлена Ваша предпринимательская деятельность?

График 4

Источник: Аналитический центр «Эксперт ЮГ»

Предпринимательская активность и формирование экономического сознания прямо зависят от хозяйственного механизма, который определяет организацию производства и способы управления им. Если изменения в тех или иных звеньях носят эпизодический характер, отстают от развивающихся требований и условий производства, то неизбежно возникает консерватизм сознания. Устаревший хозяйственный механизм неминуемо воспроизводит и устаревший стиль экономического сознания.

Для успешного существования в условиях рыночных отношений необходим комплексно-усовершенствованный хозяйственный механизм, который охватывает одновременно все стороны и звенья предпринимательской деятельности. Который устраняет условия, питающие устаревшие понятия, и обеспечивает сдвиг в сознании бизнесмена.

Если к предприниматели старого формата были ориентированы на личное выживание, тяжёлый труд, опыт и привилегии, то современные бизнесмены делают ставку на знания и индивидуализм. Старое поколение предпринимателей делало ставку на связи во

власти и в бизнесе, новое – на умение выстраивать коммуникацию. Прошлое поколение бизнесменов в основном торговало, нынешнее – оказывает услуги и развивает производство. Основные интересы современного предпринимателя-это высокое качество жизни и реализация своих идей в интересах своих семей и общества через инновационные решения.

Список литературы

1. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социс. 2009. № 9. С. 3–11.
2. Виноградов А.В. Понятие предпринимательства: основные зарубежные концепции // Вестник ПАГС. 2004. С. 65–68.
3. Журавлева Н.А. Динамика экономического сознания предпринимателей в условиях макросоциальных изменений // Наука и мир. 2015. №4. С. 109-112.
4. Зайцева Г.В. Проблемы становления экономического сознания в формировании потенциального предпринимателя // Человек в постиндустриальном обществе : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Варна-Саратов, 30 октября 2013 года / редактор Т.Д. Федорова. Варна-Саратов: Парадигма, 2013. С. 49-55.
5. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социс. 2009. № 3. С. 57–67.
6. Михеев М.Н. Кентавр-парадоксы экономического сознания российского предпринимательства // Вестник Донского государственного технического университета. 2011. Т. 11, № 4(55). С. 519-524.
7. Пашковская И.Н. Психология предпринимательства в России как феномен последних десятилетий / И. Н. Пашковская, Н. И. Королева // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2019. № 5. С. 19-25.
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва, 2007. 421 с.
9. Штайльманн К. Новая философия бизнеса: В 3-х т. М., Берлин: Российское психологическое общество. 1998. Т. 1. Реформы, революции, трансформации. Размышления делового человека. 650 с.

10. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. <https://gmsp.nalog.ru> (дата обращения: 11.10.2021).
11. Расширенная подборка данных ВЦИОМ // СоциоДиггер. 2021. Январь. Том 1. Выпуск 6: Бизнес и предпринимательство. https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_012021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
12. Образ молодого предпринимателя: новое поколение // Аналитический центр «Эксперт Юг». https://expertsouth.ru/specprojects/obraz-molodogo-predprinimatelya-novoe-pokolenie/?sphrase_id=1919315 (дата обращения: 09.10.2021).

References

1. Buravoy M. *Sotsis*, 2009, no. 9, pp. 3–11.
2. Vinogradov A.V. *Vestnik PAGS*, 2004, pp. 65–68.
3. Zhuravleva N.A. *Nauka i mir*, 2015, no. 4, pp. 109-112.
4. Zaytseva G.V. *Chelovek v postindustrial'nom obshchestve : sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Varna-Saratov, 30 oktyabrya 2013 goda* [Man in a post-industrial society: a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Varna-Saratov, October 30, 2013] / ed. T.D. Fedorova. Varna-Saratov: Paradigma, 2013. S. 49-55.
5. Krivosheev V.V. *Sotsis*, 2009, no. 3, pp. 57–67.
6. Mikheev M.N. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, vol. 11, no. 4(55), pp. 519-524.
7. Pashkovskaya I.N., Koroleva N.I. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPb-GEU*, 2019, no. 5, pp. 19-25.
8. Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative class: people who change the future]. Moscow, 2007, 421 p.
9. Shtayl'mann K. *Novaya filosofiya biznesa: V 3-kh t. M., Berlin: Rossiyskoe psikhologicheskoe obshchestvo. 1998. T. 1. Reformy, revolyutsii, transformatsii. Razmyshleniya delovogo cheloveka* [New business philosophy: In 3 vols. Moscow, Berlin: Russian Psychological Society. 1998. T. 1. Reforms, revolutions, transformations. Thinking of a business man]. 650 p.

10. Unified register of small and medium businesses. <https://rmsp.nalog.ru> (data obrashcheniya: 11.10.2021).
11. Rasshirennaya podborka dannykh VTsIOM [Extended selection of VTsIOM data]. *SotsioDigger*, 2021, vol. 1, issue 6: Business and entrepreneurship. https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/rasshirennaya_podborka_dannyh_wciom_012021.pdf
12. *Obraz molodogo predprinimatelya: novoe pokolenie* [The image of a young entrepreneur: a new generation]. Analytical Center “Expert Yug”. https://expertsouth.ru/specprojects/obraz-molodogo-predprinimatelya-novoe-pokolenie/?sphrase_id=1919315

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Помазкова Елена Владиславна, аспирант кафедры экономики, философии и социальных дисциплин
Донской государственный аграрный университет
ул. Кривошлыкова, 24, пос. Персиановский, Октябрьский район,
Ростовская область, 346493, Российская Федерация
pomazkovael@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Pomazkova, postgraduate student of the Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines.
Don State Agrarian University
24, Krivoshlykov Str., Persianovsky, Oktyabrsky district, Rostov region,
346493, Russian Federation
pomazkovael@rambler.ru

Поступила 11.08.2021

После рецензирования 12.09.2021

Принята 26.10.2021

Received 11.08.2021

Revised 12.09.2021

Accepted 26.10.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-181-195

УДК 122

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ФУНКЦИЙ РЕЛИГИИ

Рыбакова О.Б.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью систематизации функций религии в обществе, поскольку разные авторы предлагают различные наборы этих функций, каждый из которых в отдельности может быть адекватен частным задачам исследования. В соответствии с этим поставлена цель интерпретировать функции религии как ответ на запрос системы в необходимости формирования человеческого мышления и общества в целом. В качестве парадигмы избрана известная кантианская позиция, подчеркивающая двойственность рассудочных и моральных систем отсчета в религии или, другими словами, синтез когнитивного и нормативного аспектов. В соответствии с этими критериями проведен анализ работ исследователей социальных процессов на ранних этапах развития человеческих обществ. Согласно предложенной концепции функции религии можно разделить на две комплементарные группы – когнитивную и регулятивную. В первую будут входить гносеологическая и функция символизации, во вторую – аксиологическая, нормативная, консолидирующе-демаркационная и легитимирующая. Они определяются как базовые, из которых в дальнейшем выделяются имплицитно содержащиеся в них мировоззренческая, компенсаторная, мотивационная и т.п. В результате делается вывод, что религия представляет собой системную целостность, усложняется по мере развития человеческого сообщества, возникают ее новые функции (новые – всегда только дополнительные, включая и старые), которые дифференцируются и институционализируются по мере усложнения задач, решаемых культурной системой.

Ключевые слова: функции религии; мистические связи; комплементарные группы; дифференциация и институционализация функций

SYSTEMIC CHARACTER OF THE FUNCTIONS OF RELIGION

Rybakova O.B.

The relevance of the article is due to the need to systematize the functions of religion in society, since different authors offer different sets of these functions, each of which individually can be adequate to the particular objectives of the study. In accordance with this, the goal is to interpret the functions of religion as a response to the system's request for the need to form human thinking and society as a whole. As a paradigm, the well-known Kantian position was chosen, which emphasizes the duality of the rational and moral systems of reference in religion, or, in other words, the synthesis of the cognitive and normative aspects. In accordance with these criteria, an analysis of the works of researchers of social processes at the early stages of the development of human societies is carried out. According to the proposed concept, the functions of religion can be divided into two complementary groups - cognitive and regulatory. The first will include the epistemological and symbolization function, the second - axiological, normative, consolidating-demarkation and legitimizing. They are defined as basic, of which the implicitly contained in them worldview, compensatory, motivational, etc. As a result, it is concluded that religion is a systemic integrity, it becomes more complex as the human community develops, its new functions appear (new ones are always only additional, including old ones), which are differentiated and institutionalized as the tasks solved by the cultural system become more complex.

Keywords: *functions of religion; mystical connections; complementary groups; differentiation and institutionalization of functions*

В современном мире, в условиях возросшей интенсивности глобализационных и миграционных процессов становится более заметна роль религии как цивилизационного маркера. Вместе с тем, чаяния некоторой части социума на то, что возможна миротвор-

ческая, стабилизирующая роль религии в планетарном масштабе не оправдались: религиозные различия являются тем фактором, который противостоит политико-правовым, а часто и морально-этическим регуляторам общественного бытия. Ответ на вопрос, почему так происходит крайне важен. Но на него невозможно ответить, если не разобраться в фундаментальных функциях религии. В основе предложенной концепции функций религии лежит также структурно-функциональный подход, который предполагает, что любой социальный институт вызывается к жизни необходимостью удовлетворения какой-либо потребности, поэтому в выяснении фундаментальных функций религии мы по необходимости сосредоточимся не на месте религии в современной социальной системе, а на феноменах ранней религиозности. В современной теории религиоведения предлагается различный набор функций религии, каждый из которых в отдельности может быть адекватен частным задачам исследования. Например, Л. Васильев предлагает нам считать основными функциями религии следующие: мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-деинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая [5, с. 11-16]. Его поддерживает в своем классическом учебнике и И. Яблоков [14, с. 299-301]. В. Гараджа, считая «функциями религии способы действия ее в обществе», выделяет четыре, на его взгляд, наиболее для нее характерные: 1) функция значения, или смыслополагания; 2) функция принадлежности, или идентификации; 3) функция социальной интеграции и стабильности; 4) функция сакрализации культурных ценностей, главным образом этических [6, с. 1133-1134]. Рассматривая религию «через функции, которые она выполняет в культуре», Н. Багдасарьян отмечает такие, как: 1) ценностно-нормативная, или аксиологическая; 2) психологическая; 3) онтологическая; 4) социальная; 5) идеологическая и 6) символическая [1, с. 316-317].

Выясняя функции любого исследуемого объекта, уместно начать сначала: задать вопрос, ради чего существует или даже возникает объект, явление, свойство. При этом, в наши задачи не входит

анализ эволюции функций религии от возникновения этой формы духовной деятельности до современности: любая системы в своем развитии дифференцируется, что приводит и к дифференциации функций и трансляции некоторых в конституировавшиеся эволюционно более молодые структуры. В данном исследовании предложена концепция фундаментальных функций, присущих религиозной системе, безотносительно ее изменяющегося места в современном мире. Безусловно, вопрос возникновения религии беспокоил многих исследователей, но разбор их многочисленных концепций лежит далеко за пределами нашей темы. Мы встанем на точку зрения Э. Дюркгейма, считающего, что «не существует четкого мгновения, когда начала существовать религия, ... как и всякий созданный человеком институт, религия не начинается нигде» [7, с. 182], а все умозрительные построения на эту тему «могут заключаться лишь в субъективных и произвольных конструкциях, не поддающихся никакой проверке» [7, с. 183]. Однако для того, чтобы объяснить это явление, необходимо «начать с восхождения к его наиболее простой, первобытной форме, постараться понять его особенности, характерные для этого периода его существования, затем показать, как оно постепенно развилось и усложнилось, как оно стало тем, что оно есть в рассматриваемый момент» [7, с. 177]. Говоря о развитии религий, мы не будем выстраивать их в иерархическом порядке, но обратим внимание, что компаративный анализ позволяет отметить их различие в том, что некоторые из них «приводят в действие более высокие мыслительные функции, богаче идеями и чувствами, включают в себя больше понятий и меньше ощущений и образов, отличаются более изощренным характером систематизации» [7, с. 176].

В качестве парадигмы мы изберем известную кантианскую позицию, подчеркивающую двойственность рассудочных и моральных систем отсчета в религии или, другими словами, синтез когнитивного и нормативного аспектов. Это позволит нам определить фундаментальные функции, которые обусловили если не возникновение, то последующий процесс развития и формирования религии, как

особого способа мировосприятия и мирочувствия людей. Обратим также внимание на существенное замечание Б. Малиновского, что «форма всегда определяется функцией, и пока такая зависимость остается неустановленной, мы не можем оперировать элементами формы в научных рассуждениях. ... Как конкретные особенности объекта, так и его форма определяются тем, как он используется. Функция и форма связаны друг с другом» [11, с. 683-684].

Широко распространено мнение, что первые представления людей о мире, в котором они живут, о самих себе, о системах отношений с миром и в социуме, имеют религиозное происхождение (в данном тезисе не играет роли дифференциация понятий магического, мифологического и религиозного). Э. Дюркгейм замечает, что «философия и науки родились из религии потому, что религия вначале заменяла науки и философию», поэтому мы обязаны ей (религии) не столько обогащением идеями, сколько формированием человеческого ума как такового, а также формой, в которую были отлиты познания о мире. Э. Дюркгейм указывает, что «это те понятия, которые философы, начиная с Аристотеля, называют категориями разума: понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д. Они соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей. Они представляют собой как бы прочные рамки, охватывающие мышление» [7, с. 184].

На наш взгляд, весьма важным является заявление ученого, о том, что первые представления о мире были облечены в религиозную форму. Мы же добавим, что были облечены с необходимостью, поскольку именно такая форма мышления на определенном этапе развития человеческого сообщества представляется наиболее адекватной формированию абстрактных понятий и символизации действительности и обнаруживает свою универсальность, поскольку присуща всем известным первобытным культурам. По крайней мере, на сегодняшний день нет сведений о том, что какая-либо общность гоминоидов в процессе развития в человеческое общество выработала иной взгляд на мир, на систему отношений, связей и зависимостей, за которыми не стояли бы начала и сущности,

ассоциирующиеся в настоящее время с религиозными представлениями; а если такие общности и были, то, ответив каким-то иным способом на запрос системы в необходимости формирования человеческого мышления, они сошли с исторической арены, что может свидетельствовать о неэффективности иных способов формирования освоения бытия.

Также Э. Дюркгейм развенчивает понятие сверхъестественного в сознании ранних человеческих обществ. Он указывает, что для формирования этого понятия необходимо обладать чувством естественного порядка вещей, т.е., что явления Вселенной связаны между собой необходимыми отношениями, называемыми законами, и тогда все, что нарушает эти законы, будет восприниматься, как события невозможные, т.е. несовместимые с порядком, который, правильно или нет, представляется с необходимостью заключенным в природе вещей. «Но это понятие необходимого порядка, – замечает ученый, – было постепенно построено позитивными науками, и, следовательно, противоположное понятие не могло им предшествовать» [7, с. 205]. Идея сверхъестественного, с точки зрения Э. Дюркгейма, не дана человеку изначально, и поэтому занимает какое-то место лишь в небольшом числе развитых религий.

Таким образом, мы можем говорить все же не о религиозном, а о специфичном сознании ранних человеческих обществ (специфичном в соотношении с сознанием современных людей), однако усматривать эту специфичность необходимо в особом построении связей, отношений и зависимостей между наблюдаемыми объектами и действиями. Л. Леви-Брюль называет такое мышление пралогическим и указывает на характерные его черты, проявляющиеся в том, что «оно обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум», а также «обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду» [9, с. 130-131]. При этом исследователь делает оговорку в отношении употребления им термина «мистический», предупреждая читателей о его отличии от религиозного мистицизма наших дней. Об этом отличии говорит и К. Леви-Строс, по метко-

му выражению которого мистицизм (наших дней) «запечен в тесте метафизики» и постигаем нами «не иначе, как сквозь искажающую призму официальных религий» [10, с. 142]. Что же касается первобытного мышления, Л. Леви-Брюль предлагает нам такое определение: «в самом узком смысле термин «мистический» подходит к вере в силы, влияния, действия, неприметные, неощутимые для чувств, но тем не менее реальные» [9, с. 133]. И если подобное восприятие существующей реальности было свойственно первобытным сообществам повсеместно, а не локально, это свидетельствует об определенном этапе развития познавательных способностей Homo Sapiens как следствии системных процессов.

Учитывая вышесказанное, мы полагаем, что все-таки нельзя утверждать, что первые представления людей имеют религиозное происхождение, поскольку собственно религия формировалась и развивалась на более позднем этапе развития человеческого сообщества и является продуктом уже коллективных представлений, оформленных мифами и ритуалами, причем миф объясняет начала и сущности, а ритуал воспроизводит отношения связи. Они могут выступать последовательно или параллельно, и миф вовсе не обязательно предшествует ритуалу. Э. Дюркгейм отмечает, что коллективные представления – это «продукт огромной кооперации, развивавшейся не только в пространстве, но и во времени; чтобы их создать, бесчисленное множество разнообразных умов соединяли, смешивали, комбинировали свои идеи и чувства; длинные ряды поколений аккумулировали в них свои знания и опыт» [7, с. 193]. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о прарелигиозном происхождении первобытных представлений (по типу «пралогического мышления», как предлагает нам свое определение Л. Леви-Брюль), отличая верования, еще не упакованные в религиозную форму, довольно текучие и аморфные, зависимые от изменчивой реальности, от институционально признанных и зафиксированных в форме определенной религиозной доктрины.

Судя по артефактам (типы художественных произведений, признаки культа), эти представления появляются еще в досапиент-

ном – неандертальском – обществе как способ символизации действительности. В свою очередь, символизация является средством познавательной деятельности, поскольку именно в символах возможно отражение действительности в абстрактном виде. Поэтому можно рассматривать так называемое первобытное (архаическое) искусство и первые элементы культа как предпосылку познавательной деятельности, которая является основой для деятельности производственной. Способность к представлениям в абстрактной форме наиболее важных категорий действительности для существа, добывающего средства к жизни производственной деятельностью – вопрос конкурентоспособности с другими аналогичными обществами и выживания.

Р. Белла придавал большое значение религиозным символам, указывая на их способность «формировать значение и чувство на относительно высоком уровне обобщения, выходящего за пределы конкретных контекстов опыта, и придает им такое могущество в человеческой жизни, как личной, так и общественной» [2, с. 115-117]. Тем не менее, появившись, как способ символизации, религиозное сознание в дальнейшем институционализируется и получает уже новые (новые – всегда только дополнительные, включая и старые) функции. Значение функции *символизации* трудно переоценить (и со временем оно только возрастает), поскольку она является основной когнитивной деятельности, в процессе которой формируется *гносеологическая* – собственно познавательная – функция.

Этические нормы – экстраполяция связей и зависимостей на социальные отношения. Опять же, не дискутируя о том, что первично, мы воспользуемся предложенным Э. Дюркгеймом разделением религиозных явлений на две основные категории: верования и обряды, где к первым он относит состояния сознания, а ко вторым – определенные способы действия и утверждает, что «нравственное правило предписывает нам, точно так же, как и обряд, некие способы действия, но обращенные к объектам иного рода» [7, с.216]. Мы же добавим, что в основе нравственных правил также лежат наполненные мистическим содержанием представления

о связях и зависимостях между действиями членов социума и их результатами, причем регулирование этих действий и приводит к достижению желаемого результата. В малых локальных коллективах регулирование достигается ситуативно, но по мере укрупнения сообществ и усложнения системы общественных связей формируется *нормативная* функция, где нормой уже являются представления об абстрактном, формальном (закрепленном в той или иной форме) стандарте.

Небезынтересным представляется заявление А. Назаретяна о том, что своего рода зачатки того, что ныне мы полагаем как нравственно-этическую сторону религии, появились еще у ранних гоминидов как «первые искусственные (надынстинктивные) механизмы торможения внутривидовой агрессии, адекватные искусственным орудиям убийства» [12, с. 136]. Таким механизмом стала некрофобия – патологическая боязнь покойников, которым приписывалась способность к произвольным действиям. Невротический страх посмертной мести не только ограничил убийства внутри стада, но также стимулировал биологически нехарактерную заботу об искалеченных и нежизнеспособных сородичах и ритуальное обращение с мертвым телом (первым археологическим свидетельством этого служит вероятное связывание конечностей покойника синантропами). «Судя по всему, – полагает А. Назаретян, – он стал исходной клеточкой, из которой впоследствии развилось все богатство духовной культуры человечества...» И если он объясняет данный феномен как механизм торможения внутривидовой агрессии гоминидов, то мы определим формирование нормативной функции как необходимость самосохранения рода в процессе дальнейшего развития человеческих обществ.

Эта функция самосохранения рода не утрачивается при дальнейшем развитии морально-этических норм, чем и объясняются зачастую противоположные нормы религиозных предписаний по отношению к «своим» и «чужим». Все зависит от того, где проходит демаркационная линия в сознании по границе «свой-чужой». Мировые религии в своем богословском аспекте преодолевают эту

границу (например, евангельская заповедь «Любите врагов ваших», или коранический аят «Держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями!» [8, 3:103]), но общественное сознание с его утилитарным подходом, зависимым от таких сфер жизни социума, как политика, экономика, семья и т.д., часто архаизирует религиозные представления о морали до уровня родоплеменных отношений.

И здесь, на наш взгляд, весьма существенным представляется замечание Л. Леви-Брюля о том, что даже первичные восприятия объектов (перцепции) первобытными людьми состоят из «ядра, окруженного более или менее толстым слоем представлений социального происхождения», однако это «сложное представление является еще недифференцированным» [9, с. 134]. Другими словами, представления социального происхождения, т.е. наблюдаемые и осмысляемые связи, отношения и зависимости социальной жизни, все же первичны по отношению к представлениям о сущности объекта, так как для выживаемости группы были важнее межсубъектные связи, нежели понимание сущности подлежащего объекта.

Выше уже подчеркивалось, что при исследовании функций религии мы исходим из двойственности когнитивного и нормативного аспектов. Эта позиция поможет нам произвести определенную дифференциацию функций по группам – *когнитивные* и *регулятивные*, которые являются друг для друга комплементарными, т.е. взаимодополняющими, но не соподчиненными.

Мы включаем в группу первых – *когнитивных* – функции символизации и гносеологическую, и отметим, что они напрямую связаны с формированием мировоззрения. Однако этот процесс невозможен без соответствующего целеполагания, и направление познания (на природу, на самопознание или познание Абсолюта, Универсума) этим целеполаганием определяется. Целеполагание и смыслополагание обусловлено ценностностью фактов действительности для общности, что определяет развитие познания и обуславливает также направление познавательной деятельности, вы-

ходящей за пределы чувственного опыта, за пределы человеческой жизни, и даже обретающей трансцендентальную устремленность. Таким образом, сопряженной с этими функциями оказывается *аксиологическая* функция, которая, в конечном счете, определяет вектор социальной эволюции (природоцентричные, антропоцентричные, космоцентричные и т.д. социумы) и принадлежит к группе *регулятивных* (от лат. *regulo* – направляю).

Безусловно, осуществление и развитие этих функций невозможно без коммуникации, необходимой для обмена информацией, опытом, взаимодействия членов социума. Тем не менее, собственно религия не имеет коммуникативной функции, которая принадлежит культуре, являющейся для религии метасистемой, и религия лишь использует созданные культурой средства коммуникации, как материальные, так и идеальные (речь, символы, знаки и т.д.), демонстрируя межсистемную сопряженность.

Необходимо отметить *консолидирующе-демаркационную* функцию религии, которая приобретает свою значимость в социуме, когда усложняется его структура. Религия, прежде всего, в традиционных обществах посредством культа конституирует общество как целое, поддерживает традиции, верования, ценности, а также объясняет место и значение данной группы среди других. Однако если следовать логике ученых, связывающих данную функцию религии с вероисповеданием, т.е. оформившейся доктриной, и считающих, что она «выполняется в тех пределах, в которых признается более или менее единое, общее вероисповедание» [14, с. 301], эта функция возникает уже в процессе формирования доктрины, т.е. тогда, когда религия институционализируется и вероисповедание начинает приобретать идеологическую окраску и значимость. Это уже довольно поздний этап, и тогда в рамках институционализованных религиозных систем эта функция сопрягается с легитимирующей. *Демаркационная* составляющая этой функции очерчивает границы религиозных групп, в особенности при нарастании диссипационных процессов в обществе – процессов рассеяния и размывания ценностей и норм, достигая в этих условиях своей крайней формы – фундаментализма.

Что касается *легитимирующей* функции, то она также возникает в процессе оформления социальных институтов и не теряет своей религиозной окраски по отношению к любому из них. Л. Васильев видит религиозную окраску этой функции в наличии высшего требования – максимы (лат. *maxima* – высший принцип), в соответствии с которым дается оценка определенных явлений и формируется определенное отношение к ним [5, с. 16]. Мы же считаем, что этот религиозный аспект присущ легитимации в силу ее связанности с социальными явлениями (власть, авторитет, доверие, личная преданность), которые в своих коренных значениях лежат в области религиозных понятий, связаны с религиозным сознанием и религиозными отношениями, что доказывает в своем классическом исследовании Э. Бенвенист [3]. Также на непреходящую связанность и зависимость легитимации от отношений к высшей реальности указывает Т. Парсонс [13], с его точки зрения способ легитимации коренится в религиозных ориентациях и всегда, в некотором смысле, носит религиозный характер. Поэтому религия может легитимировать формы социальности, формы деятельности, формы познания, формы брака и т.д., пронизывая практически все сферы общественной жизни. На позднем этапе развития общества часть функций легитимации переходит к праву, однако в гораздо более узкой сфере – социально-политической. Обратим внимание на сакрализацию (например, сакрализацию культурного ядра, норм и ценностей, различных социальных институтов общества и т.д.) как на инструмент легитимации, не выделяя его в отдельную функцию.

Таким образом, согласно предложенной концепции функции религии можно разделить на две комплементарные группы – когнитивную и регулятивную. В первую будут входить гносеологическая и функция символизации, во вторую – аксиологическая, нормативная, консолидирующе-демаркационная и легитимирующая. Мы определяем эти функции как базовые, из которых в дальнейшем выделяются имплицитно содержащиеся в них мировоззренческая, компенсаторная, мотивационная и т.п.

Принципиальным в данной интерпретации возникновения и развития функций религии является то, что религия представляет собой системную целостность, в то же время являясь подсистемой в рамках культуры, дифференцируясь и усложняясь по мере развития человеческого сообщества и усложнения задач, решаемых культурной системой. Поэтому правы все исследователи, несмотря на то, что предлагают разные списки функций религии, поскольку все эти функции осуществляются реально и по мере дальнейшего развития общества могут, к уже существующим, дополняться новыми.

Список литературы

1. Багдасарьян Н.Г. Культурология: учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 410 с.
2. Белла Р. Религия как символическая модель, формирующая человеческий опыт // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М.: Наука, 1994. 775 с.
3. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.
5. Васильев Л.С. История религий Востока. Учебное пособие для ВУЗов. М.: КДУ, 2019. 432 с.
6. Гараджа В.И. Функции религии // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. 1256 с.
7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Том 2. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
8. Коран. Пер. И. Крачковского. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. 544 с.
9. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2020. 430 с.
10. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.

11. Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследований культуры. Том 1: Интерпретации культуры. СПб: «Университетская книга», 1997. 728 с.
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование). 2-е изд. М.: Мир, 2004. 367 с.
13. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. <http://socioline.ru/node/735>
14. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 371 с.

References

1. Bagdasaryan N.G. *Kul'turologiya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Culturology: textbook and workshop for academic baccalaureate]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019, 410 p.
2. Bella R. *Religiya i obshchestvo. Khrestomatiya po sotsiologii religii* [Religion and Society. Reader on the sociology of religion]. М.: Nauka, 1994, 775 p.
3. Benveniste E. *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms]. М.: Progress-Univers, 1995, 456 p.
4. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments].
5. Vasiliev L.S. *Istoriya religiy Vostoka. Uchebnoe posobie dlya VUZov* [History of the Religions of the East. Textbook for high schools]. М.: KDU, 2019, 432 p.
6. Garadzha V.I. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Studies. Encyclopedic Dictionary]. М.: Academic project, 2006, 1256 p.
7. Durkheim E. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. Tom 2* [Mysticism. Religion. The science. Classics of world religious studies. Anthology. Volume 2]. М.: Kanon+, 1998, 432 p.
8. *Koran* [Koran]. Rostov-on-Don: "Phoenix", 1998, 544 p.
9. Levy-Bruhl L. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. М.: Academic project, 2020, 430 p.

10. Levi-Strauss K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. M.: TERRA - Book Club; Republic, 1999, 392 p.
11. Malinovsky B. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1: Interpretatsii kul'tury* [Anthology of cultural studies. Volume 1: Interpretations of Culture]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997, 728 p.
12. Nazaretyan A.P. *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universal'noy istorii. (Sinergetika – psikhologiya – prognozirovanie)* [Civilizational Crises in the Context of Universal History (Synergetics - psychology - forecasting)]. M.: Mir, 2004, 367 p.
13. Parsons T. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. M., 1996. <http://socioline.ru/node/735>
14. Yablokov I.N. *Religiovedenie: uchebnyk dlya vuzov* [Religious studies: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019, 371 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Ольга Борисовна, кандидат филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин им. В.У.Агеевца
Национальный государственный университет физической культуры, спорта здоровья им. П.Ф. Лесгафта
ул. Декабристов, 35, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербург,
190121, Российская Федерация
obr1409@yahoo.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga B. Rybakova, PhD, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V.U. Ageyevets
National State University of Physical Culture, Health Sports named after P.F. Lesgaft
35, Dekabristov Str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation
obr1409@yahoo.com

Поступила 02.10.2021

После рецензирования 22.10.2021

Принята 14.11.2021

Received 02.10.2021

Revised 22.10.2021

Accepted 14.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-196-213

УДК 291

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СТАТЬЯХ «ЕЖЕГОДНИКА МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА АКАДЕМИИ НАУК СССР»

Пызигов Д.Д.

Актуальность темы данной историографической статьи связана с тем, что за последние 20 лет в России и за рубежом усилился интерес к изучению гуманитарной науки в СССР в целом, и к советской науке о религии в частности, но отдельные темы остаются вне поля зрения исследователей. Ввиду недостаточного количества историографических работ, посвященных истории отечественного религиоведения (в т.ч. истории изучения православия), данный обзор претендует на вклад в (ре)конструирование истории развития религиоведческого дискурса в России. Выдвигается тезис о том, что несмотря на общую политизированность, далеко не все работы советского периода по истории православия были продуктом прямой пропаганды и проходили под знаменем «воинствующего безбожия», как, к сожалению, часто принято считать. В качестве примера научного подхода к объекту исследования рассматриваются статьи по истории православия в «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР».

Цель исследования – определить основные темы и направления исследований по истории православия в статьях периодического издания послевоенных лет Ленинграда – «Ежегодника Музея истории религии и атеизма». Будучи частью исследовательского потенциала петербургской школы религиоведения, «Ежегодник» освещал актуальные темы по истории религии в статьях классиков отечественного религиоведения.

Применяются методы аналитического изучения источников, сравнительно-исторического и социокультурного анализа, интеллектуальной истории и историографического описания.

В результате делается вывод, что в зависимости от объекта исследования, статьи можно разбить на тематические группы, а сам «Ежегодник» являлся примером творческо-научной работы Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР.

Ключевые слова: Государственный музей истории религии; история православия; история науки; атеизм; религиозная политика СССР

THE HISTORY OF ORTHODOXY IN THE ARTICLES OF THE «YEARBOOK» OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF RELIGION AND ATHEISM OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

Pyzikov D.D.

Nowadays the theme of the scientist's place in the situation of ideological restrictions and censorship is still relevant. So, from this point of view, it is very important to speak about humanities in the USSR and separate propaganda and scientific research. Despite the politicization of the discourse, not all religious studies of the Soviet period were the product of agitation and propaganda of atheism. Materials on the history of Orthodoxy in the «Yearbook» of the Museum of the History of Religion and Atheism are considered as an example of a scientific approach.

The aim of this research is to determine the main topics and directions of research on the history of Orthodoxy in articles of periodical «Yearbook» of the Museum of the History of Religion and Atheism. Being an important part of the scientific potential of the St. Petersburg school of religious studies, the «Yearbook» covered topical issues on the history of religion in articles by the classics of Russian religious studies.

*The author uses the **method** of analytical study of sources and the method of comparative historical analysis to study the problem.*

*As a **result**, we can conclude that, 1) depending on the object of research, the articles can be divided into thematic groups, 2) and the «Yearbook» itself was the personification of the creative and scientific*

work of the Museum of the History of Religion and Atheism of the USSR Academy of Sciences.

This suggests that we can look at Soviet religious studies through the wall of propaganda and discover science itself.

Keywords: *State Museum of the History of Religion; history of Orthodoxy; history of science; atheism; religious policy of the USSR*

Введение

Цель исследования. Определить основные темы и направления исследований по истории православия в статьях значимого периодического издания послевоенных лет Ленинграда – «Ежегодника Музея истории религии и атеизма АН СССР».

Актуальность темы исследования обусловлена очередным витком интереса к дискуссии об истории советской гуманитаристики, в т.ч. религиоведения. Этот интерес выражается как актуальными монографическими исследованиями отечественных [33] и зарубежных авторов [36, 38], так и рядом статей последнего десятилетия, которые посвящены, например, сопоставлению советского и российского религиоведения [3], «урокам» советской историографии [14], бытованию Библии в СССР [26], советским исследованиям народной религиозности [27], полемике вокруг этоса истории науки [32], отдельным исследователям и научным институциям [35] и др.

Репрезентация истории православия на страницах «Ежегодника» еще не была объектом отдельного исследования (как, в принципе, и сам «Ежегодник» не рассматривался как пример советской научной периодики). Среди историографических работ, в которых упоминается журнал, в первую очередь необходимо указать статьи М.М. Шахнович: один из первых обзоров в современной России научного наследия советского религиоведения [37], а также статью о роли Музея в истории отечественной науки о религии [31]. Особого внимания заслуживает работа М.М. Шахнович и Т.В. Чумаковой «Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961)» [34]. В книге, помимо описания всех аспектов и вех работы Музея, опубликованы архивные докумен-

ты, которые являются важным источником для описания истории в том числе и журнала.

Значимость «Ежегодника», по мнению автора, обуславливается двумя факторами. Во-первых, периодическое издание позиционировалось как научная площадка, а не инструмент государственной пропаганды атеизма, что логично следует из политики самого Музея как научного центра (об этом будет сказано подробнее ниже). Во-вторых, в «Ежегоднике» публиковались как и молодые исследователи, например, А.Х. Горфункель, Л.И. Емелях и др., так и заслуженные авторы, например, Н.А. Казакова, С.И. Ковалев, М.И. Шахнович и др.¹

Таким образом, объективный анализ статей из научных периодических изданий советского времени позволит увидеть читателю творческое наследие отечественной науки.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, обрисовать общий социально-политический контекст эпохи, когда публиковались статьи; во-вторых, составить тематические блоки, что позволит комплексно рассматривать проблемы, которые интересовали и казались актуальными для советских религиоведов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования ее выводов и материалов при дальнейших научных исследованиях по проблемам истории отечественного религиоведения, историографии атеизма и истории церковно-государственных отношений в России.

Материалы и методы

В статье применяются следующие методы исследования: интеллектуальной истории, аналитического изучения источников, сравнительно-исторический и социокультурный анализ, историографическое описание. Для составления исторических комментариев и описания были применены системный подход, историко-хронологический и описательный подход.

---

¹ См. подробнее об авторах: Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/> (дата обращения: 23.09.2021)

Результаты

История отечественного религиоведения и, в особенности, история петербургской школы религиоведения неразрывным образом связана с деятельностью Музея истории религии в г. Ленинграде/ Санкт-Петербурге. Основанный в 1932 г. выдающимся этнографом и антропологом В.Г. Богоразом, несмотря на чрезвычайно сложное политически-идеологическое время сталинской «реакции», Музей позиционировался создателем, в первую очередь, как научно-исследовательское учреждение.

Послевоенная история Музея (до начала 1960-х гг.) связана с активной научной и творческой деятельностью сотрудников учреждения. Важный вклад в развитие музея внес В.Д. Бонч-Бруевич, который был его директором с 1946 по 1955 гг.: реставрационная деятельность внутри Казанского собора, где базировался музей; расширение библиотечных и экспозиционных фондов (в т.ч. за счет расформированного Центрального антирелигиозного музея в Москве); организация научных исследований и др.

Отражением плодотворной научно-исследовательской деятельности музея являются 7 томов «Ежегодника Музея истории религии и атеизма» (1957-1963). На момент своего возникновения – это одно из редких (наравне с «Вопросами истории религии и атеизма», главным редактором которых был В.Д. Бонч-Бруевич и которые выходили под эгидой Института истории АН СССР) специализированных религиоведческих изданий. На страницах «Ежегодника» значительное место занимают статьи, посвященные истории православия: история церкви и церковно-государственных отношений, православие и культура, церковь и наука, история феодализма и крестьянских восстаний, история российского антиклерикализма и атеизма и т.д.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменовался изменением политической ситуации внутри страны и усилением идеологической работы в поле религии. Предшествовало этому два постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и от 10 ноября

1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Начался новый этап научно-атеистической пропаганды, который до 1958 г., за счет оппозиции двух этих постановлений, носил противоречивый характер. Религия стала восприниматься больше идеологической и мировоззренческой проблемой, нежели политической. Как отмечает Виктория Смолкин, в период 1955–1958 гг. религиозный вопрос отошел на второй план, а советская политическая элита столкнулась с более неотложными проблемами: от утверждения курса десталинизации до борьбы внутри самой элиты [38, р. 70].

Однако сразу после краткосрочного периода «оттепели» началась известная хрущевская антирелигиозная кампания (1958–1964). Основным побудительным мотивом послужил возросший среди советских граждан интерес к православию, который выражался в прошениях и ходатайствах в органы власти об открытии церквей. В идеологическом плане для Н.С. Хрущева и его окружения (М.А. Суслова, П.Н. Поспелова, Е.А. Фурцевой и др.) «спокойные» в прошлом взаимоотношения церкви и государства являлись «сталинским наследием» и причиной религиозного возрождения, от которого следует избавляться. Толчком к началу антирелигиозной кампании весной 1958 г. послужило письмо корреспондента «Литературной газеты» В. Шаповниковой к М.А. Суслову, в котором она описывала свои впечатления о росте религиозности в стране, отмечая, что организации, ответственные за атеистическую работу (упоминался как раз Государственный музей истории религии и атеизма!), недостаточно активны. XXII съезд партии (1961) постановил исправить крупные недостатки в научно-атеистической пропаганде и усилить научно-атеистическое воспитание. Важное значение и акцент теперь приобрело понятие научно-атеистическое воспитание; так же характерно, что в общественно-политический дискурс вернулось словосочетание «атеистическая пропаганда», вместо «научного просвещения». Результатом съезда явилась Третья Программа КПСС, в которой отдельным пунктом постулировалось преодоление пережитков капитализма, буржуазной идеологии,

религиозных суеверий и предрассудков в рамках коммунистического воспитания масс («Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры»). Так, VI том «Ежегодника» (1962) начинается с директивной статьи «XXII съезд КПСС и задачи атеистического воспитания трудящихся» [4]. Одним из ее авторов указан новый директор музея Н.П. Красников. Сама статья написана по схеме похожих директивных и программных статей, например, в «Вопросах истории» или «Вопросах философии» последнего сталинского десятилетия. Усиление атеистической пропаганды и атеистическое воспитание масс планировалось осуществить, в том числе, и средствами культурно-просветительных учреждений. В результате изменений Музей был переведен из ведомства Академии наук в ведение Министерства культуры (1961), что облегчило контроль над ним со стороны Ленинградского обкома партии. В связи с передачей музея из АН СССР в Министерство культуры, изменилось отношение в Музее к научной работе, и новое руководство сделало акцент на пропаганде, в связи с чем научные проекты стали сворачиваться. Как пишут авторы единственного крупномасштабного исследования по истории Музея: «... пристальное внимание партийных органов к деятельности музея было связано с новым усилением идеологического диктата в вопросах религии. Музей стали обвинять в излишнем увлечении историей религии, в отсутствии борьбы за преодоление религиозных пережитков, требовали отражения в музее «текущего политического момента», разоблачений и резкой критики религии» [34, с. 87].

До вышеизложенных преобразований, особое место в работе Музея занимала научно-просветительская работа. Так, вводный отдел экспозиции на 1957 г. назывался «Естествознание и религия», наглядно демонстрировавший разницу между научно-материалистическими и религиозно-идеалистическими мировоззрениями [28, с. 415]. В статьях «Ежегодника» можно выделить особую группу работ, которые освещают эту тему: «Вопросы атеизма в труде Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» [22], «Критика Н.А. Добролюбовым православия» [1], «Из истории

борьбы дарвинизма с религией в России» [23], «Русское православие против науки в прошлом и настоящем» [25], «Преследование царской цензурой книги И.И. Мечникова «Этюды о природе человека»» [19], «Об отношении современного православия к науке» [24]. В советской философской науке имена и труды революционных демократов Герцена, Белинского, Писарева, Чернышевского, Добролюбова были олицетворением того, что в России есть материалистическая традиция, тесным образом связанная с развитием естествознания. Традиция эта является базисом русской (советской) философии и противопоставляется немецкому идеализму. Таким образом, по мнению ученых, теория эволюции имела благодатную почву для быстрого распространения в России: «Быстрое распространение идей дарвинизма в России было подготовлено предшествующим развитием отечественной науки и прочными материалистическими традициями, сложившимися в русской философии... Особенно заметную роль в становлении эволюционных воззрений на природу сыграли А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский» [23, с. 223].

Главным философским и научным классиком для советских исследователей был В.И. Ленин. В «Ежегоднике» имеется три статьи об отношении Ленина к религии, церкви и атеизму за авторством М.И. Шахновича: «В.И. Ленин об истории атеизма», «В.И. Ленин о православной церкви», «В.И. Ленин о преодолении религии». Примечательно, что эти статьи являются последовательными главами (№ 3, 4 и 9) монографии «Ленин и проблемы атеизма» [30] и докторской диссертации, которую М.И. Шахнович защитил в 1963 г.

Схожим образом построена серия статей Л.И. Емелья об антиклерикализме крестьян во время Первой русской революции: «Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905–1907 гг.» [7], «Секретные донесения епископов православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции» [9] и «Крестьяне и церковь в первой русской революции» [8]. «Секретные донесения» епископов в Синод были впервые опубликованы исследователем. Все три статьи логично рассматривать как единое повествование, которое рисует картину индифферентизма и

массового упадка религиозности среди крестьян в 1905–1907 гг. Называются такие причины, как возросшие поборы за исполнение треб, сословная привилегированность духовенства, пережитки крепостной системы в церковно-монастырских землевладениях. Антиклерикальное движение крестьян характеризуется стремлением к конфискации церковных и монастырских земель и отказу финансово содержать духовенство. В 1962 г. Л.И. Емелях защитила кандидатскую диссертацию по теме «Антиклерикальные движения крестьян в революции 1905–1907 гг.». В 1965 г. была опубликована монография «Антиклерикальные движения крестьян в первой русской революции» [6], в состав которой вошли вышеназванные статьи.

В продолжение темы, которую можно озаглавить «православная церковь и вопросы феодализма», стоит упомянуть следующие работы: «Отражение социальных противоречий в памятнике церковной идеологии начала XIII в.» [21], «Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV – начале XVI в.» [12], «Из истории раскола на севере России (Самосожжения в Палеострове)» [16], «Антицерковная борьба крестьян в XVII в. (по материалам вотчины Кирилло-Белозерского монастыря)» [5]; важное место в советской историографии занимает тема крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева: «Восстание Пугачева и раскол» [10] и «Церковь – активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева» [11]. Церковь рассматривалась как один из главных феодалов в истории России. А для крестьян кабала на монастырских землях оценивалась тяжелее, чем на государственных. Крестьянские восстания и антиклерикализм были реакцией на подавленное социальное состояние и экономическое угнетение. Случаи отхода от официальной церкви и впадение в ересь (псковско-новгородская и московско-новгородская ереси) или раскол, рассматривались и объяснялись по «формуле Ленина-Бонч-Бруевича»: под внешней религиозной оболочкой скрывались социально-экономические требования.

Смежной с тематикой феодализма выступает статья М.И. Шахновича, которая по большей своей части посвящена фольклору:

«Критика легенды о русском народе-богоносце» [29], где на большом этнографическом и историографическом материале автор исследует народную поэзию как пример народного свободомыслия. А легенда, в свою очередь, была искусственно создана «церковниками» для терапии крестьянского возмущения из-за жалкого социального и экономического положения.

Несколько работ в «Ежегоднике» нацелены на освещение истории православной церкви в разных аспектах и в широком диапазоне: от истории церковно-государственных отношений до модернизации богословия: «Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.)» [18], «Православная церковь в 1917–1935 гг.» [17], «Православное богословие и открытия в районе Мертвого моря (О модернизации православной церкви)» [13], «Культь реакционера митрополита Филарета в современном православии» [15].

В последнем большом тематическом разделе можно объединить статьи «Ежегодника» про православие, а точнее – антиклерикализм, в русской культуре – у отечественных писателей и художников. Среди первых отдельных статей заслужили: А. М. Горький, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.В. Маяковский, М.А. Шолохов, Н.С. Лесков; у вторых: А.А. Иванов, В.Г. Перов, И.Е. Репин, Л.И. Соломаткин. Все статьи объединяет тезис об антиклерикализме, критике духовенства и атеистических мотивах в творчестве знаменитых писателей и художников. Необходимо отметить факт, что в V (1961) томе, впервые за пять лет существования «Ежегодника», появляются статьи, посвященные советскому атеистическому плакату [2 и 20]. Представляется, что это не простое совпадение, а прямое следствие вышеозначенных изменений 1961 г. в Музее, когда идеологический вектор был повернут на прямую и массовую атеистическую пропаганду.

Заключение

Таким образом, можно сделать **вывод**, что история журнала непосредственным образом связана с историей самого Музея. Изменение вектора государственной политики в отношении религии в

период «оттепели» влияло на деятельность Музея (из научно-просветительского проекта уклон в сторону пропаганды). В свою очередь, изменения в Музее влекли за собой и изменения в журнале (например, появление статей про атеистический плакат). Тем самым, «Ежегодник» отражал актуальную научную или пропагандистскую деятельность Музея.

«Ежегодник» представлял собой периодическое издание, целью которого была публикация статей, в которых рассматривались различные аспекты истории религии и атеизма и методологические проблемы науки о религии. Значительное внимание в статьях уделено различным аспектам исследования православия, среди которых можно выделить темы (которые зачастую соотносились с отделами экспозиций), касающиеся истории церкви и церковно-государственных отношений, соотношения православия и отечественной культуры, взаимоотношений церкви и науки, истории феодализма и крестьянских восстаний, истории российского антиклерикализма и атеизма.

Список литературы

1. Андреев Г.Л. Критика Н.А. Добролюбовым православия // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 210-221.
2. Андрианова В.Л., Рутенбург С.Г. Антирелигиозный плакат первых лет советской власти // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 5. Л., 1961. С. 188-199.
3. Васильева О. Ю. Я против противопоставления советской и российской науки о религии... // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 294-301.
4. Воронцов В.Г., Красников Н.П. XXII съезд КПСС и задачи атеистического воспитания трудящихся // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 3-17.
5. Горфункель А.Х. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. (по материалам вотчины Кирилло-Белозерского монастыря) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 248-262.
6. Емелях Л.И. Антиклерикальные движения крестьян в первой русской революции. М.-Л., Наука, 1965. 201 с.

7. Емелях Л.И. Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 3. Л., 1959. С. 265-286.
8. Емелях Л.И. Крестьяне и церковь в первой русской революции // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 7. Л., 1963. С. 70–93.
9. Емелях Л.И. Секретные донесения епископов православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 320-338.
10. Кадсон И.З. Восстание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 222-238.
11. Кадсон И.З. Церковь – активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 291-304.
12. Казакова Н.А. Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV – начале XVI в. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 2. Л., 1958. С. 151-171.
13. Ковалев С.И. Православное богословие и открытия в районе Мертвого моря (О модернизации православной церкви) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 3-9.
14. Крих С.Б. Система советской историографии: основные акторы и силы влияния // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 162 – 167.
15. Лимантова Н.В. Культ реакционера митрополита Филарета в современном православии // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 90-101.
16. Мюллер Р.Б. Из истории раскола на севере России (Самосожжения в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 2. Л., 1958. С. 172-182.
17. Платонов Н.Ф. Православная церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 5. Л., 1961. С. 206-271.
18. Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900-1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 103-209.

19. Притыкин Я.М. Преследование царской цензурой книги И.И. Мечникова Этюды о природе человека // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 286-292.
20. Рутенбург С.Г. Д. Моор – художник-атеист // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 5. Л., 1961. С. 168-187.
21. Сердобольская Л.А. Отражение социальных противоречий в памятнике церковной идеологии начала XIII в. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 2. Л., 1958. С. 137-150.
22. Харахоркин Л.Р. Вопросы атеизма в труде Н.Г. Чернышевского Антропологический принцип в философии // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 2. Л., 1958. С. 198-209.
23. Харахоркин Л.Р. Из истории борьбы дарвинизма с религией в России // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 3. Л., 1959. С. 222-248.
24. Харахоркин Л.Р. Об отношении современного православия к науке // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 60-73.
25. Харахоркин Л.Р. Русское православие против науки в прошлом и настоящем // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. Л., 1960. С. 30-51.
26. Чумакова Т. В., Пызииков Д.Д. Библия в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 1 (87) [Электронный ресурс]. <https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/> (дата обращения: 23.09.2021).
27. Чумакова, Т. В. Исследователи народной религиозности: Я. Я. Ленсу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 4. С. 636-650.
28. Шахнович М.И. Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 5. М., 1958. С. 411-424.
29. Шахнович М.И. Критика легенды о русском народе-богоносце // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 6. Л., 1962. С. 257-290.
30. Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма: Критика религии в трудах В.И. Ленина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 670 с.

31. Шахнович М.М. Музей истории религии АН СССР и отечественное религиоведение // *Религиоведение*. 2008. №4. С. 150-158.
32. Шахнович М.М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. №1. С. 185-197.
33. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
34. Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. 457 с.
35. Шахнович, М. М. Е. Г. Кагаров и музей истории религии академии наук СССР // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2017. Т. 33. № 4. С. 571-581.
36. Luehrmann S. *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*. Oxford University Press, 2015. 241 p.
37. Shakhnovich, M. *The Study of Religion in the Soviet Union*. *Numen* 40. 1993. pp. 67 – 81.
38. Smolkin V. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton University Press, 2018. 360 p.

References

1. Andreev G.L. Kritika N.A. Dobrolyubovym pravoslavija [Dobrolyubov's criticism against Orthodoxy]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 210-221.
2. Andrianova V.L., Rutenburg S.G. Antireligioznyj plakat pervyh let sovetskoj vlasti [Antireligious poster of the first years of Soviet authority]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 5. L., 1961, pp. 188-199.
3. Vasil'eva O. Y. Ya protiv protivopostavleniya sovetskoj i rossijskoj nauki o religii... [I am against the opposition of the Soviet and Russian science of religion...]. *Gosudarstvo, religiya i cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 2014, no. 3, pp. 294-301.
4. Voroncov V.G., Krasnikov N.P. XXII s'ezd KPSS i zadachi ateisticheskogo vospitaniya trudjashhihsja [XXII Congress of the CPSU and the tasks of atheistic education of people]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 3-17.

5. Gorfunkel' A.H. Anticerkovnaja bor'ba krest'jan v XVII v. (po materiam votchiny Kirillo-Belozerskogo monastyrja) [Antichurch struggle of peasants in the 17th century]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 248-262.
6. Emeljah L.I. *Antiklerikal'nye dvizhenija krest'jan v pervoj russkoj revoljucii* [Anticlerical Peasant Movements in the First Russian Revolution]. M.-L., Nauka, 1965, 201 p.
7. Emeljah L.I. Iz istorii antiklerikalizma i ateizma russkij krest'jan v 1905-1907 gg. [From the history of anti-clericalism and atheism of Russian peasants in 1905-1907]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 3. L., 1959, pp. 265-286.
8. Emeljah L.I. Krest'jane i cerkov' v pervoj russkoj revoljucii [Peasants and the church in the first Russian revolution]. *Ezhegodnik muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 7. L., 1963, pp. 70–93.
9. Emeljah L.I. Sekretnye donesenija episkopov pravoslavnoj cerkvi ob antiklerikalizme i ateizme krest'jan v period pervoj russkoj revoljucii [Secret reports of the bishops of the Orthodox Church on anticlericalism and atheism of peasants during the first Russian revolution]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 320-338.
10. Kadson I.Z. Vosstanie Pugacheva i raskol [Pugachev's uprising and schism]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 222-238.
11. Kadson I.Z. Cerkov' – aktivnyj uchastnik podavlenija krest'janskogo vosstania pod rukovodstvom E. Pugacheva [Church as an active participant in the suppression of the Pugachev's peasant uprising]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 291-304.
12. Kazakova N.A. Bor'ba protiv monastyrskogo zemlevladienija na Rusi v konce XV – nachale XVI v. [The struggle against monastic land tenure in Russia at the end of the 15th and beginning of the 16th century]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 2. L., 1958, pp. 151-171.
13. Kovalev S.I. Pravoslavnoe bogoslovie i otkrytija v rajone Mertvogo morja (O modernizacii pravoslavnoj cerkvi) [Orthodox theology and discoveries in the Dead Sea area]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 3-9.

14. Krih S.B. Sistema sovetской istoriografii: osnovnye akty i sily vliyaniya [The system of the soviet historiography: main actors and powers of influence]. *Voprosy istorii*, 2016, no. 7, pp. 162-167.
15. Limantova N.V. Kul't reakcionera mitropolita Filareta v sovremennom pravoslavii [The cult of the reactionary Metropolitan Filaret in modern Orthodoxy]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 90-101.
16. Mjuller R.B. Iz istorii raskola na severe Rossii (Samosozhzheniya v Paleostrove) [From the history of the schism in the north of Russia]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 2. L., 1958, pp. 172-182.
17. Platonov N.F. Pravoslavnaja cerkov' v 1917-1935 gg. [Orthodox Church in 1917-1935]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 5. L., 1961, pp. 206-271.
18. Platonov N.F. Pravoslavnaja cerkov' v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v Rossii (1900-1917 gg.) [Orthodox Church in the struggle against the revolutionary movement in Russia (1900-1917)]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 103-209.
19. Pritykin Ja.M. Presledovanie carskoj cenzuroj knigi I.I. Mechnikova Jetjudy o prirode cheloveka [The persecution of the Mechnikov's book Sketches on human nature]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 286-292.
20. Rutenburg S.G. D. Moor – hudozhnik-ateist [Moore as an atheist artist]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 5. L., 1961, pp. 168-187.
21. Serdobol'skaja L.A. Otrazhenie social'nyh protivorechij v pamjatnike cerkovnoj ideologii nachala XIII v. [Reflection of social contradictions in the monument of church ideology of the early 13th century]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 2. L., 1958, pp. 137-150.
22. Harahorkin L.R. Voprosy ateizma v trude N.G. Chernyshevskogo Antropologicheskij princip v filosofii [Questions of atheism in the Chernyshevsky's work Anthropological principle in philosophy]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 2. L., 1958, pp. 198-209.
23. Harahorkin L.R. Iz istorii bor'by darvinizma s religiej v Rossii [From the history of struggle between Darwinism and religion in Russia]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 3. L., 1959, pp. 222-248.

24. Harahorkin L.R. Ob otnoshenii sovremennogo pravoslavija k nauke [About the attitude of modern Orthodoxy to science]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 60-73.
25. Harahorkin L.R. Russkoe pravoslavie protiv nauki v proshlom i nastojashhem [Russian Orthodoxy versus science in the past and present]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 4. L., 1960, pp. 30-51.
26. Chumakova T. V., Pyzikov D.D. Bibliya v SSSR [Bible in the USSR]. *Istoriya*, 2020, vol. 11, no. 1 (87). <https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/>
27. Chumakova, T. V. Issledovateli narodnoj religioznosti: Ya. Ya. Lensu [Researchers of popular religiosity: J. J. Lens]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2018, vol. 34, no. 4, pp. 636-650.
28. Shahnovich M.I. Dvadcatipjatiletie Muzeja istorii religii i ateizma Akademii nauk SSSR [25th Anniversary of the Museum of the History of Religion and Atheism of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii religii i ateizma*, vol. 5. M., 1958, pp. 411-424.
29. Shahnovich M.I. Kritika legendy o russkom narode-bogonosce [Criticism of the legend of the Russian God-bearing people]. *Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma*. Vol. 6. L., 1962, pp. 257-290.
30. Shahnovich M.I. *Lenin i problemy ateizma: Kritika religii v trudah V.I. Lenina* [Lenin and Problems of Atheism]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961, 670 p.
31. Shahnovich M.M. Muzej istorii religii AN SSSR i otechestvennoe religiovedenie [Museum of History of Religion (Academy of Sciences of USSR) in 1932-1961]. *Religiovedenie*, 2008, no. 4, pp. 150-158.
32. Shahnovich M.M. *Jetos istorii nauki: o rekonstrukcii rossijskogo religiovedenija sovetskogo perioda. Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [Ethos of the history of science: about the reconstruction of the Russian religion of the Soviet period. State, religion, church in Russia and abroad], 2015, no. 1, pp. 185-197.
33. Shahnovich M.M., Chumakova T.V. Ideologija i nauka: Izuchenie religii v jepohu kul'turnoj revoljucii v SSSR [Ideology and Science: The study of religion during the Cultural Revolution in USSR]. SPb.: Nauka, 2016, 367 p.

34. Shahnovich M.M., Chumakova T.V. Muzej istorii religii AN SSSR i rossijskoe religiovedenie (1932-1961) [The State Museum of the History of Religion of the Ac. of Sc. of the USSR and Russian Religious Studies (1932-1961)]. SPb.: Nauka, 2014, 457 p.
35. Shakhnovich M.M. E.G. Kagarov i muzej istorii religii Akademii nauk SSSR [E. G. Kagarov and the museum of the history of religion of the academy of science of USSR]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*, 2017, no. 4, pp. 571–581
36. Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford University Press, 2015, 241 p.
37. Shakhnovich, M. The Study of Religion in the Soviet Union. *Numen* 40. 1993, pp. 67-81.
38. Smolkin V. A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism. Princeton University Press, 2018, 360 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пызиков Денис Дмитриевич, магистр религиоведения, аспирант
Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация
ddpyzikov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Denis D. Pyzikov, Master in Religious Studies, PhD Student
Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Rus-
sian Federation
ddpyzikov@gmail.com
SPIN-code: 2355-4454
ORCID: 0000-0002-0667-8942

Поступила 28.09.2021

После рецензирования 05.10.2021

Принята 06.11.2021

Received 28.09.2021

Revised 05.10.2021

Accepted 06.11.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-214-224

УДК 330

СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН КОММЕРЦИИ ПОКОЛЕНИЯ Y В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Яньшина И.В.

В статье рассматриваются и анализируются особенности медиа потребления и экономической активности миллениалов в социальных сетях Facebook Inc, основные паттерны потребительских моделей и продаж через социальные сети.

Цель: провести анализ медиа и коммерческого потребления поколения Y в социальных сетях Facebook Inc за последнее десятилетие.

Методы исследования: использовались исторический, дидактический, диалектический методы исследования, а также методы сравнительного анализа и интервью. Объектом исследования является поколение Y или миллениалы. Предметом исследования служат потребительские паттерны рассматриваемой социальной группы. Задача исследования заключается в том, чтобы выявить способы взаимодействия миллениалов с онлайн-контентом, социальными медиа, а также понять способы, пути и факторы онлайн потребления поколения Y.

Результаты: выявлены основные потребительские паттерны миллениалов: этой социальной группе необходимо большее количество времени для взаимодействия между потребителем и продавцом, одновременное использование нескольких платформ, лучшее восприятие информации о продукте и бренде через маски и игровой формат.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования поколения миллениалов и теории поколений, а также в практических целях в области маркетинга и интернет-коммерции.

Ключевые слова: миллениалы; социальные сети; социальная коммерция; маркетинг; рынок; медиа; медиа потребление; бренд-маркетинг; медиа платформы; интернет-коммерция

SPECIFICS OF GENERATION Y E-COMMERCE IN SOCIAL NETWORKS

Yanshina I.V.

This article examines the main features of media consumption and economic activity of millennials in social networks Facebook Inc., the main patterns of consumer models and sales via social networks.

Purpose: *to analyze media and commercial consumption of Generation Y at Facebook Inc social networks over the past decade.*

Methods of research: *historical, didactic, dialectical research methods, as well as methods of comparative analysis and interviews were used. The object of the research is generation Y or millennials. The topic of the research is the consumer patterns of the considered social group. The objective of the research is to identify the ways how millennials interact with online content, social media as well as to understand the ways and factors of online generation Y consumption.*

Results: *the main consumer patterns of millennials were identified: more time is needed for interaction between the consumer and the seller, the simultaneous use of several platforms, a better perception of product and brand through mascots and a game format.*

Practical implications: *the results can be used for further research of the generation of millennials and the theory of generations as well as for practical purposes in the field of marketing and e-commerce.*

Keywords: *millennials; social networks; social commerce; marketing; marketplace; media; media consumption; brand marketing; media platforms; e-commerce*

Введение

Экспоненциальный рост медиа потребления и цифровых технологий за последние двадцать лет создал «дивный новый мир», который, безусловно, изменил нашу реальность. Речь идет не только об увеличении экранного времени, психологической и цифровой атомарности, бытовых и утилитарных вопросах. Цифровые носи-

тели, платформы и медиа ресурсы создают новую экономическую реальность, которая вовлекает почти 5 миллиардов пользователей сети интернет по всему миру [8, с.38]. Развитие онлайн торговли, продаж в социальных сетях, маркетплейс платформ и их подобий в социальных сетях влияют на потребительские модели, пути к покупкам CJM (Customer Journey Map), специфику спроса и предложения, а также общее формирование рынков [2,3,4, с. 172-194].

Данная статья основана на социологических, маркетинговых, культурологических исследованиях PwC, Deloitte, AC Nielsen. Среди наиболее релевантных авторов нас интересуют социологи и диагносты последних социальных реформ России – В. Радаев, Ю.А. Левада. Основной акцент сделан на разборе общих характеристик поведения миллениалов в социальных сетях, однако особое внимание мы все же уделим российскому контингенту. Для более полного обзора проведен анализ современных международных исследований миллениалов Дж. Филлипса, Дж. Мюррея, И. Ульца. Также не остались в стороне исследователи медиа и экономической мысли, философы Г. Зиммель, М. Маклюэн, К. Филлипс, Т. Шанин, М. Димок, С. Маккинзи и другие.

Также в общих чертах будет рассмотрена структура потребительских моделей коммуникации миллениалов в Facebook Inc., точнее в социальных сетях Facebook и Instagram.

Медиаплатформы

Современные социальные сети, которые в прошлом были студенческими сообществами для общения стали полноценными медиа платформами, Facebook и Instagram.

Платформы объединены не только экосистемой, но и общим рекламным кабинетом, что позволяет и автоматизировать перекрестную работу с контентом, и определить общий источник платного трафика с помощью официальной платформы для таргетинговой рекламы Facebook Ads Manager. Кроме того, данные платформы вводят на данный момент в России теги на товары, которые превращают социальные сети в полноценные маркетплейсы. Функция

еще не введена на территории России и стран СНГ, однако, с учетом удачных запусков в странах Европы и Америки, прогнозируется скорейшее появление «магазинного» функционала.

Основные преимущества рассматриваемых площадок: кросс-постинг контента, который упрощает коммуникацию и сокращает время на создание и распространение контента, общность рекламного кабинета и его настроек для атрибуции трафика, способы аналитики данных для выявления реакции на контент и рекламу.

Из ограничивающих факторов можно выделить недавнее обновление политики конфиденциальности данных Facebook Business Manager в отношении операционной системы IOS14 версии, то есть владельцев техники Apple. В обновлении пользователь может самостоятельно ограничивать сбор и хранение информации при использовании социальных сетей. Этот фактор ограничивает сбор, анализ статистики, а также релевантную выдачу рекламы и возможного интересующего контента [1].

Важно понять, как именно взаимодействовать с аудиторией, чтобы из потребителей контента сделать потребителей продукта или услуг, на площадках социальных медиа.

Почему миллениалы?

Среди основной аудитории рассматриваемых площадок можно выделить интересующую нас категорию – миллениалов или поколение Y. В российской литературе ее также называют «потерянным поколением» или «взрослыми детьми». Нас интересует эта референтная группа, так как она является одной из наиболее представленных на данных площадках, а также одной из самых платежеспособных [4, с. 14]. Безусловно, поколение бумеров или X также представляет большой коммерческий интерес. Однако в силу нецифрового взросления, нередкой ригидности к технологиям, каналы и формы взаимодействия с этой аудиторией несколько иные. Что же касается верхней границы, поколения Z или зуммеров, они уже родились в цифровом пространстве и впитали в себя блага медиа. Исследования для этой группы также должны быть отдельными.

Подобное типирование по временным отрезкам обусловлено опорой на статистические показатели [8, с. 38]. Российские миллениалы имеют больше исторические, нежели поведенческие границы, связанные с политическими реформами СССР и России. Pew Research Center представили общемировые временные границы поколений где миллениалы представляют промежуток 1981–1996 годов [2]. Однако в российском обществе по исследованиям В. Радаева, Ю.А. Левады нижний и верхний пороги озаменованы переломом экономических и политических реформ. Группа объединена совместно переживаемыми реформами 1982-1997 годов [6, с. 30,7]. Стоит также отметить, что возраст не единственный и достаточный критерий для определения поколения, стоит учитывать социальный, культурный контекст, так как он может наследоваться другими поколениями во временном разрезе [2, с. 14-16].

Безусловно, как и любая категория граждан, миллениалы не однородны в поведенческом и экономическом аспектах, но в данном дискурсе важен больше тот факт, что представители этой группы примерно в одно время столкнулись с цифровыми технологиями и фактически выросли вместе с ними [3]. Поэтому можно выделить общие потребительские паттерны для данной аудитории.

Способы коммуникации и продаж в социальных сетях с миллениалами

Социальные сети в коммерческом плане по своей сути – не новое явление. Природа обмена информацией лежит в основах экономического «общения» [4, с. 172-194]. Однако, сам характер явно изменился. Психология продаж без физического контакта подталкивает продавцов на поиск реперных точек с целевой аудиторией для удержания ее внимания, продаж и коммуникации во всех ее проявлениях [5].

Можно выделить основные способы и особенности потребления контента: миллениалы проводят 2,5 часа экранного времени в день в социальных сетях; их привлекает качественный контент, созданный под желаемый, чаще идеализируемый в обществе образ;

большой интерес поколение Y проявляет к инфографике и видео-контенту; сохраняется интерес к текстовым форматам рекламы и контента [7, с. 15-33, 4. с. 14]. Отдельное место в поведенческих особенностях занимают такие техники как: игровой контент, единение контекстной подачи бренда с пользователем, выход на прямую коммуникацию или создание персонифицированного контента, введение маскотов, формат «живого общения в моменте», что позволяет сделать функционал stories и reels [5]. Большинство этих техник также работают с представителями и других поколений [6, с. 30].

Важно разобрать и путь потребителя с момента информирования до момента покупки и возврата к бренду, который подкрепляется транслированием контента и рекламы, релевантного для каждого конкретного шага, прогрева к покупке. Путь к покупке поколения Y увеличивается. Даже ценовая конкуренция не убирает фактор «долгого прогрева». Им необходимо больше данных о бренде и товаре для «прогрева», выработки лояльности к бренду, продукту, каналу продаж, чем Z или A поколениям. Им необходим эффект узнаваемости, а моментальные покупки – явление редкое. Все это увеличивает время принятия решения, приводит к играм ценовой конкуренции и погоней за вниманием, однако потом конвертируется во взаимно желанные долгосрочные экономические отношения как с брендом, так и с каналом продаж.

В прохождении этого пути помогает контентная стратегия, которая безусловно должна совпадать с маркетинговыми целями бренда и компании [3]. Рассматриваемая категория потребителей оценивает комплексный подход бренда к продажам и позиционированию. В коммуникационной стратегии продаж не стоит забывать про акцент на социальный капитал, лояльные, авторитетные для поколения Y медиа-фигуры, которые встраиваются в долгую воронку продаж с мягким прогревом через релевантный контент от бренда, так как миллениалам необходимо больше времени для восприятия и обработки контента, тем более для покупки [1].

Если выходить за пределы социальных сетей, но оставаясь в цифровой среде, взаимодействовать с миллениалами рекомендо-

вано через несколько каналов, несколько площадок коммуникации и постепенно увеличивать точки взаимодействия. Миллениалы не замыкаются только на одной сети, при том, что сами социальные сети способствуют тому, чтобы пользователи оставались в одной экосистеме. На потребительскую модель также влияет тенденция клипового мышления и рекламной слепоты. Растёт спрос на «мягкие продажи», а «нативный» контент уже становится навязчивым. Специалистам по продажам все сложнее задерживать внимание пользователей, «прогреть» для покупки. Поэтому за последние годы вливание средств в рекламу социальных медиа не перестают расти [4, с. 14]. Чувственное восприятие и эмоции выходят на первый план и уже на наших глазах эмоциональное потребление перерастает в полноценные коммерческие отношения [5].

Заключение

Переход рынка в онлайн, а точнее в социальные сети – актуальная и даже неизбежная реальность, которая касается в первую очередь самой широкой группы пользователей – миллениалов. Описанные в данной статье особенности медиа платформ, отличительные характеристики потребления медиа контента поколение Y и общие рекомендации по продажам онлайн в социальных сетях составляют неотъемлемую часть работы брендов с рассматриваемой аудиторией. Выделенные особенности аудитории, основанные на социологических, культурологических и антропологических исследованиях, помогут улучшить построение коммуникационной стратегии брендов, улучшить медиа присутствие, активировать онлайн каналы социальных медиа для сбыта товаров и услуг.

Аутентичные, ориентированные на потребителя, много платформенные, с динамикой увеличения точек взаимодействия и привлечением лояльных для аудитории лиц, «мягкие», с индивидуальным подходом – такими ключевыми словами можно описать взаимодействие с поколением Y.

Безусловно, общие рекомендации не отменяют важности исследования своей группы целевой аудитории, так как сами миллениалы

неоднородны по социально-демографическим факторам и критериям интересов. Специалистам по продажам необходимо проводить исследования, чтобы определить наиболее подходящий метод выстраивания диалога конкретно с их целевыми сегментами, куда также могут входить представители поколения Y.

В перспективе перехода многих рынков на устойчивое развитие, потребление миллениалов в России может корректироваться. Однако с учетом экономических и социальных изменений есть большая вероятность того, что потребительские паттерны рассматриваемой социальной группы сохранятся в ближайшие 10-15 лет. Это связано с тем, что миллениалы останутся активной частью рынка. Даже с учетом ограничений, связанных с распространением коронавируса, может измениться площадка потребления, переход в онлайн, но не способы и характер приобретения товаров и услуг.

Что касается дальнейшего развития темы, формально необходимо более глубоко изучить визуальные и текстовые особенности потребления контента миллениалами в контексте наилучших связей, приводящих к покупке, а также продолжить исследования в каждой отдельной нише в вопросе создания и транслирования актуальных для рассматриваемых потребителей смыслов и контекстов.

Список литературы

1. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Цифровизация бизнеса. Цифровая экономика. М.: НИУ ВШЭ, 2020. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/434007067.pdf> (дата обращения: 10.11.2021)
2. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М: Новое издательство, 2006. С. 14-16. https://www.hse.ru/data/307/183/1235/modernizacija_vishnevski.pdf (дата обращения: 15.11.2021)
3. Земскова Е.С. Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений // Вестник Евразийской науки. 2019. №5. <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (дата обращения: 15.11.2021)

4. Зиммель Г. Избранные работы. К.: Ника-Центр, 2006. С. 172-194. http://socioline.ru/files/5/80/zimmel_izbrannye_raboty.pdf (дата обращения: 16.11.2021)
5. Каримова А., Кокарев С. Поколение Y: типы миллениалов и их отношения с брендами в соцсетях. 2019. <https://vc.ru/flood/11173-y-millennials> (дата обращения: 16.11.2021)
6. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 30. https://id.hse.ru/data/2019/05/19/1507186516/миллениалы_сайт.pdf
7. Радаев В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15-33.
8. Шанин Т. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. История поколений и поколенческая история. М. Новое литературное обозрение, 2017. С. 38.

References

1. Abdrakhmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M. Tsifrovizatsiya biznesa. Tsifrovaya ekonomika [Business digitalization. Digital economy]. М.: HSE, 2020. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/434007067.pdf>
2. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] / ed. A.G. Vishnevsky. М: Novoe izdatel'stvo, 2006, pp. 14-16. https://www.hse.ru/data/307/183/1235/modernizaciya_vishnevski.pdf
3. Zemsikova E.S. Vestnik Evraziyskoy nauki, 2019, no. 5. <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf>
4. Zimmel' G. Izbrannye raboty [Selected works]. К.: Nika-Tsentr, 2006, pp. 172-194. http://socioline.ru/files/5/80/zimmel_izbrannye_raboty.pdf
5. Karimova A., Kokarev S. Pokolenie Y: tipy millennialov i ikh ot-nosheniya s brendami v sotssetyakh [Generation Y: types of millennials and their relationship with brands in social networks]. 2019. <https://vc.ru/flood/11173-y-millennials>

6. Radaev V. Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo [Millennials: How Russian society is changing]. M.: HSE, 2019, pp. 30. https://id.hse.ru/data/2019/05/19/1507186516/миллениалы_сайт.pdf
7. Radaev V. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2018, no. 3, pp. 15-33.
8. Shanin T. Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii. Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya [Fathers and children: generational analysis of modern Russia. History of generations and generational history]. M.: New Literary Review, 2017, p. 38.

Исследования, опросы, справочная информация

1. Как релиз iOS 14 может повлиять на вашу рекламу и работу с инструментами отчетности. <https://www.facebook.com/business/help/331612538028890?id=428636648170202> (дата обращения: 15.11.2021)
2. Медиапотребление в России. 2018. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/media-consumption-in-russia-2018-ru.pdf> (дата обращения: 16.11.2021)
3. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (дата обращения: 15.11.2021)
4. Рынок Интернет-торговли в РФ в 2019 г. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/373094071.pdf> (дата обращения: 16.11.2021)
5. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020. <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (дата обращения: 18.11.2021)

Research, surveys, reference information

1. How the release of iOS 14 may affect your advertising and reporting tools. <https://www.facebook.com/business/help/331612538028890?id=428636648170202>
2. Media consumption in Russia. 2018. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/media-consumption-in-russia-2018-ru.pdf>
3. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls

4. Russian e-commerce market in 2019 <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/373094071.pdf>
5. Cherny V. Social networks in Russia: numbers and trends, autumn 2020. <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яньшина Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка факультета «Мировая экономика»

Дипломатическая Академия МИД России

ул. Остоженка, 53/2, г. Москва, 119021, Российская Федерация
yanshina@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Yanshina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of English at the Department of World Economy

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
53/2, Ostozhenka Str., Moscow, 119021, Russian Federation
yanshina@bk.ru

Поступила 02.12.2021

После рецензирования 07.12.2021

Принята 13.12.2021

Received 02.12.2021

Revised 07.12.2021

Accepted 13.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-225-235

УДК 130.2

ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ДОСУГА И ДОСУГОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Мишина Т.В.

***Актуальность:** трансформации и интеграционные процессы, происходящие в современном мире, несомненно, нашли отражение в досуговых предпочтениях общества, в понимании самого досуга, в изменении социокультурной ситуации в сфере досуга. Досуг для молодежи выступает одной из первостепенных ценностей, дающее им возможность развития, реализации, удовлетворения тех или иных потребностей. Осмысление досуга, его роли в становлении личности и значимости в социуме является необходимым условием для понимания современной социокультурной ситуации.*

***Цель и методы исследования:** определить содержательные характеристики досуга и досуговые предпочтения молодежи в современном обществе. Для достижения поставленной цели нами был проведен теоретический анализ литературных источников, позволяющий определить досуг, как одну из ключевых ценностей человеческой жизнедеятельности, выявить его содержательные элементы. Эмпирический блок работы представлен социологическим исследованием, позволяющим определить понимание «досуга» и досуговые предпочтения современной молодежи.*

***Результаты.** Полученные в ходе проведенного исследования результаты дают нам возможность заключить, что в современном мире происходит переоценка значения досуга как философско-культурологической категории в жизни социума. Досуг меняет свои ориентиры, трансформируясь от отдыха к возможности самореализации и саморазвития своего творческого и интеллектуального потенциала.*

Область применения результатов. *Результаты, полученные в ходе исследования, можно применять в рамках воспитательной работы в образовательных учреждениях, а также в учреждениях культуры для организации актуальных мероприятий и праздничных программ.*

Ключевые слова: *досуг; молодежь; досуговые предпочтения; социум; личность*

REFLECTING THE ROLE OF LEISURE AND LEISURE PREFERENCES OF YOUTH IN MODERN SOCIETY

Mishina T.V.

Relevance: *the transformations and integration processes taking place in the modern world are undoubtedly reflected in the leisure preferences of society, in the understanding of leisure itself, in the change in the socio-cultural situation in the sphere of leisure. Leisure for young people is one of the primary values, which gives them the opportunity to develop, realize, satisfy certain needs. Understanding of leisure, its role in the formation of personality and significance in society is a prerequisite for understanding the modern sociocultural situation.*

Purpose and methods of research: *to determine the meaningful characteristics of leisure and leisure preferences of young people in modern society. To achieve this goal, we carried out a theoretical analysis of literary sources, which allows us to define leisure as one of the key values of human life, to identify its meaningful elements. The empirical block of work is presented by sociological research, which allows to determine the understanding of "leisure" and leisure preferences of modern youth.*

Results. *The results obtained in the course of the study give us the opportunity to conclude that in the modern world there is a certain reassessment of the value of leisure as a philosophical and cultural category in the life of society. Leisure is changing its orientations, transforming from relaxation to the possibility of self-realization and self-development of one's creative and intellectual potential.*

***Scope of the results.** The results obtained in the course of the research can be taken into account and applied within the framework of educational work in educational institutions, as well as in cultural institutions for organizing relevant events and festive programs.*

***Keywords:** leisure; youth; leisure preferences; society; personality*

Введение

Повсеместные трансформации и интеграционные процессы, происходящие в современном мире, несомненно, нашли отражение в досуговых предпочтениях общества, в понимании самого досуга, в изменении социокультурной ситуации в сфере досуга.

Социокультурное пространство современного общества представляет собой широкое поле возможностей саморазвития, межкультурных и межэтнических связей, взаимодействия в сферах искусства, образования, науки и т.д. Возможности доступа к интернет ресурсам дают возможность онлайн путешествий и виртуального общения, например, мы можем не выходя из дома посетить интересующую выставку произведений искусства, познакомиться с культурой любого этноса, отслеживать новые тренды сезона, получить дистанционно образование, повысить квалификацию, продвигать свои идеи и много другое.

Молодежь представляет собой определенную социальную группу, которая подвержена трансформационным изменениям, происходящим в мире. Данный период развития личности, можно охарактеризовать как период становления, взросления, самоопределения, формирования гражданской позиции, идеологических взглядов. Молодежь более всего подвержена идеологическому влиянию, принятию социокультурных инноваций, которые оказывают различное влияние на процесс становления личности. И от того как они воспринимают социокультурное пространство зависит наше будущее. По этой причине, очень важной задачей социума является воспитательный процесс подрастающего поколения, привитие с детства правильных установок, творческое, духовное развитие.

Досуг для молодежи выступает одной из первостепенных ценностей, дающей им возможность развития, реализации, удовлет-

ворения тех или иных потребностей. Исследователи Куликова А.Е. и Усанина Ю.С. в своей работе, посвященной структуре досуга молодежи, отмечали: «сфера досуга характеризуется свободой от профессиональных и семейно-бытовых обязанностей, кроме того, в ее рамках ослабляется институциональное давление на личность молодого человека» [5]. Исследование сферы досуга, его роли и значимости является необходимым условием для понимания современной социокультурной ситуации [3;4].

Материалы и методы

В работе для определения понятий и структурных содержательных сферы досуга был применен метод философского анализа литературных источников российских авторов из различных областей гуманитарного знания.

С целью выявления досуговых предпочтений современной молодежи было проведено социологическое исследование методом анонимного анкетирования, включающим пятнадцать вопросов открытого и закрытого типа. В ходе исследования было опрошено 500 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет, проживающих на территории Краснодарского края.

Результаты

В современной научной литературе термин «досуг» имеет ряд интерпретаций. Его определяют, как «свободное время», «безделье», «отдых», «рекреация», «время на хобби» и т.д. Так, еще великий философ античного периода Аристотель, в своих трудах, упоминая о досуге, противопоставлял его работе, он отмечал, что помимо необходимого и полезного, в жизни человека обязательно должно присутствовать прекрасное, которое позволяет наслаждаться миром [10]. Именно это прекрасное и есть досуг, это время когда человек мыслит, созерцает.

Российский исследователь XX в. Орлов Г.П. определял досуг как определённые занятия человека, которые он выполняет в свободное от работы время и направлены на удовлетворение физических, пси-

хологических и духовных потребностей, восстановления сил [6]. Соколова Э.С. в своих исследованиях отмечала, что досуг – это особое время, в которое человек сам выбирает, чем заниматься, главное, чтоб эти занятия способствовали физическому и умственному отдыху [8]. Исследователь Стрельцов Ю.А., определяя «досуг», делал акцент на временные рамки, то есть это время до и после работы [9].

Основными компонентами, входящими в содержание досуга, являются:

1. Рекреация – отдых, восстановление потраченных во время рабочего процесса сил, снятие психологического и физического напряжения.
2. Развлечение – определенный вид занятий с целью получения удовольствия, веселья, снятия напряжения, получить эмоциональную разгрузку.
3. Развитие – самосовершенствование личности в культурном, духовном и интеллектуальном отношении.

Основная классификация форм досуговой деятельности, выглядит следующим образом:

- по содержанию (творческая, активная, просветительская, воспитательная и др.)
- по виду (хобби, танцы, спорт, чтение, прогулки, посещение досуговых учреждений и т.д.)
- по частоте (ежедневные, раз в месяц, раз в квартал, периодически, регулярно, редко)
- по аудитории (самостоятельно, с группой, массово).

В рамках данного вопроса нами было проведено социологическое исследование методом опроса, с целью выявления понимания досуга и досуговых предпочтений молодых людей. Исследование проводилось методом выборочного анкетирования, то есть мы делали акцент на опрос молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет. Анкетирование анонимно, респондентов опрашивали на центральной улице города Краснодар. В опросном листе предлагалось ответить на 15 вопросов выбрав один из предложенных вариантов, либо предложить свой.

В ходе проведенного исследования нами опрошено 500 респондентов. 30% в возрасте от 14 до 18 лет, 43% – от 19 до 24, 27% – от 25 до 30 лет. С целью осмысления понятия «досуг» был поставлен соответствующий вопрос «Как вы понимаете досуг?». В результате, большинство респондентов 52% ответили «свободное время, которым ты сам можешь распоряжаться», 12 % выбрали ответ «отдых», 10% отметили, что это «время, когда ты не на работе/учебе». На вопрос «Сколько времени у вас есть в день для проведения досуга?» 63 % опрошенных в возрасте от 19 до 30 лет ответили от 2 до 4 часов, 28 % в возрасте от 14 до 24 лет указали 3 и более часа, 9% ответили не более часа. При этом, в процессе проведения опроса, большинство отмечало, что время на спортивные и иные секции, выполнение учебных заданий и занятие домашними делами они не считают досугом.

Отвечая на вопросы блока связанные с досуговыми предпочтениями, обобщенно отметим, что 30% респондентов предпочитают данное время проводить дома за занятием любимым делом, выбирая при этом игры на компьютере, просмотр фильмов и телепередач, занятие хобби, чтение книг, 29 % респондентов указали на активные формы проведения досуга, отметив прогулки на свежем воздухе, активные игры с друзьями, посещение различных клубов, лишь 6% опрошенных, указали посещение музеев, театров, 24 % респондентов, в возрасте от 18 до 30 лет указали на возможность саморазвития (прохождение курсов повышения квалификации, различных тренингов, вебинаров, курсов саморазвития и самопознания и т.д.).

Так же в рамках проводимого исследования, мы задавали вопрос респондентам «Сколько времени вы тратите на интернет?». Ответы соответствовали нашим ожиданиям, так как сейчас век информационных технологий и интернет нужен не только как средство связи, но и как информационный канал. 70% респондентов в возрасте от 25 до 30 лет ответили, более 5 часов в день, так как работают по средствам сети интернет и практически круглосуточно поддерживают контакты с родственниками и клиентами. 68 % респондентов

в возрасте от 14 до 24 лет отметили так же, что проводят в сети интернет более 5 часов, указав при этом, что они находят в интернет сети необходимую информацию для выполнения заданий и саморазвития, а также тратят более 5 часов на социальные сети, общение с друзьями, новые знакомства. На вопрос «Как вы предпочитаете общаться с друзьями очно или онлайн?» 75% опрошенных отметили что им проще общаться при помощи мессенджеров и социальных сетей. При этом респонденты в возрасте от 19 до 30 лет отметили, что это экономит их время, а личные встречи необходимы только по случаю какого-либо события. То есть по данным анализа, очевиден факт того, что виртуальное общение в современном мире предпочтительней и постепенно вытесняет реальное взаимодействие. Респонденты отмечают, что для реального общения достаточно близких родственников и друзей.

Особое внимание, стоит уделить ответам на открытый вопрос «Для чего вам свободное время?» более 25% ответили «для отдыха и накопления сил», 15% в возрасте от 14 до 24 лет указали на общение с друзьями, 26% 19-30 лет отметили возможность саморазвития, поиска дополнительных источников дохода, 37% опрошенных в возрасте от 19 до 30, указали на занятие спортом в свободное время для поддержание хорошей физической формы и снятие эмоционального напряжения. Таким образом, мы видим, что досуговые предпочтения молодёжи отражают реалии современного общества, с его темпом и технологическими возможностями.

Ученые современности, в частности Будкина Е.К., Будкин Ю.В. отмечают, что XXI в. можно охарактеризовать рядом негативных процессов, которые происходят в духовной жизни современной молодежи. К таким процессам можно отнести: «утрату духовно-нравственных ориентиров, отчуждение от классического искусства... существенное сокращение финансовой обеспеченности учреждений культуры, в том числе и современных культурно-досуговых центров» [2]. Говоря о духовно-нравственных ориентирах, мы рассматриваем вопросы гуманности, патриотизма, товарищества, уважения к чувствам и мнениям других людей, нравственных и духовных ценностях

молодежи. К сожалению, многие молодые люди перенимают западный стиль поведения, возводя в приоритет свои индивидуальные, часто материальные потребности. Чтение классической литературы, посещение музеев и театров в современном мире актуально лишь в рамках учебной и воспитательной работы образовательных учреждений, что мы и было подтверждено в ходе проведённого исследования (всего 6% опрошенных выбрали данную форму проведения досуга).

Активное развитие культуры настоящего времени дает возможность для формирования новых форм досуговой деятельности, основанных на использовании компьютерных технологий. Современный темп жизни, увеличение психологических и эмоциональных нагрузок, желание достигнуть поставленных целей и не «выпасть из потока» приводят к дефициту свободного времени.

Рассмотрение данной проблематики с философского ракурса дает возможность определить значимость трансформационных процессов, происходящих в культурной жизни. На первый план выходит определение целей и ориентиров, которые принимает индивид при выборе формы проведения досуга. Значимую роль при выборе досуга, современная молодежь отводит стереотипному потоку большинства. То есть, круг интересов любого человека сегодня можно проследить в социальных сетях просмотров его подписки, и те страницы которые чаще всего им просматриваются таким образом изучив его ближайший круг общения. Именно исходя из интересов и стереотипных представлений, которые поддерживает большая часть коллектива, с которым взаимодействует личность и будет определять его предпочтения [7].

Заключение

В современном мире происходит переоценка значения досуга как философско-культурологической категории. Трансформационные процессы в сфере досуговых предпочтений молодёжи обусловлены преобразованиями, происходящими в социокультурном пространстве современного общества, с технологическими и глобализационными изменениями. Как отмечает Батнасунов А.С.: «Основные виды досуга стали другими не столько по форме, сколько по содержанию (состав

читаемой литературы, теле- и кинопристрастия), что связано как с появлением новых информационных технологий, так и с изменением всей мотивационной сферы личности молодого человека» [1].

Теоретический анализ литературных источников и нами социологическое исследование позволили определить досуг, как некое пространственно-временное поле, позволяющее человеку раскрыть свой творческий потенциал, реализовать свои возможности, выявить интересы и понять самого себя. Досуг позволяет определить приемлемую для субъекта систему ценностных ориентаций, раскрыть физический, эстетический и духовно-нравственный потенциал, что несомненно способствует формированию его как личности. Досуговые предпочтения современной молодежи соответствуют реалиям социокультурной действительности.

Список литературы

1. Батнасунов А.С. Трансформация досуговых предпочтений современной молодежи // Совершенствование методов управления социально-экономическими процессами и их правовое регулирование. Сборник материалов IV региональной научно-практической конференции. Ставрополь: Изд-во Ставропольского института управления, 2004. С. 158-164.
2. Будкина Е.К., Будкин Ю.В. Культура досуга и проблемы социализации современной молодежи // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. №142. С. 139-143.
3. Гурьянова О.А. Роль семейного досуга в социализации ребенка // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 3. С. 109-112.
4. Котельникова Н.В. Досуг как фактор и сфера социализации молодежи. https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2032
5. Куликова А.Е., Усанина М.О., Чернышова Ю.С. Структура досуга молодежи города Томска (молодежь вузов и сузов) // Организация работы с молодежью. 2013. № 7. <http://ovv.esrae.ru/pdf/2013/7/994.pdf>
6. Орлов Г.П. Свободное время и личность. Свердловск, 1983. 176 с.

7. Панченко Ю.В. Интернет досуг как инновационная форма досуга подростков // Проблемы профилактики социально опасного поведения среди подростков и молодежи. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Ответственный редактор Т.Т. Щелина. 2019. С. 358-364.
8. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л. Лениздат, 1977. 207 с.
9. Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: учеб. пособие для студентов вузов культуры и искусств / М-во культуры Рос. Федерации, Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М. : МГУКИ, 2003 (Тип. Момент). 297 с.
10. Ярошенко Н.Н. Инвариантные формы досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3-1. С. 183-186.

References

1. Batnasunov A.S. *Sovershenstvovanie metodov upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi protsessami i ikh pravovoe regulirovanie. Sbornik materialov IV regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Improvement of methods of managing socio-economic processes and their legal regulation. Collection of materials of the IV regional scientific and practical conference]. Stavropol: Stavropol Institute of Management Publ., 2004, pp. 158-164.
2. Budkina E.K., Budkin Yu.V. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii* [Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation], 2009, no. 142, pp. 139-143.
3. Guryanova O.A. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts], 2005, no. 3, pp. 109-112.
4. Kotelnikova N.V. *Dosug kak faktor i sfera sotsializatsii molodezhi* [Leisure as a factor and sphere of youth socialization]. https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2032
5. Kulikova A.E., Usanina M.O., Chernyshova Yu.S. *Organizatsiya raboty s molodezh'yu* [Organization of work with youth], 2013, no. 7. <http://ovv.esrae.ru/pdf/2013/7/994.pdf>

6. Orlov G.P. *Svobodnoe vremya i lichnost'* [Free time and personality]. Sverdlovsk, 1983, 176 p.
7. Panchenko Yu.V. *Problemy profilaktiki sotsial'no opasnogo povedeniya sredi podrostkov i molodezhi. Sbornik statey uchastnikov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of prevention of socially dangerous behavior among adolescents and youth. Collection of articles of the participants of the All-Russian scientific-practical conference with international participation] / ed. T.T. Shchelina. 2019, pp. 358-364.
8. Sokolov E.V. *Svobodnoe vremya i kul'tura dosuga* [Leisure time and leisure culture]. L. Lenizdat, 1977, 207 p.
9. Streltsov Yu.A. *Kul'turologiya dosuga: ucheb. posobie dlya studen-tov vuzov kul'tury i iskusstv* [Culturology of leisure: textbook. allowance for students of universities of culture and arts]. M.: MGUKI, 2003, 297 p.
10. Yaroshenko N.N. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2006, no. 3-1, pp. 183-186.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мишина Татьяна Валерьевна, кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры спорта и туризма»
ул. Буденного, 161, г Краснодар, 350015, Российская Федерация
mishina84@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Mishina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism
161, Budyonny Str., Krasnodar, 350015, Russian Federation
mishina84@list.ru

Поступила 28.11.2021

После рецензирования 06.12.2021

Принята 10.12.2021

Received 28.11.2021

Revised 06.12.2021

Accepted 10.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-236-246

УДК 378

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СТРУКТУРАЛИЗМА И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Варыгина Л.Б.

В статье изложен краткий анализ идей мыслителей XX века М Фуко и Ж.Деррида в отношении идей структурализма и постструктурализма, их сходство, отличие и развитие дискурса структурализма как основного направления социально-философской мысли в Европе XX века. Исследователи выделяют несколько основных вех, в связи с развитием структуралистской мысли, а так же ключевых авторов данного направления мысли, исследуют понятие структуры и ее центра.

Цель: рассмотреть структурализм и постструктурализм с позиции развития социально-философского дискурса, а так же изменение понятия структуры, ее условия, возможности и роли субъекта и его места в понятии структуры различных мыслителей XX века.

Метод и методология проведения работы: использовались исторический, феноменологический и диалектический методы исследования, лингвистический анализ.

Результаты: структурализм провозглашает децентрализацию и деавтономизацию как структуры как таковой, так и субъектов, включенных в нее, отмечая что человек общества не являются собой структуру с неким центром, они являются структурами структур. В этом и проявляется основное отличие в определении смысла бытия самоподдерживающихся структур как в обществе, так и в самом человеке между структуралистским и постструктуралистским дискурсом.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы при изучении современных общественных и культурных процессов.

Ключевые слова: структурализм; постструктурализм; дискурс; структура; субъект; означающее; означаемое

DEVELOPMENT OF IDEAS OF STRUCTURALISM AND POSTSTRUCTURALISM IN SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY

Varygina L.B.

The article presents a brief analysis of the ideas of the 20th century thinkers M. Foucault and J. Derrida in relation to the ideas of structuralism and poststructuralism, their similarity, difference and development of the discourse of structuralism as the main direction of socio-philosophical thought in Europe of the 20th century. Researchers identify several major milestones in connection with the development of structuralist thought, as well as the key authors of this direction of thought.

Purpose: *to consider structuralism and poststructuralism from the standpoint of the development of socio-philosophical discourse, as well as changing the concept of structure and the role of the subject and his place in the concept of structure.*

Method and methodology of the work: *historical, phenomenological and dialectical research methods were used.*

Results: *structuralism proclaims decentralization and deautonomization of both the structure itself and the subjects included in it, noting that the person of society is not a structure with a certain center, they are structures of structures. This is the main difference in the definition of the meaning of being of self-sustaining structures both in society and in the person himself between structuralist and poststructuralist discourse.*

Field of application of the results: *the results obtained can be used in the study of modern social and cultural processes.*

Keywords: *structuralism; poststructuralism; discourse; structure; subject; signifier; signified*

Введение

Цель. Рассмотреть структурализм и постструктурализм с позиции развития социально-философского дискурса, а так же изменение понятия структуры и роли субъекта и его места в понятии структуры различных мыслителей XX века.

Актуальность. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения социальных структур и различных подходов к изучению и пониманию структур, их особенностей и их формирований. Исследование данного понятия может внести дополнительную ясность в представление об изменениях социального пространства и сравнительно исследовать основные направления структуралистских подходов к языку и обществу. Необходимость данного социально-философского исследования обусловлена его эффективностью в упрощении организации прикладной работы в социально-гуманитарных сферах и в дискурсе позволит повысить качество обучения будущих специалистов и будет способствовать формированию их коммуникативной компетентности.

Структурализм – крупное междисциплинарное философское течение в Западной Европе, расцвета достигает во Франции в 50-60 годы XX века, объединяя различные течения на основе изучения структур, использования лингвистических моделей для анализа общественных и культурных практик.

Изначально, структурализм являлся методом лингвистического анализа, основателем которого является Фердинанд де Соссюр, а наиболее яркими представителями направления: Николай Трубецкой, Роман Jakobson, Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида и др. Идеи Фердинанда де Соссюра, которого часто называют отцом лингвистики XX века, оказали существенное влияние на гуманитарную мысль XX века в целом, вдохновив рождение структурализма, в котором анализ лингвистических моделей выступает одним из основных методов анализа.

Результаты и обсуждение

В самом общем виде структурализм – это философский подход, который утверждает, что объекты изучения в социальных и гуманитарных науках имеют относительную, а не субстанциональную

природу (социальная реляционная онтология). Благодаря этому, социальный мир объясняется не в терминах индивидуального субстанционального действия, а через отношения и отношения между отношениями означаемого и означающего. В отдельных дисциплинах и в России, и за рубежом, вопрос структурализма обсуждается постоянно как вопрос связи людей и структур в рамках методологии редукционизма: макроредукционизма (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Леви-Строс, Р. Барт), микроредукционизма (М. Вебер, В. Дильтей, Г.-Г. Гадамер, А. Шюц, Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Гарфинкель, П. Бергер, Т. Лукман др.) и мезоредукционизма ((Дж. Александер, П.М. Блау, Р. Будон, П. Бурдьё, Р. Бхаскар, Э. Гидденс, Н. Луман, Дж. Ритцер, Ю. Хабермас). Проблема заключается в том, чтобы найти выходы за рамки этих методологических редукционизмов, для этого важно проследить философскую мысль в развитии подходов к структурализму и постструктурализму как к направлениям социально-философской мысли XX века.

Тезис Соссюра в процессе формирования структуралистской мысли звучал как «То, чем знак отличается от других, и есть все, что его составляет, поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен» [5, с.69].

В тот момент, когда лингвистика в лице Соссюра и его учеников вводит в дискурс понятия **означаемого и означающего**, она уводит акцент внимания с анализа лексических форм и приходит к анализу общих языковых структур, которые определяют орфографию или синтаксис языка, беря во внимание предельно общие структуры языка, определяющие горизонт нашего мира. Обозначение предельности, определяемое языком, объясняется тем, что любое исследование, будь то культурологическое, социологическое или философское, ведется только в пространстве языка как знаковой системы, а так же через него и продуцируется.

На структуралистский подход обращают внимание представители других дисциплин, в том числе этнограф и этнолог Клод

Леви-Стресс. Используя методы структурной лингвистики, Леви-Стресс продолжает структуралистский лингвистический подход в своей работе «Структурная антропология» [3]. В процессе изучения культурного и социального быта бразильских племен, Леви-Стресс акцентирует внимание не столько на сами предметы быта племен как результат их культурной деятельности, а на инвариативность их использования, а значит и на структуры, которые стоят за ними. По его мнению, именно вариативность функций предметов является наиболее ярким выражением разнообразия их культур. Посредством изучения этих инвариантов, Леви-Стресс приходит к тому, что назовет **элементарной структурой родства**. Он обращает внимание на то, что за всеми отдельными парами «означающее – означаемое» в той или иной культуре и конкретными культурными практиками, есть некие инварианты, в которых он усматривает элементы родства. Как пишет сам Леви-Строс: «как и фонемы, термины родства являются ценностными элементами; как и первые, они обретают эту ценность лишь потому, что сочетаются в системы; «системы родства», как и «фонологические системы», были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления. Наконец, совпадения в удаленных районах земного шара и в совершенно различных обществах форм родства, брачных правил, предписанных норм поведения между определенными типами родственников и т. п. заставляют думать, что как в одном, так и в другом случае наблюдаемые явления есть не что иное, как результат взаимодействия общих, но скрытых законов» [там же, с. 43-44]. В то же время, совместно с Р.О. Якобсоном, Николай Трубецкой разрабатывает теорию евразийского языкового союза и вообще евразийского учения о языке в связи с географическим фактором, на основе онтологического структурализма.

Следующей знаковой личностью, определившей сущность структурализма был семиотик и философ Ролан Барт. Начиная как литературовед, но внесший огромный вклад в философию языка и философскую критику идеологии, Барт выбрал в качестве предмета своего исследования структуру идеологии, которую он

определял не просто как репрезентацию господствующим классом производственных отношений, а в более широком постмарксистском смысле, как социальную формирующую структуру повседневной идеологии, контркультуры, с возможностью внешнего влияния и моделирования языковых систем. По его мнению, механизм социальной структуры позволял как встраивать в дискурс некие предметы, позволяя им существовать в повседневной жизни, так и моделировать новые структуры и мифосимволы. По его мнению «в мифе имеются две семиологические системы, одна из которых частично встроена в другую; во-первых, это языковая система, язык (или иные, подобные ему способы репрезентации); я буду называть его языком-объектом, поскольку он поступает в распоряжение мифа, который строит на его основе свою собственную систему; во-вторых, это сам миф; его можно называть метаязыком, потому что это второй язык, на котором говорят о первом» [1, с. 79].

Таким образом, структурализм на данном этапе уже предполагает, что за каждым парам означаемых и означающих, за конкретными культурными формами и социальными практиками стоят некие структуры, которые определяют горизонт существования мира в целом, а так же определяют феноменологию существования как таковую. В этом смысле структурализм и феноменология являются в некоторой доле посткатианскими универсальными трансцендентальными понятиями, условием множества возможностей, очерчивающих круг нашего бытия и возможности взаимодействия с ним.

Вслед за усвоением структуралистских методов, социально-философская мысль уходит дальше, в исследования включаются Мишель Фуко, Деррида и Делез, которые предлагают деконструировать само понятие структуры. В частности, Фуко отмечает, что «нужно подвергнуть сомнению нашу волю к истине, нужно вернуть дискурсу его характер события и нужно лишить, наконец, означающее его суверенитета» [6, с. 80].

Если структуралисты определяли наличие универсальных структур, их автономность существования, независимость от человеческого бытия, а значит и определяющее значение для бытия

человека, производства культурных форм и единичных случаев нашей бытийности, то постструктуралисты подвергают критике само понятие структуры как универсальной predetermined формы, пытаясь показывать генеалогию структур вне неких внеструктурных процессов.

В работе Фуко «История безумия в классическую эпоху» 1961 г. [7], Фуко обращает внимание на безумие как частный случай проявления, казалось бы, некоей структуры, но приходит к мнению о том, что безумие существует само по себе. Фуко задается вопросом о том, есть ли структура безумия как таковая или безумие является ее нарушением? Каковы условия проявления структуры, либо разрушения структуры сумасшествия в нынешнем виде? В процессе анализа условий появления безумия, Фуко приходит к выводу о том, что необходимо было стечение множества различных тенденций и обстоятельств для реализации и выявления архитектуры клинических лечебниц для безумцев и их лечения, подчас, тенденций случайных. Фуко приходит к выводу о том, что безумие является определенным историко-социальным конструктом, случайностью. Нет означаемого безумия, нет структуры, есть только означающее. «В XVII—XVIII вв. не существовало абсолютно никаких различий между безумством и различными формами девиантного поведения, такими как бродяжничество, проституция, занятие алхимией и т.д. В обществе отсутствовала необходимость разделять эти виды поведения и выяснять его причины» [4, с.54].

В последствии, Фуко задается вопросом о том, как в принципе менялись эпистемы социальных структур и совокупности структур, определяющих облик эпох? Фуко пишет работу «Слова и вещи», в подзаголовок которой выносит определение «археологии гуманитарных наук» [9, с. 3]. «Слова и вещи» – это один из наиболее известных и неоднозначных трудов французского философа, в котором он формулирует принципы нового подхода к истории мысли и социальных институтов. Главный вопрос этой работы заключается в том, можно ли считать воспринимаемый нами мир проявлением сущности вещей, или, скорее, результатом действия особых

механизмов, упорядочивающих наши восприятия? Существует ли социальные структуры сами по себе либо же мы репрессивно навязываем их? В работе «Надзирать и наказывать» [8, с. 226], рассматривая карательные репрессивные практики Европы и приводя в пример паноптический механизм, Фуко проводит аналогию между театром и системой наказания [там же, с. 9], которая как раз и выступает в качестве примера механизма навязывания.

При этом, под археологией гуманитарного знания Фуко определяет то, как мы воспринимаем используемые нами понятия не как нечто само собой разумеющееся, а как связанное с определенной парадигмой, эпистемой, заданной условиями, возможностями взаимодействия структур и исторически становящееся, а не существующее вне нашего разума. Нет ничего самоочевидного, предопределенного и заданного. Любой социальный феномен является условным и обусловленным множеством возможностей и обстоятельств.

Ж. Деррида в процессе деконструкции понятия структуры, обозначил проблему центра структуры. Он отмечает: «Несомненно, что центр структуры, ориентируя, организуя и обеспечивая связность системы, допускает игру элементов внутри целостной формы. И сегодня структура, лишенная всякого центра, по-прежнему представляет само немыслимое. Однако центр закрывает игру, которую сам же открывает и делает возможной» [2, с. 445-448].

Заключение

В дискурсе социально-философских мыслителей XX века и развития постструктуралистских положений, выявляются структурные условия и возможности, которые обуславливают как конкретные акты говорения, так и картину мира. Синтаксис говорения, по мнению Деррида, определяет центры структур, а значит и определение центра навязано, инвариантно. И только деконструкция центра дает возможность открыть «структурность структуры» и приблизиться к ее пониманию. Обнаружение отсутствия центра структуры приближает нас к пониманию структуры не как кантовской «вещи в себе», иначе бы мы могли сравнить их, например, с эйдосами Пла-

тона, задача ставится куда сложнее и подразумевает отказ от геометрических и морфологических коннотаций в понимании термина.

Тем самым структурализм провозглашает децентрализацию и деавтономизацию как структуры как таковой, так и субъектов, включенных в нее, отмечая что человек общества не являют собой структуру с неким центром, они являются структурами структур... Времена Декарта с умозаключениями «я мыслю, следовательно, существую» ушли, на смену пришел психоанализ, с невозможностью осознания самого себя и своего места в мире. Не «Я» говорит с собой, а сам язык через нас говорит с собой. В этом и проявляется основное отличие в определении смысл бытия самоподдерживающихся структур как в обществе, так и в самом человеке между структуралистским и постструктуралистским дискурсом. К таким результатам приводит нас краткий анализ идей мыслителей XX века в отношении идей структурализма и постструктурализма как основного направления социально-философской мысли в Европе в XX веке.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. Письмо и различие. М.: Акад. проект, 2000. 472 с.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М.: Акад. Проект, 2008. 555 с.
4. Осипова Е.Д. Безумие, творчество и иррациональность: постановка проблемы и ее трактовка в работах М. Фуко // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. №3. С. 54-63.
5. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. Пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 698 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ад Маргинем Пресс, 1975. 226 с.

9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Перевод на русский язык: В.П. Визгин, Н.С. Автономова. М.: «Прогресс», 1977. 408 с.
10. Derrida J. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences // The structuralist controversy / Ed. by Macksey R., Donato E. Baltimore, 1972. P. 247–272.
11. Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.: N.Y., Routledge, 1988. 255 p.
12. Sarup M. An introductory guide to post-structuralism and postmodernism. L: Harvester Wheatsheaf, 1998. 320 p.

References

1. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. M.: Progress, 1989, 616 p.
2. Derrida Zh. *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnyh nauk* [Structure, sign and play in the discourse of the humanities]. M.: Akad. proekt, 2000, 472 p.
3. Levi-Stros K. *Strukturnaja antropologija* [Structural Anthropology]. M.: Akad. Proekt, 2008, 555 p.
4. Osipova E.D. Bezumie, tvorcestvo i irrational'nost': postanovka problemy i ee traktovka v rabotah M. Fuko [Madness, creativity and irrationality: the statement of the problem and its interpretation in the works of M. Foucault]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija*, 2014, no. 3, pp. 54-63.
5. Sossjur F. de *Kurs obshhej lingvistiki* [Course in General Linguistics] Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999, 432 p.
6. Fuko M. *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The History of Sexuality: The Will to Knowledge] / Per. s franc. M.: Kastal', 1996, 448 p.
7. Fuko M. *Istorija bezumija v klassicheskiju jepohu* ["Madness and Insanity: History of Madness in the Classical Age"] / per. s fr. I.K. Staf. M.: ACT MOSKVA, 2010, 943 p.
8. Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Ad Marginem Press, 1975, 226 p.

9. Fuko M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences] / Perevod na russkij jazyk: V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. M.: Progress, 1977, 408 p.
10. Derrida J. Structure, sign, and play in the discourse of human sciences. The structuralist controversy / Ed. By Macksey R., Donato E. Baltimore, 1972, pp. 247-272.
11. Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.: N.Y., Routledge, 1988, 255 p.
12. Sarup M. An introductory guide to post-structuralism and postmodernism. L: Harvester Wheatcheaf, 1998, 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Варыгина Лилия Борисовна, аспирант

*Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»
пр. Ленина, 1, г. Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628412, Российская Федерация
liliana-varigina@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Liliya B. Varygina, post-graduate student

*Surgut State University
1, Lenin Ave., Surgut, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra, 628412, Russian Federation
liliana-varigina@yandex.ru*

Поступила 29.11.2021

После рецензирования 06.12.2021

Принята 10.12.2021

Received 29.11.2021

Revised 06.12.2021

Accepted 10.12.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-247-273

УДК 316.334.2

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОБЪЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ

*Подгорный Б.Б., Волохова Н.В.,
Обозная М.В., Огурцова А.Ю.*

***Цель.** В статье представлена разработанная авторами объективная модель социального поля российской цифровой экономики, характеризующая социологическую оценку развития цифровой экономики в нашей стране.*

***Методы и методология проведения работы.** Методологическая основа исследования – трехступенчатый процесс, предложенный французским социологом П. Бурдьё в рамках теории социального пространства для исследования социальных полей. Определение социальных габитусов произведено на основании авторского подхода, заключающегося в сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала. В процессе проведения исследования нами применялись следующие общенаучные и конкретно-научные методы: диалектический, метод статистического анализа информации, контент-анализ документов, метод структурного социологического моделирования, количественные и качественные социологические исследования.*

***Результаты.** Проанализирована возможность применения понятия «социальное поле» в отношении российской цифровой экономики. Показано, что социальное поле российской цифровой экономики, сформированное при участии полей власти, науки, образования, экономики, культуры, IT и финансового поля, занимает подчиненную позицию по отношению к полю власти. Определены основные позиции объективной модели социального поля РЦЭ: явные и латентные цели, основные задачи, роль формирующих полей, степень поддержки необходимости и целесообразности развития цифровой экономики*

агентами формирующих полей, диспозиции, эффективные капиталы и габитусы основных акторов социального поля РЦЭ.

Область применения результатов. При планировании и разработке на федеральном и региональном уровнях программ и мероприятий, направленных на развитие цифровой экономики в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая экономика; социальное поле; капиталы; габитусы; априорная модель; объективная модель

THE SOCIAL FIELD OF THE RUSSIAN DIGITAL ECONOMY: OBJECTIVE MODEL

*Podgorny B.B., Volokhova N.V.,
Oboznaya M.V., Ogurtsova A.Yu.*

Goal. The article presents an objective model of the social field of the Russian digital economy developed by the authors, which characterizes the sociological assessment of the development of the digital economy in our country.

Methods and methodology of the work. The methodological basis of the research is a three-stage process proposed by the French sociologist P. Bourdieu within the framework of the theory of social space for the study of social fields. The definition of social habits is made on the basis of the author's approach, which consists in determining social habits by comparing the orientation of the main disposition of respondents and their effective capital. In the process of conducting the research, we used the following general scientific and specific scientific methods: dialectical, the method of statistical analysis of information, content analysis of documents, the method of structural sociological modeling, quantitative and qualitative sociological research.

Results. The possibility of applying the concept of "social field" in relation to the Russian digital economy is analyzed. It is shown that the social field of the RCE, formed with the participation of the fields of power, science, education, economics, culture, IT and financial fields, oc-

cupies a subordinate position in relation to the field of power. The main positions of the objective model of the RCE social field are determined: explicit and latent goals, main tasks, the role of the forming fields, the degree of support for the need and expediency of the digital economy development by agents of the forming fields, dispositions, effective capitals and habits of the main actors of the RCE social field.

The scope of the results. *When planning and developing programs and activities at the federal and regional levels aimed at the development of the digital economy in the Russian Federation.*

Keywords: *digital economy; social field; capitals; habits; priori model; objective model*

Развитие цифровой экономики является необходимым официальным условием современной России, о чем было заявлено в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 года и в указе Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». 28 июля 2017 года была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [26] и впоследствии начата реализация ряда федеральных проектов, способствующих развитию различных аспектов цифровизации российского общества, а именно – нормативное регулирование цифровой среды, развитие информационной инфраструктуры и информационной безопасности, внедрение цифровых технологий, подготовка кадров для цифровой экономики, развитие цифрового государственного управления.

Однако перечисленные документы, программы и проекты не предусматривают социологической оценки перехода развития к цифровой экономике, что, по нашему мнению, должно обязательно учитываться в процессе развития цифровой экономики в нашей стране.

Анализ литературы

Анализ научных публикаций, представленных в электронной библиотеке E-library.ru, показал, что в последние четыре года к

российской «цифровой экономике» проявляется значительный интерес. Так, с 2017 года по научным направлениям «экономика» и «социология» представлено более 20 тысяч источников, имеющих отношение к области цифровой экономики. Выстроив публикации по релевантности, были исследованы первые 300 из них и структурировали их по восьми направлениям.

– Среди научных публикаций теоретического характера, нами выделены следующие: работа А.В. Кешелавы, предложившего глоссарий основных понятий цифровой экономики [12]; обоснование В. В. Ивановым необходимости развития цифровых технологий в экономике, социальной сфере, в информационном пространстве [10]; исследования Е.В. Егоровым причин отставания России от стран-лидеров в развитии цифровых технологий [8]; статья М.В. Попова с анализом проблем, связанных с реализацией программы «Цифровая экономика в Российской Федерации» [25].

– Научные публикации, касающиеся истории процесса формирования и развития информационных технологий. В данной группе особое место занимают работы: Ю.В. Гуськова, исследовавшего вопросы интеграции цифровой сферы в современную экономику [7]; Б. Паньшина, определившего факторы значимости цифровых технологий для экономического роста [19]; Т.Н. Юдиной, раскрывшей угрозы, возникающие в процессе развития цифровых технологий [30].

– Научные публикации, обосновывающие необходимость развития цифровой экономики и готовность России к этому процессу. В трудах академика В.Б. Бетелина [2] рассматриваются проблемы, связанные с формированием в России цифровой экономики. Также Л.Д. Капранова приводит результаты комплексного анализа программы «Цифровая экономика» [11]; Н.В. Кузнецов выявляет значительное неравенство российских регионов в сфере внедрения цифровых технологий [14]; Ю.В. Куваева делает на оценке уровня российской цифровой экономики [32].

– Методология исследования различных процессов в цифровой экономике. В данном направлении необходимо выделить ключевые методы и подходы оценки эффективности развития цифровой трансфор-

мации [28], способы обоснования систем весовых коэффициентов для интегральных критериев оценки эффективности [21]; систему показателей, характеризующих степень развития цифровой экономики [5].

– *Риски и проблемы перехода к цифровой экономике.* К этой группе можно отнести исследования и публикации следующих ученых: С.И. Неизвестного, акцентирующего внимание на том, что цифровизация, неся в себе много положительного, имеет и отрицательные последствия, связанные прежде всего с социальными проблемами [17]; С.П. Земцова, оценившего адаптацию российских регионов к цифровой трансформации [9].

– *Цифровая экономика и образовательный процесс.* В данной группе наиболее весомыми, по нашему мнению, являются публикации следующих авторов: Н. В. Горбуновой, показавшей, что в образовательной среде происходит развитие культуры, способствующее росту экономического потенциала нации [6]; Т.Н. Вялковой, определившей, что система подготовки кадров в условиях стремительного развития цифровой экономики потребует значительных изменений в методике и качестве учебного процесса [5]; В.В. Окрепилова, выполнившего анализ влияния цифровой экономики на систему образования [18].

– *Исследования отдельных отраслей и регионов.* В эту группу включены научные материалы следующих авторов: С.П. Ковалева, обосновавшего необходимость и методы государственного контроля и регулирования в здравоохранении при переходе к цифровой экономике [13]; М.Ю. Мазура, предложившего новые векторы развития ВПК в связи с цифровизацией [16]; Г. П. Литвинцевой, исследовавшей влияние цифровой трансформации экономики на качество жизни населения [15].

– *Прикладные исследования.* Здесь скомпилированы следующие публикации: статистические сборники «Индикаторы цифровой экономики» центра исследования цифровой экономики ВШЭ [1]; проект аналитического центра НАФИ, посвященный готовности малых и средних компаний РФ к цифровизации рынка [29]; результаты исследования Г.О. Перова, представившего эмпирические данные социологического опроса о рисках внедрения принципиально новых

цифровых технологий в Ростовской области [20]; результаты исследований особенностей перехода к цифровому сельскому хозяйству республики Адыгея, выполненные под руководством В.Н. Нехай [27].

Выполненный нами анализ публикаций подтверждает научный интерес к цифровой экономике, однако, при значительном количестве работ и проектов, социологической составляющей цифровизации пока уделяется недостаточно внимания. Считаем, что исследование российской цифровой экономики, как социального поля позволит определить особенности взаимодействия социальных сил, участвующих в процессе цифровизации российской экономики.

Цель настоящей статьи – представить разработанную авторами объективную модель социального поля российской цифровой экономики.

Для достижения цели нами поставлены и решены следующие задачи:

1. Анализ возможности применения понятия «социальное поле» в отношении российской цифровой экономики.
2. Определение полей, участвующих в формировании социального поля РЦЭ.
3. Исследование отношения социального поля РЦЭ и поля власти.
4. Построение объективной модели социального поля российской цифровой экономики.
5. Определение габитуальной структуры акторов социального поля РЦЭ, в том числе населения, как основного актора социального поля РЦЭ.

Методология

Для определения возможности рассмотрения российской цифровой экономики в виде социального поля, были соотнесены свойства российской цифровой экономики со свойствами, присущими социальным полям [30, с. 34].

Исследование социального поля РЦЭ представляет собой трехступенчатый процесс, предложенный П. Бурдые [31, с. 42]. Первый

этап заключается в определении отношений исследуемого социального поля с полем власти; на втором этапе формируется план объективной структуры отношений между позициями в рамках исследуемого поля; третий этап – определение характера габитуса основных акторов исследуемого поля. Указанный подход апробирован при исследовании социального поля российского фондового рынка [24].

Определение социальных габитусов произведено на основании подхода, разработанного профессором Б.Б. Подгорным и заключающегося в определении социальных габитусов методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала [23].

Под объективной моделью социального поля российской цифровой экономики нами понимается следующие показатели: явные и латентные цели формирующих полей, их основные задачи, роль, степень поддержки необходимости и целесообразности развития цифровой экономики агентами формирующих полей, диспозиции, эффективные капиталы и габитусы основных акторов социального поля РЦЭ.

Исследователями применялись общенаучные и конкретно-научные методы, такие как:

- метод структурного социологического моделирования;
- диалектический;
- анализ информации;
- анализ российского законодательства относительно развития цифровой экономики;
- проведение качественных и количественных социологических исследований.

Информационная и эмпирическая база исследования

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [26].

3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

4. Федеральные проекты: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление».

5. Региональное законодательство, касающееся цифровой экономики, в Курской, Тамбовской, Ярославской, Калининградской областях.

6. Материалы экспертных интервью (2020 год) с представителями культуры, науки, образования, экономики, IT-сферы, финансовой сферы по теме цифровизации и развития цифровой экономики – 16 интервью.

7. В связи с тем, что у части агентов образующих полей, а именно – лидеров мнений поля культуры и части поля экономики (малого бизнеса) – позиция в отношении поля РЦЭ носит неблагоприятный характер, выполнены следующие дополнительные исследования:

7.1. Дополнительное анкетирование представителей малого бизнеса в исследуемых регионах на предмет их отношения к цифровой экономике – 200 респондентов. Целесообразность применения именно анкетного опроса вызвана тем, что в процессе проведения интервью представители малого бизнеса высказывали обеспокоенность о сохранности результатов интервью и недопущении раскрытия их персональных данных в возможных научных публикациях. Применение анкетного опроса позволило обезличить респондентов, а также охватить значительно большее их число.

7.2. Дополнительные экспертные интервью (2021 год) с представителями культуры для определения причин негативного отношения к процессу цифровизации – 8 интервью.

8. Материалы выполненного в 2020–2021 году социологического исследования населения Курской, Ярославской, Калининградской, Тамбовской областей с целью анализа населения как актора социального поля РЦЭ. Выборочная совокупность в каждом регионе составила 384 респондента. Метод выборки – квотный по двум признакам – пол и место жительства (городское/сельское). Исследование проводилось методом анкетного опроса респондентов.

Обработка результатов, их анализ и сравнение выполнялось с использованием программы SPSS.

Результаты

1. Применение понятия «социальное поле» в отношении российской цифровой экономики. Выполненное обобщение основных научных парадигм позволяет рассматривать социальное поле как «окруженную границами часть социального пространства, в котором взаимодействуют социальные силы, производящие и воспроизводящие различные продукты и услуги, структура и функционирование которых зависит от распределения различных видов капитала, присущего агентам или структурам, участвующим в деятельности конкретных полей» [22, с. 34]. «Возникновение (формирование) нового социального пространства в виде социальных полей осуществляется сознательно или несознательно как ответ на возникшие потребности существующих социальных полей, которые и принимают активное участие в создании (формировании) нового социального поля; как альтернатива, в том числе протестная, действиям существующих социальных полей; как дополнительное (вспомогательное) поле для реализации интересов образующих полей при формировании и дальнейшей деятельности нового поля. Как правило, основными акторами сформированного нового социального поля являются агенты полей, принявших участие в формировании нового поля, однако возможно возникновение отдельных групп акторов, не являющихся агентами существующих полей и принадлежащих к новому сформированному полю» [24, с. 22].

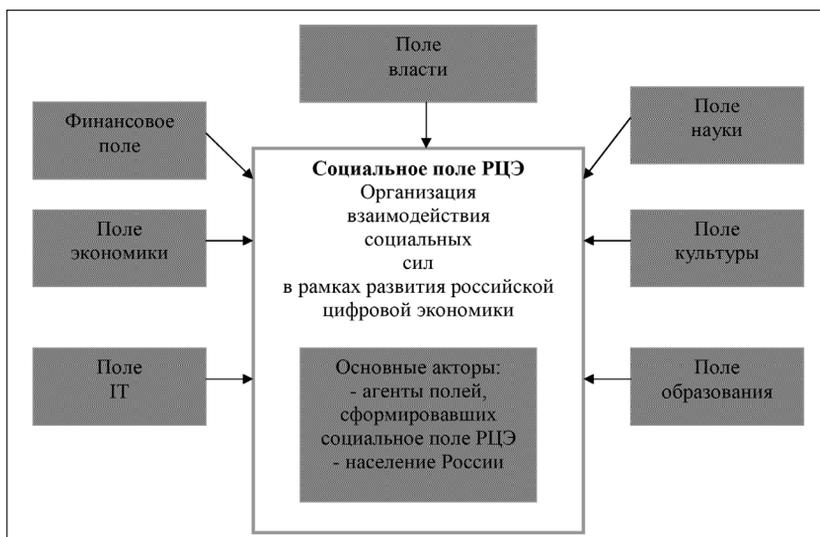
Также нами установлено, что социальным полям присущи следующие свойства: наличие цели; доступность/недоступность к участию в деятельности поля; закрытость/открытость; правила поддержания порядка; регламент участия новых акторов в деятельности поля.

Результаты соотношения свойств российской цифровой экономики с указанными выше определением и свойствами позволяют рассматривать российскую цифровую экономику как социальное поле, так как:

1. Цифровая экономика представляет собой часть социального пространства в виде социального поля, цель которого – организация взаимодействия социальных сил в рамках развития российской цифровой экономики.

2. Социальное поле российской цифровой экономики является открытым; предоставляет, при выполнении установленных правил, возможность участия в его деятельности.
3. Данное социальное поле имеет определенные границы, а также строгие правила, касающиеся деятельности, поддержания порядка, включения и исключения новых акторов в деятельность поля.
4. Текущая деятельность поля характеризуется доминированием позиций и сил одних акторов над другими.

2. Определение полей, участвующих в формировании социального поля РЦЭ. Анализ действующего федерального и регионального законодательства, касающегося цифровой экономики, позволил определить основные поля, сформировавшие социальное поле РЦЭ.

Рис. 1. Формирование социального поля российской цифровой экономики

Также следует обратить внимание на то, что условия культурного, информационного, экономического взаимодействия всегда находят свои истоки в изменяющихся процессах и тенденциях мирового порядка [3].

3. Отношение поля РЦЭ и власти. Для определения отношения социального поля РЦЭ и власти мы проанализировали состав агентов формирующих полей, принимающих участие в работе РЦЭ и действующих в качестве акторов в ее социальном поле.

Таблица 1.

Акторы, действующие в социальном поле РЦЭ

Поле	Агенты, участвующие в деятельности поля РЦЭ
Поле власти	Министерства: экономического развития, цифрового развития, финансов, науки и высшего образования, просвещения, культуры, труда и социальной защиты. Представители региональной власти.
Финансовое поле	Министерство финансов, Центробанк, ФНС, коммерческие банки, институциональные и частные российские и зарубежные инвесторы.
Поле экономики	Министерство экономики, государственные предприятия и корпорации, частный (крупный, средний и малый) бизнес.
Поле IT	Министерство цифрового развития, государственные корпорации в сфере IT, российские и зарубежные коммерческие IT компании.
Поле науки	РАН, Министерство науки и высшего образования, государственные и негосударственные учреждения высшего образования, АНО в сфере науки.
Поле образования	Министерство просвещения, образовательные государственные и негосударственные учреждения разных уровней, АНО в сфере образования.
Поле культуры	Министерство культуры, государственные и негосударственные учреждения культуры, лидеры мнений.

Как видно из таблицы 1, в каждом поле, чьи агенты действуют в качестве акторов социального поля РЦЭ, присутствуют агенты поля власти, что подтверждает ведущую роль данного поля в формировании социального поля РЦЭ. В дальнейшем список акторов может расширяться, поскольку для целей изучения социальной природы поля РЦЭ имеют значение не только агенты с официальным статусом, но и формирующиеся неформальные группы, а также отдельные физические и юридические лица, которые могут оказывать непосредственное влияние на деятельность поля РЦЭ.

4. Объективная модель социального поля российской цифровой экономики. Как отмечалось в методологии исследования,

объективная модель характеризуется явными и латентными целями, основными задачами, ролью формирующих полей, степенью поддержки необходимости и целесообразности развития цифровой экономики агентами формирующих полей, диспозициями, эффективными капиталами и габитусами основных акторов социального поля РЦЭ. Мы сгруппировали указанные характеристики по каждому рассматриваемому полю, а также по населению, как основному актору исследуемого социального поля.

Поле власти. Данное поле играет ведущую роль в формировании и функционировании социального поля РЦЭ, более того, результаты исследования подтверждают прямую зависимость направленности развития российской цифровой экономики от планов поля российской власти. Как выявлено авторами ранее, немаловажной составляющей выступает осознание этической ответственности чиновника, его понимание значимости принятия решений на уровне федерального или регионального управления [4, с. 40].

Таблица 2.

Характеристика показателей поля власти и его агентов как акторов поля РЦЭ

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Ведущая, инициативная, модельно-ориентированная.
Цели явные	- Стимулирование развития цифровых технологий. - Повышение эффективности экономики. - Межотраслевое взаимодействие.
Цели латентные	- Поддержка вектора государственной власти. - Фискальность. - Создание баз данных. - Управление.
Решаемые задачи	- Создание законодательной основы развития социального поля РЦЭ. - Нормативное регулирование - Формирование и расположение политических аспектов и акцентов.
Преимущественные диспозиции	Развитие, управление.
Преимущественные эффективные капиталы	Экономический, политический.
Габитусы	Лидер, реорганизатор, коммерсант, исследователь.

Финансовое поле. Агенты финансового поля полностью поддерживают действия поля власти в отношении цифровизации, так как это напрямую способствует финансовому развитию.

Таблица 3.

Характеристика показателей финансового поля и его агентов как акторов поля РЦЭ

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, инициативная.
Цели явные	- Улучшение качества услуг населению и бизнесу. - Улучшение сотрудничества в финансовой сфере.
Цели латентные	- Обеспечение достижения целей поля власти. - Контроль над финансовыми потоками. - Снижение участия менеджмента низшего звена в финансовом секторе. - Финансовая монополия.
Решаемые задачи	Расширение уровня и границ финансового влияния; ускорение финансового оборота; увеличение финансового оборота; создание новых инвестиционных рынков.
Степень поддержки ЦЭ	Максимальная.
Преимущественные диспозиции	Управление.
Преимущественные эффективные капиталы	Человеческий, культурный.
Габитусы	Лидер, импресарио.

Поле экономики. Поскольку поле экономики наиболее масштабно по сравнению с другими социальными полями, в качестве экспертов данного поля выступали представители крупного (среднего) и малого бизнеса (ИП).

Сторонники «цифры» из числа малого бизнеса говорят о том, что цифровая экономика – это новая реальность современного мира, которая способствует улучшению жизнедеятельности, практичности, меняет структуру экономики и меняет общество в целом, совершенствуя её. Те, кто выступают противниками, обращают внимание на наличие проблем, связанных с нестабильностью и неэффективностью цифровых технологий, и отмечают, что в развитии цифровой экономики существуют значительные препятствия, кроющиеся в отсутствии должного уровня модернизации и контроля за ответственностью.

Таблица 4.

**Характеристика показателей поля экономики и его агентов
как акторов поля РЦЭ**

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, инициативная.
Цели явные	- Получение прибыли. - Внедрение новых видов услуг. - Реализация новых видов услуг.
Цели латентные	- Контроль над рынками. - Перераспределение рынков.
Решаемые задачи	Деятельность поставщиков товаров, работ и услуг.
Степень поддержки ЦЭ	Высокая - крупный (средний) бизнес. Половина представителей малого бизнеса – за цифровизацию, вторая половина – против.
Преимущественные диспозиции	Развитие, управление.
Преимущественные эффективные капиталы	Поддержка цифровизации – человеческий, экономический. Противники цифровизации – человеческий, политический.
Габитусы	Поддержка цифровизации – лидер, коммерсант. Противники цифровизации – исследователь, реорганизатор.

Дополнительные исследования в виде опроса 200 представителей малого бизнеса показали, что $\frac{3}{4}$ респондентов, высказавших отрицательно отношение к процессу цифровизации, являются обладателями обладателей габитусов направленности диспозиции «сохранение».

Поле ИТ. Поле ИТ максимально поддерживает действия поля власти в отношении цифровизации, так как это напрямую способствует их технологическому развитию.

Таблица 5.

Характеристика показателей поля ИТ и его агентов как акторов поля РЦЭ

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, инициативная, коммуникативная.
Цели явные	- Развитие информационной отрасли. - Создание и обслуживание баз данных. - Структурирование. - Семантическое взаимодействие и координация.

Окончание табл. 5.

Цели латентные	- Обеспечение достижения целей поля власти. - Получение прибыли. - Подконтрольное управление. - Возможность манипуляции информацией. - Контроль над информационными потоками.
Решаемые задачи	Создание информационной структуры; создание отечественных цифровых технологий; внедрение технологий и их сопровождение
Степень поддержки ЦЭ	Максимально высокая.
Преимущественные диспозиции	Развитие.
Преимущественные эффективные капиталы	Человеческий.
Габитусы	Исследователь.

Поля науки и образования. Как показали результаты выполненных интервью с представителями поля науки и поля образования, их цели совпадают с целями, поставленными полем власти. Допускаем, что такая поддержка высказана и в силу того, что большинство из них является государственными или муниципальными служащими, и они не имеют права выступать с критикой действий вышестоящих органов (раздел II, пункт 11 п. типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих).

Таблица 6.

Характеристика показателей поля науки и его агентов как акторов поля РЦЭ

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, инициативная.
Цели явные	- Поиск критериев научности. - Выявление и закрепление категорий ЦЭ. - Разработка и применение методов. - Построение моделей. - Повышение качества информационной платформы. - Повышение открытости в научной среде.
Цели латентные	- Обеспечение достижения целей поля власти. - Увеличение бюджетного финансирования. - Формирование госзаказов определенного спектра (технологии).

Окончание табл. 6.

Решаемые задачи	Научная деятельность, связанная с развитием и реализацией компонентов РЦЭ; подготовка кадров высшего звена для РЦЭ.
Степень поддержки ЦЭ	высокая
Преимущественные диспозиции	Управление, влияние.
Преимущественные эффективные капиталы	Человеческий.
Габитусы	Лидер, учитель.

Таблица 7.

**Характеристика показателей поля образования и его агентов
как акторов поля РЦЭ**

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, инициативная.
Цели явные	- Обучение цифровой грамотности. - Приобщение к цифровой культуре. - Повышение конкурентоспособности российского образования.
Цели латентные	- Обеспечение достижения целей поля власти. - Увеличение финансирования. - Получение прибыли негосударственными образовательными учреждениями.
Решаемые задачи	Цифровая грамотность населения (начиная со школы); подготовка кадров среднего звена для РЦЭ.
Степень поддержки ЦЭ	Высокая.
Преимущественные диспозиции	Развитие, влияние.
Преимущественные эффективные капиталы	Человеческий.
Габитусы	Исследователь, учитель.

Поле культуры. Поскольку по результатам интервью 2020 года у представителей поля культуры степень поддержки необходимости и целесообразности развития цифровой экономики разделилась от полной поддержки (руководители государственного учреждения культуры) до отрицательного отношения (лидеры мнения), мы для уточнения этих аспектов провели 8 дополнительных интервью в регионах с представителями культуры, принадлежащих к государ-

ственным и частных структурам или являющихся лидерами мнения в области культуры.

Опрошенные нами эксперты поля культуры (как в основных, так и в дополнительных интервью) совпадают в своем мнении относительно целей, задач, ролей и степени поддержки развития и внедрения процессов цифровизации. Совокупные показатели разделились примерно поровну относительно поддержки цифровизации, отражая как положительное, так и отрицательное влияние.

Также мы уточнили один очень важный аспект – если после первой серии интервью с представителями культурного поля мы приняли в качестве основного критерия поддержки/неподдержки место работы – государственное или частное, то уточняющие интервью позволили расширить наши выводы. Действительно, место работы влияет на отношение к цифровизации, однако это больше связано не с прямым мнением, а с необходимостью выполнять правила кодекса этики и служебного поведения. Мы с уверенностью можем утверждать, что на отношение к цифровизации с большой вероятностью оказывает влияние направленность диспозиции респондентов и, соответственно, их габитусы. Результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8.

**Характеристика показателей поля культуры и его агентов
как акторов поля РЦЭ**

Показатели	Характеристика показателей
Роль	Исполнительная, интерпретирующая, адаптивная, конструирующая.
Цели явные	- Измерение культурного уровня населения. - Определение ментального и традиционного влияния. - Сохранение ценностной основы общества и выработка новых критериев ценности. - Осмысление формата ЦЭ.
Цели латентные	- Унификация. - Создание общества новой формации.
Решаемые задачи	Встраивание ЦЭ в культурный код; формирование материально-культурного наследия; исследование культурного капитала; формирование новых этических принципов.
Степень поддержки ЦЭ	Средняя.

Окончание табл. 8.

Преимущественные диспозиции	Поддержка – развитие. Противники цифровизации – развитие, исполнение.
Преимущественные эффективные капиталы	Поддержка- экономический, управленческий, Противники цифровизации – человеческий, физический.
Габитусы	Поддержка - коммерсант, новатор, трансгуманист. Противники цифровизации – исследователь, труженик.

Выводы

Основными выводами нашего исследования являются следующие положения:

– категория «социальное поле» применяется нами в отношении российской цифровой экономики; это позволяет определить социальные силы и особенности их взаимодействия в процессе цифровизации российской экономики;

– социальное поле РЦЭ сформировано при участии полей власти, науки, образования, экономики, культуры, IT и финансового поля. При этом каждое из полей-участников привносит свой вклад в формирование и дальнейшую деятельность социального поля ЦЭ;

– социальное поле цифровой экономики занимает подчиненную позицию по отношению к полю власти, которое играет решающую роль в направленности деятельности социального поля РЦЭ;

– акторам социального поля РЦЭ присущи социальные капиталы и габитусы, делегированные им полями, агентами которых они являются.

Результаты исследований рекомендуется использовать при планировании и разработке на федеральном и региональном уровнях программ и мероприятий, направленных на развитие цифровой экономики в Российской Федерации. Особое внимание следует уделить тому, что определенное количество агентов полей, сформировавших поле РЦЭ, например – агенты поля экономики, выражают неоднозначное отношение и не поддерживают некоторые аспекты развития цифровизации. При этом среди противников цифровизации оказались представители с габитусами «реорганизатор» и «исследователь», габитусы которых потенциально на-

правлены на поддержку развития, в том числе и цифровой экономики. Это требует разработки и проведения дополнительных мероприятий, способствующих созданию условий, в процессе которых формировались габитусы, в первую очередь – разъяснительных. Так, например, из всех опрошенных представителей малого бизнеса 83 процента не знают, что сегодня в России действует государственная программа бесплатного дополнительного образования в сфере цифровой экономики с возможностью получения цифрового сертификата. Кроме того, нужны конкретные программы по интеграции малого бизнеса в цифровую экономику, которые будут выражаться не только в контрольных функциях за его деятельностью, но и реально вовлекать малый бизнес в цифровые экономические процессы. Такие программы целесообразно реализовывать на региональных уровнях.

Также понимание габитуальной структуры, определенной через сочетание направленности диспозиции и эффективного капитала может способствовать подбору, подготовке и распределению кадров в основных реперных точках цифрового развития.

База данных исследования: Russian digital economy as a social field / Data for the Kursk region of Russia. 2021. <http://doi.org/10.17632/2fcff7jj82.6>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00228 «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Research database: Russian digital economy as a social field. Data for the Kursk region of Russia. 2021. <http://doi.org/10.17632/2fcff7jj82.6>

The research was carried out with the support of the RFBR grant No. 20-011-00228 “The Russian digital economy as a social field”.

Список литературы

1. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2019. <https://www.hse.ru/primarydata/ice2019>

2. Бетелин В.Б. Цифровая экономика: навязанные приоритеты и реальные вызовы // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. №3-4. С. 22-25.
3. Волохова Н.В. Культурная коммуникация народов в условиях неоднозначных процессов глобализации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: Сб. мат. Межд. науч. конф. 2010. С. 39-43.
4. Волохова Н. В., Кудрина Е.А., Устинович Е.С., Новикова Т.П. Модельный подход к компетентности государственного служащего в условиях модернизации государственного управления. Монография. Курск: Деловая полиграфия. 2011. 152 с.
5. Вялкова Т. Н. Цифровая экономика и элитарное образование // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №2 (55). С.170-176.
6. Горбунова Н. В., Шеляхина Н. В. Цифровая экономика – императив инновационного образовательного развития культурного капитала в современном обществе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. №2 (76). С.164-167.
7. Гуськов Ю. В., Гуськова Т. В. Цифровая экономика современной России как объект государственного, муниципального и корпоративного управления // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2019. №1 (19). С. 8-16.
8. Егоров Е. В., Амиров Р. А. Цифровая экономика и Актуальные задачи ее кадрового обеспечения в России // Управленческое консультирование, 2018. №9 (117). С. 42-50.
9. Земцов С. П., Баринаова В. А., Семёнова Р. И. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. 2019. № 13(2). С.84-96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
10. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М: Российская академия наук, 2017. 64 с.
11. Капранова Л. Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. Ч.11. № 2. С. 58-69.
12. Кешелова А.В., Буданов В.Г., Румянцев В.Ю. [и др.]. Введение в «цифровую» экономику». М: ВНИИГеосистем, 2017. 44 с.

13. Ковалев С. П., Сороколетов П. В. Реализация государственного контроля регулирования в здравоохранении при переходе к цифровой экономике // *Управленческое консультирование*. 2018. № 4 (112). С. 53-62.
14. Кузнецов Н.В. Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: анализ готовности региона // *Региональная экономика и управление*. 2019. № 1(57). <https://eee-region.ru/article/5709/>
15. Литвинцева Г.П., Петров С.П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // *Журнал экономической теории*. 2019. №16 (3). С. 414-427.
16. Мазур М.Ю. Цифровая экономика – вызов для оборонно-промышленного комплекса // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 71. С. 226-241. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00110>
17. Неизвестный С.И. Социально-психологические проблемы перехода к цифровой экономике // *Ученые записки российского государственного социального университета*. 2018. Т. 17, № 2 (147). С. 5-14.
18. Окрепилов В.В. Анализ влияния экономической трансформации на качество общественных благ (на примере образования) // *Экономика и управление*. 2019. № 4 (162). С. 4-10.
19. Панышин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // *Наука и инновации*. 2016. № 3(157). С. 17-20.
20. Перов Г.О. Факторы формирования моделей предпринимательской деятельности в цифровой экономике региона // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2018. №4 (64). С. 62-68.
21. Писарева О.М. Измерение эффективности реализации решений и деятельности участников стратегического планирования в условиях цифровой трансформации // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2018. № 11(4). С. 24-39.
22. Подгорный Б. Б. Формирование и перспективы развития социального поля российского фондового рынка: автореф. дис...док. соц. наук: 22.00.03. Н. Новгород, 2018. 44 с.

23. Подгорный Б.Б. Габитусы российского населения: методология и классификация // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2. С. 279-301. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>
24. Подгорный Б. Б. Российский фондовый рынок как социальное поле: монография. Курск: Университетская книга, 2018. 328 с.
25. Попов М.В., Сухорукова А.М. Кадровый потенциал в реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. №4 (73). С. 15-21.
26. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» 2017. Принята распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». <https://base.garant.ru/71734878/> (дата обращения: 11.01.2021)
27. Тешев В.А., Хамуков А.А., Нехай В.Н. Социально-экономические аспекты использования цифровых технологий в экономике республики Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 2 (219). С. 120-125.
28. Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №4 (52). С. 40-47.
29. Цифровая экономика и российские компании. Результаты всероссийского опроса, проведенного компанией НАФИ. 2017. <https://nafif.ru/analytics/-bolshinstvo-rossiyskikh-kompaniy-ne-gotovy-k-tsifrovoy-ekonomike/>
30. Юдина Т.Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» // Теоретическая экономика. 2018. №4 (46). С. 13-17
31. Bourdieu P. Le champ litteraire // Actes de la recherche en sciences sociales. 1991. № 89. P. 3-46.

32. Kuvayeva Y.V. Digital economy: concepts and Russia's readiness to transition // Journal of new economy. 2019. №20 (1). P. 25-40.

References

1. Abdrakhmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Gokhberg L.M. et al. *Indikatoriy tsifrovoy ekonomiki: 2019: statisticheskiy sbornik* [Digital Economy Indicators: 2019: Statistical Collection]. M.: Higher School of Economics, 2019. <https://www.hse.ru/primarydata/ice2019>
2. Betelin V. B. *Gosudarstvennyy audit. Pravo. Ekonomika*, 2017, no. №3-4, pp. 22-25.
3. Volokhova N.V. *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii: Sb. mat. Mezhd. nauch. konf.* [The fate of national cultures in the context of globalization]. 2010, pp. 39-43.
4. Volokhova N.V., Kudrina E.A., Ustinovich E.S., Novikova T.P. *Model'nyy podkhod k kompetentnosti gosudarstvennogo sluzhashchego v usloviyakh modernizatsii gosudarstvennogo upravleniya* [Model approach to the competence of a civil servant in the conditions of modernization of public administration]. Monograph. Kursk: Delovaya poligrafiya, 2011, 152 p.
5. Vyalkova T.N. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2018, no. №2 (55), pp. 170-176.
6. Gorbunova N.V., Shelyakhina N.V. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2019, no. №2 (76), pp. 164-167.
7. Gus'kov Yu.V., Gus'kova T.V. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2019, no. 1 (19), pp. 8-16.
8. Egorov E.V., Amirov R.A. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2018, no. 9 (117), pp. 42-50.
9. Zemtsov S. P., Barinova V. A., Semenova R. I. *Forsayt*, 2019, no. 13(2). pp. 84-96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
10. Ivanov V.V., Malinetskiy G.G. *Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva* [Digital economy: myths, reality, perspective]. M: Russian Academy of Sciences, 2017, 64 p.

11. Kapranova L.D. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2018, part 11, no. 2, pp. 58-69.
12. Keshelava A.V. Budanov V.G., Rumyantsev V.Yu. et al. *Vvedenie v «tsifrovuyu» ekonomiku»* [Introduction to the digital economy]. M: VNII-Geosistem, 2017, 44 p.
13. Kovalev S. P., Sorokoletov P. V. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2018, no. 4 (112), pp. 53-62.
14. Kuznetsov N.V. *Regional'naya ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 1(57). <https://eee-region.ru/article/5709/>
15. Litvintseva G. P., Petrov S. P. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 2019, no. 16 (3), pp. 414-427.
16. Mazur M. Yu. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 2018, no. 71, pp. 226-241. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00110>
17. Neizvestnyy S. I. *Uchenye zapiski rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2018, vol. 17, no. 2 (147), pp. 5-14.
18. Okrepilov V.V. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 4 (162), pp. 4-10.
19. Pan'shin B. *Nauka i innovatsii*, 2016, no. 3(157), pp. 17-20.
20. Perov G.O. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*, 2018, no. 4 (64), pp. 62-68.
21. Pisareva O.M. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2018, no. 11(4), pp. 24-39.
22. Podgornyy B.B. *Formirovanie i perspektivy razvitiya sotsial'nogo polya rossiyskogo fondovogo rynka* [Formation and development prospects of the social field of the Russian stock market]. N. Novgorod, 2018, 44 p.
23. Podgornyy B.B. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2020, no. 2, pp. 279-301. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>
24. Podgornyy B.B. *Rossiyskiy fondovyy rynek kak sotsial'noe pole* [Russian stock market as a social field]. Kursk: Universitetskaya kniga, 2018, 328 p.
25. Popov M.V., Sukhorukova A.M. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2018, no. 4 (73), pp. 15-21.

26. Program “Digital Economy of the Russian Federation” 2017. Adopted by Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 N 1632-r On approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation”. <https://base.garant.ru/71734878/>
27. Teshev V.A., Khamukov A.A., Nekhay V.N. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2018, no. 2 (219), pp. 120-125.
28. Frolov V.G., Zakharov V.Ya., Kaminchenko D.I., Pavlova A.A. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, 2018, no. 4 (52), pp. 40-47.
29. Digital economy and Russian companies. The results of the all-Russian survey conducted by the NAFI company. 2017. <https://nafi.ru/analyt-ics/-bolshinstvo-rossiyskikh-kompaniy-ne-gotovy-k-tsifrovoy-ekonomike-/>
30. Yudina T.N. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2018, no. 4 (46), pp. 13-17.
31. Bourdieu P. Le champ litteraire. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1991, no. 89, pp. 3-46.
32. Kuvayeva Y.V. Digital economy: concepts and Russia's readiness to transition. *Journal of new economy*, 2019, no. 20 (1), pp. 25-40.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Подгорный Борис Борисович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
b.podgorny46@gmail.com

Волохова Наталья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
ул. Радичева, 29, г. Курск, 305000, Российская Федерация
volna-sha@rambler.ru

Обозная Мария Владимировна, магистрант кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
mapayoboz@mail.ru

Огурцова Альбина Юрьевна, магистрант кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
ogurtsova_96_96@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Philosophy and Sociology Department
Southwestern State University
94, 50 years of October Str., Kursk, 305040, Russian Federation
b.podgorny46@gmail.com
SPIN-code: 9090-2602
ORCID: 0000-0002-2972-3603
Scopus Author ID: 56179962200
Researcher ID: G-5862-2016

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy
Kursk State University
29, Radishchev Str., Kursk, 305000, Russian Federation
volna-sha@rambler.ru
SPIN-code: 4491-6439
ORCID: 0000-0002-7048-3509
Scopus Author ID: 571899517020
Researcher ID: T-7441-2018

Mariya V. Oboznaya, master's degree student of the Department of Philosophy and Sociology

Southwestern State University

94, 50 years of October Str., Kursk, 305040, Russian Federation

manayoboz@mail.ru

SPIN-code: 3520-6088

ORCID: 0000-0002-1122-0397

Albina Yu. Ogurtsova, master's student of the Department of Philosophy and Sociology

Southwestern State University

94, 50 years of October Str., Kursk, 305040, Russian Federation

ogurtsova_96_96@mail.ru

SPIN-code: 8654-3700

ORCID: 0000-0003-1173-0386

Поступила 31.08.2021

После рецензирования 12.09.2021

Принята 28.09.2021

Received 31.08.2021

Revised 12.09.2021

Accepted 28.09.2021

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-274-302

УДК 177

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ФИЛОСОФИИ ГУМАНИЗМА***Артюхин А.С.*

Безопасность личности является одной из важных составляющих национальной безопасности России. Серьёзный вызов экзистенциальной безопасности личности исходит от современных био-медицинских и информационных технологий, применение которых создаёт возможности для изменения биосоциальной природы человека. Искажение нравственного содержания философского принципа гуманизма в условиях Четвёртой промышленной революции породил распространение философии и идеологии трансгуманизма и постгуманизма. Внедрение в общественное сознание образов Трансчеловека и Постчеловека представляет собой глобальную угрозу для дальнейшего существования человечества.

Цель – проследить историческую трансформацию философии гуманизма, которая привела к формированию современных концептов Трансчеловека и Постчеловека.

Метод или методология проведения работы: в статье используется методология исторического и философского исследовательских подходов.

Результаты:

1) Дан краткий обзор развития понимания сущности человека и принципа гуманизма в истории философской мысли.

2) Показана опасность углубления разрыва между человеком и создаваемыми им технологиями, особенно в условиях Четвёртой промышленной революции.

3) Раскрыто содержание идеологии и философии трансгуманизма.

4) Рассмотрены различные образы Постчеловека, идущие на смену Homo Sapiens.

5) Указаны возможные негативные последствия для человечества попыток искусственного изменения природы человека.

Область применения результатов: научные дискуссии, экспертная деятельность, образовательный процесс.

Выводы:

1) Серьёзным вызовом безопасности личности в современном обществе является реализация на практике идей «кибернетической эволюции», ставящих под сомнение продолжение существования человека как биологического вида.

2) Философия классического гуманизма, основанная на признании человеческой жизни как высшей этической ценности, сегодня подвергается размышлению и искажению.

3) Успехи в развитии биомедицинских и информационных технологий создали благоприятные возможности для попыток пересмотра самой природы человека с целью продления продолжительности жизни и преодоления смертности, что выразилось в концептах Трансчеловека и Постчеловека.

4) Философия трансгуманизма и постгуманизма последовательно ведёт к уничтожению человеческой личности.

5) Задача глобального управления постчеловечеством значительно облегчается благодаря применению генных и информационных технологий.

Ключевые слова: личность; экзистенциальная безопасность; гуманизм; природа человека; гуманистический идеал; Четвёртая промышленная революция; биотехнологии; трансгуманизм; Трансчеловек; постгуманизм; Постчеловек; экзистенциальная катастрофа

THE INDIVIDUAL EXISTENTIAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE HUMANISTIC PHILOSOPHY

Artyuhin A.S.

Personal security is one of the important components of Russian national security. A serious challenge to the existential security of the individual comes from modern biomedical and information technologies, the

use of which creates opportunities for changing the biosocial nature of a person. The distortion of the moral content of the philosophical principle of humanism in the conditions of the Fourth Industrial Revolution gave rise to the spread of the philosophy and ideology of transhumanism and post-humanism. The introduction of Trans-human and Post-human images into the public consciousness is a global threat to the continued existence of mankind.

Purpose is to trace the historical transformation of the philosophy of humanism, which led to the formation of modern concepts of Trans-human and Post-human.

Methodology: the article uses the methodology of historical and philosophical research approaches.

Results:

1) A brief overview of the evolution of understanding of the essence of man and the principle of humanism in the history of philosophical thought is given.

2) The danger of deepening the gap between man and the technologies he creates is shown, especially in the conditions of the Fourth Industrial Revolution.

3) The content of the ideology and philosophy of transhumanism is revealed.

4) Various images of the Post-human, replacing Homo Sapiens, are considered.

5) The possible negative consequences for humanity of attempts to artificially change human nature are indicated.

Practical implications: scientific discussions, expert activity, educational process.

Conclusions:

1) A serious challenge to the security of the individual in modern society is the implementation in practice of the ideas of «cybernetic evolution», which call into question the continuation of human existence as a biological species.

2) The philosophy of classical humanism, based on the recognition of human life as the highest ethical value, is being blurred and distorted today.

3) *Advances in the development of biomedical and information technologies have created favorable opportunities for attempts to revise the very nature of man in order to prolong life expectancy and overcome mortality, which was expressed in the concepts of Trans-human and Post-human.*

4) *The philosophy of transhumanism and post-humanism consistently leads to the destruction of the human personality.*

5) *The task of global management of post-humanity is greatly facilitated by the use of genetic and information technologies.*

Keywords: *personality; existential security; humanism; human nature; humanistic ideal; Fourth Industrial Revolution; biotechnologies; transhumanism; Trans-human; post-humanism; Post-human; existential catastrophe*

Введение

Когда рассматривают проблемы национальной безопасности, обычно имеют ввиду противодействие различным угрозам обществу и государству: военным, политическим, экономическим, культурным, экологическим, информационным и другим. Не всегда уделяется должное внимание проблеме безопасности самой личности или всё сводится к формальным её аспектам, сводящимся главным образом к укреплению механизмов защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В недавно утверждённой Указом Президента РФ №400 от 2 июля 2021 года новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве самого первого национального стратегического приоритета указано (п. 26) «сбережение народа и развитие человеческого потенциала» [1]. Реализацию этого положения нельзя ограничивать только стандартными мерами демографического характера (повышение рождаемости и уменьшение естественной убыли населения), программами социальной защиты определённых категорий населения, поддержкой культурного творчества, развитием образования и т. д. Всё это, безусловно, важно делать, но хотелось бы обратить внимание на ещё более серьёзные вызовы безопасности личности, которые становятся всё более ак-

туальными в мире в начале XXI столетия и связаны с попытками пересмотреть суть самой природы человека.

Стремление определённых общественных сил изъять важные биосоциальные сущностные характеристики личности, всегда считавшиеся её неотъемлемыми свойствами, касающиеся как физического тела, так и сознания, не следует недооценивать. Технический прогресс, особенно в области биомедицины, генетики и информационных технологий, породил надежды на практическую реализуемость казавшихся ещё несколько десятилетий назад исключительно фантастическими и абсурдными идей совмещения деятельности человеческого мозга и компьютера, создания нанороботов и киборгов и даже превращения человека в неосязаемую голограмму. В этой связи и возникают угрозы экзистенциальной безопасности личности, ещё более серьёзные, чем экологические или материальные глобальные проблемы, с которыми сталкивается человечество, так как под сомнение ставится само существование человека как вида *Homo Sapiens*.

Поскольку проблема понимания природы человека носит ярко выраженный философско-антропологический характер, то и ответ на данный вызов должен быть дан в первую очередь в концептуальном плане. В этой связи представляет интерес процесс исторической трансформации философии гуманизма, которая всё в большей мере превращается сегодня в трансгуманизм и постгуманизм, за которыми теряется ценность самого человека. Сегодня всё чаще приходится слышать футурологические прогнозы, что XXI век будет последним для человека в традиционном его понимании и ему на смену придёт трансчеловек, а потом и постчеловек. Причём такое превращение трактуется в положительном ключе, как благо для человека. Возникает парадокс: гуманистическая философия, которая возникла ради защиты и развития человека, стала работать на его ликвидацию. Попробуем дать объяснение подобной трансформации.

Историческое развитие классической философии гуманизма

Термин «гуманность» происходит от латинского слова *humanitas*, что в переводе означает «человеколюбие», «сострадание». Смысл

гуманизма изначально заключался в готовности прийти на помощь, в заботе о других людях. В Толковом словаре русского языка В. И. Даля «гуманный» трактуется в значении «человеколюбивый, милостивый, милосердный» [4, с. 408]. Гуманизм рассматривается в строгих этических рамках.

В традиционном смысле гуманизм понимается как «особый тип философского мировоззрения, в центре которого – человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями» [22, с. 567]. Гуманизм подчёркивает лучшее в природе человека, возможность обуздания агрессивных и эгоистических естественных инстинктов человека с помощью механизмов культуры, ставит перед ним задачу морального совершенствования. Философия гуманизма предполагает обоснование идеала общества, основанного на высоких нравственных нормах и гармоничных межличностных отношениях. История гуманизма предстаёт прежде всего как эволюция человеческих качеств с древних времён до современности [14, с. 28].

Истоки гуманизма мы находим уже в античной философии. Он отождествлялся прежде всего с нравственными добродетелями, неотъемлемыми от человеческой природы: человеколюбием, состраданием, честностью, справедливостью и др. Осознание отделённости человека от окружающего природного мира и способности к рациональному мышлению привело к признанию права на моральные оценки. Вспомним известную формулу Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» [25, с. 244].

Сократовский призыв к самопознанию направлен на ясное осознание человеком своих реальных способностей и возможностях. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта эта позиция звучит так: «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живёт счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может

определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий» [12, с. 123]. Уже тогда Сократ предупреждал о том, что знания и мастерство («техника») в какой-либо области практической деятельности человека ещё не является для него благом. Всё зависит от того, как эти знания будут использоваться. Нет гарантии того, что они не будут применены во вред самому человеку. Здесь опять-таки приобретают значение моральные ограничения и добродетели. В этой связи уместно вспомнить и высказывание Аристотеля: «Тот, кто двигается вперёд в науках, но отстаёт в нравственности, тот более идёт назад, чем вперёд». Марк Туллий Цицерон связывал гуманность прежде всего с образованием, которое должно быть неразрывно связано со стремлением к добродетели, без которой человек не может гордиться достигнутыми знаниями. Это видно, например, в противопоставлении отношения Публия Сципиона и Гая Верреса к коринфским вазам [35, с. 92].

Если античный гуманизм выразился в признании важности для человека нравственных добродетелей, то христианский гуманизм исходил из предоставления человеку свободы воли, свободы выбора между добром и злом. Любовь к человеку возможна только через любовь к Богу как его творцу. Отсюда становится понятен гуманистический посыл христианского тезиса о любви к ближнему: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4:20).

Повышенный интерес к человеку и расцвет философии классического гуманизма связан с деятельностью представителей культуры итальянского Возрождения: Франческо Петрарка, Данте Алигьери, Марсилио Фичино, Лоренцо Валла, Джованни Пико делла Мирандола и др. Их гуманизм был основан на утверждении ценности самодостаточной личности, автономной от природы и Бога, способной быть творцом истории и своей судьбы, стремящейся к счастью и самореализации.

Наиболее ярко гуманистический порыв эпохи Возрождения получил в «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико делла Ми-

рандолы, где он объясняет причины, по которым человек является «самым счастливым из всех живых существ», «великим чудом, действительно достойным восхищения» [24, с. 248]. Замысел Бога в отношении человека объясняется так: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обзирать всё, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтёшь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные». Человек получает высшее право быть полновластным хозяином своей судьбы и может этим воспользоваться: «О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [24, с. 249].

Эразм Роттердамский ставит знание в качестве высшей цели человека, но только такое, которое «помогает благочестию больше, чем внешний вид, телесные силы или богатство» [38, с. 136]. Но при этом он предупреждает об опасности для человека отрыва знаний от их нравственных корней. В этом случае «лучше меньше знать и больше любить, чем больше знать и не любить» [38, с. 137]. Данная человеку свобода воли необходима для того, чтобы «бодро устремиться к лучшему» [39, с. 221].

Гуманистический идеал личности, способной к творчеству и созиданию, породил мечту об идеальном обществе, в котором все будут счастливы. Томас Мор в своей «Утопии» считал, что рациональная организация общественного труда, отсутствие принуждения к излишнему труду позволит властям государства достичь самой важной цели – «избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни» [19, с. 61].

Практическая нереализуемость утопических проектов вовсе не обесценивает их гуманистическое значение, а наоборот, способствует укреплению нравственной составляющей человеческой при-

роды. Как справедливо отметил Карл Манхейм, «полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества. Исчезновение утопии создаёт статическую вещьность, в которой человек и сам превратится в вещь» [15, с. 169]. Уже почти сто лет назад этот известный немецкий философ и социолог предупреждал об опасности для человека на фоне увеличивающегося господства над природой утраты способности к пониманию и созиданию истории. К сожалению, это печальный диагноз, поставленный К. Манхеймом, сегодня всё явнее подтверждается.

Подтверждаемая научно-техническими достижениями вера в разум человека как главную движущую силу его нравственного усовершенствования пронизывает всю философию Нового времени и Просвещения. Понимание высокого предназначения человека породило необходимость осознания общности самого человеческого рода, единства исторической судьбы всего человечества, не взирая на все возможные разделения между народами. Вершиной классического гуманизма является осознание недопустимости искусственного отделения судьбы отдельного человека от коллективной судьбы человечества. Эту мысль образно сформулировал английский поэт-классик Джон Донн: «...смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я один со всем человечеством, а потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе» [5, с. 226].

Неотъемлемой составляющей философии классического гуманизма является признание человеческой жизни как высшей этической ценности, сквозь призму которой должно рассматриваться всё остальное. Эту мысль особенно подчёркивает немецкий философ, гуманист, лауреат Нобелевской премии мира (1952) Альберт Швейцер: «Человек этичен лишь тогда, когда жизнь, как таковая, священна для него, будь то жизнь растений, животных или людей, и когда он с готовностью отдаёт себя любой жизни, которая нуждается в помощи. Только универсальная этика переживания безграничной ответственности за всё, что живёт, может иметь основу в мышлении. Этика отношения человека к человеку не может быть чем-то самодостаточным: это всего лишь конкретное отношение, выте-

кающее из общего отношения. Этика благоговения перед жизнью включает в себя всё, что можно охарактеризовать как любовь, самоотверженность, сострадание, соучастие в радости и стремлении другого существа» [37, с. 97]. Гуманизм призван «создавать ценности и осуществлять прогресс, служащий материальному, духовному и этическому развитию человека и человечества», он «объявляет духовное и этическое совершенствование человека наивысшим идеалом, и только при сопоставлении с ним все остальные идеалы прогресса получают свою истинную цену [37, с. 98]. А. Швейцер предупредил ещё в 1915 году об опасности отрыва прогресса от гуманистических ценностей: «Наше поколение усвоило веру в имманентную силу прогресса, происходящего до некоторой степени естественно и автоматически. Оно полагает, что не нуждается больше в каких-либо этических идеалах и может продвигаться к своей цели посредством одних только знаний и технических достижений» [37, с. 91].

Об опасностях разрыва между техникой, наукой и этикой пишет в своём последнем научном труде «Новые рубежи человеческой природы» основоположник гуманистической психологии Абрахам Маслоу. Уже к концу 60-х годов прошлого века 95% научных работ было «полностью посвящено чисто технологическим изменениям и совершенно оставляют в стороне вопросы о добре и зле, о правильном и ошибочном. Иногда всё это кажется едва ли не аморальным. Много говорится о новых машинах, протезах человеческих органов, о новых типах автомобилей, поездов и самолетов, а особенно – о всё больших и лучших холодильниках и стиральных машинах. Иногда, конечно, эта литература пугает меня – когда как бы между прочим говорится о возросших возможностях массового уничтожения, вплоть до угрозы гибели человечества... В любом случае совершенно ясно, что вопросы «усовершенствования» в очень большой мере касаются усовершенствования средств безотносительно к целям и без учёта той очевидной истины, что более мощное оружие в руках тупых или злых людей попросту означает более могущественную глупость или более могущественное зло. То есть на деле эти технологические «усовершенствования» могут быть скорее опасными, чем полезными» [37, с. 91].

ми» [17]. Любые проекты по «созданию хорошего человека» непродуктивны вне этического контекста.

Кризис европейской культуры на рубеже XIX–XX столетий, нашедший отражение в иррационалистической философии Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше, поставил под сомнение классические представления о гуманизме и прогрессе. Если ставить человека в качестве главной цели и высшей ценности, которой всё остальное должно подчиняться, то это означает позволить человеку делать всё, что он пожелает. Предоставление человеку максимальной свободы вовсе не гарантирует гуманности его поведения. Непомерный эгоизм, желание властвовать над окружающим миром далеки от высоких идеалов гуманизма.

Переосмысление гуманизма в контексте трагедий двух Мировых войн и других бедствий человечества в первой половине XX века было произведено в рамках философии экзистенциализма. Один из её основоположников Мартин Хайдеггер под гуманизмом в высшем смысле слова понимал «гуманизм, мыслящий человечность человека из близости к бытию. Но это вместе и гуманизм, в котором во главу угла поставлен не человек, а историческое существо человека с его истоком в истине бытия» [33, с. 208].

Гуманизм экзистенциальной философии, как это поясняет Жан-Поль Сартр, заключается в ориентации на человеческую субъективность: человек становится таким, каким сделает себя сам, но не по своему желанию, а в соответствии с «проектом бытия», «человек – существо, которое устремлено к будущему и сознаёт, что оно проектирует себя в будущее». Тем самым «экзистенциализм отдаёт каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [28, с. 323]. Экзистенциальный гуманизм предполагает ответственность не только за свой индивидуальный жизненный выбор, но и за судьбу всех людей: «выбирая себя, я выбираю человека вообще» [28, с. 324]. Делая свой экзистенциальный выбор, человек преодолевает самого себя, выходит за установленные пределы, преследует трансцендентные цели, он замкнут не на себя, а на весь человеческий мир. Подлинный гуманизм, по мнению

Ж.-П. Сартра, заключается в понимании человеком того, что «нет другого законодателя, кроме него самого, в заброшенности он будет решать свою судьбу; поскольку мы показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путём погружения в самого себя, но в поиске цели вовне, который может быть освобождение или ещё какое-нибудь конкретное самоосуществление» [28, с. 344].

Начиная с 60-х годов прошлого века всё острее стали заявлять о себе глобальные проблемы современности, связанные с ухудшением экологической ситуации, неуправляемым демографическим ростом населения планеты и пр. Возникла потребность в переосмыслении характера человеческих действий, более конструктивного использования тех технических возможностей, которыми стал обладать человек. Основатель Римского клуба Аурелио Печчеи увидел выход из наметившегося глобального кризиса в «изменении человеческих качеств», без чего все остальные принимаемые меры будут неэффективны. По его мнению, основу философии и стратегии «нового гуманизма» должны составить такие качества, как «чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию» [23, с. 214]. Развитие именно этих качеств, как считал А. Печчеи, способно переломить негативные тенденции в глобальном масштабе. Тем самым физическое выживание человечества ставится в зависимость от тех изменений, которые произойдут в душе и сознании человека.

Безграничный технический и экономический прогресс, рост материального благополучия, абсолютизация индивидуальной свободы так и не сделали человека бесконечно счастливым. Наоборот, люди всё больше чувствуют разочарование и крушение своих надежд на возможности потребительского общества. Об опасностях чрезмерного акцента на потреблении всего и вся, последовательно ведущего к дегуманизации личности, много писал в своих работах 60–70-х годов XX века немецкий философ и социолог Эрих Фромм. Обольщение человека своим могуществом, в конечном итоге, приведёт к установлению режима «технократического фашизма», в котором «дегуманизированный человек очень скоро утрачивает не только чувства, но и разум, а в безумии своём – даже инстинкт са-

мосохранения», что грозит планетарной катастрофой [30, с. 299]. В сформулированной Э. Фроммом концепции радикального гуманизма в качестве главной задачи ставится развитие человека, а «модель нового общества должна включать в себя требования к созданию неотчуждённого индивида, ориентированного на бытие, а не обладание» [30, с. 266]. «Новый человек», ориентированный на подлинное бытие должен суметь преодолеть свой эгоизм и нарциссизм, развивать в себе способность любить и служить другим людям, критически мыслить, ощущать своё единение со всем живым на земле, заниматься самопознанием и радоваться жизни [30, с. 258-261]. Свой проект Э. Фромм рассматривает не как очередную утопию, а как вполне реализуемую альтернативу «поклонению кибернетическому идолу» [30, с. 306].

В современном обществе технократические вызовы существованию человека дополняются биотехнологическими (нейрофармацевтика, клонирование, генная инженерия и др.). Среди значимых философских работ, вышедших в начале XXI века и посвящённых проблеме угрозы изменения самой человеческой природы вследствие проведения биотехнологических экспериментов, следует особо отметить труды Юргена Хабермаса [32] и Фрэнсиса Фукуямы [31].

Философия трансгуманизма и Трансчеловек

В начале XXI столетия в мире начался новый этап научно-технического прогресса, ведущего к становлению глобального информационного общества. Основатель Давосского экономического форума Клаус Шваб назвал нынешний этап мирового развития Четвёртой промышленной революцией, главной отличительной особенностью которой он обозначил «стирание граней между физической, цифровой и биологической сферами... революции в биотехнологиях и искусственном интеллекте заставят нас переосмыслить само понятие человека» [36, с. 122, 125]. На фоне зримых успехов этой революции нельзя закрывать глаза на её негативные последствия, которые «могут привести к роботизации человека и духовному отчуждению» [36, с. 125].

Начиная с эпохи Просвещения в обществе стал последовательно утверждаться культ техники, которая будет способна решить любые проблемы и трудности человека, проложить путь к социальному прогрессу и благополучию. Вера в блестящее будущее человечества являлась неотъемлемой чертой гуманистического мировоззрения. Долгое время превосходство человека над техникой не вызывало никаких сомнений: «Вера в почти безграничные возможности и всемогущество техники, человек, однако, закрывал глаза на то, что при всём своём могуществе техника лишена интеллекта, не способна к рассуждениям и не умеет ориентироваться в нужном направлении. И именно человек – её хозяин – призван модулировать и направлять её развитие» [23, с. 72]. Сегодня такая вера уже не выглядит столь очевидной. Пришло осознание того, что «всякий прогресс ведёт не только к количественному и качественному улучшению бытия человека в мире, но и к возникновению угрозы существования человечества, связанной с рисками и экзистенциальной напряжённостью» [20, с. 7]. На эту опасность, исходящую от достижений технического прогресса, пророчески указал основоположник кибернетики Норберт Винер: «Мы можем быть смиренными и спокойно жить в окружении машин-помощников или проявить самонадеянность и погибнуть» [Цит. по: 16, с. 18].

Одним из серьёзных вызовов современности является переосмысление самой природы человека и философских принципов гуманизма. Человек не удовлетворяется лишь господством над окружающей природой и материальным миром, а стремится к модификации самого себя на генетическом и нравственном уровнях, превращая себя в поле для различных экспериментов. Идея кардинального изменения природы личности легла в основу философии и идеологии трансгуманизма.

Понятие «трансгуманизм» начал разрабатывать ещё в 1957 году английский биолог Джулиан Хаксли в рамках своей синтетической теории эволюции. Он рассматривал трансгуманизм как новую идеологию для человечества, основанную на возможностях биологического и технического совершенствования человека, ставящую целью продление продолжительности жизни.

Идею кардинальной трансформации природы человека предложил в 1985 году японский социолог и футуролог Ёнедзи Масуда в статье в журнале «Futures». Он выдвинул гипотезу о замене в ближайшем будущем существующего биологического вида *Homo sapiens* новым эволюционным видом человека – *Homo intelligens* [18]. Этот эволюционный скачок становится возможным благодаря действию следующих факторов:

1). Разработка компьютера шестого поколения – биокомпьютера, представляющего собой искусственный мозг, но способный выполнять функции человеческого мозга. В том случае, «если работа биокомпьютера ... будет интегрирована с работой самой лобной доли мозга человека, информация и знания ... будут умножаться неограниченно» [18, с. 112].

2). Цифровые, оптические и спутниковые средства связи, электронный обмен информацией, автономные информационные сети, способные передавать не только информацию, но и эмоции.

3). Создание роботов третьего поколения, обладающих искусственным интеллектом, чувственной рассудительностью с помощью сенсоров и «способных делать умозаключения и обучаться самостоятельно» [18, с. 113, 114].

Новый вид *Homo intelligens* сохранит свой биологический облик и физиологию, но произойдут «значительные изменения в основных желаниях человека, образе жизни и шаблонах поведения», а в дальнейшей перспективе планируются «радикальные изменения в генах нынешнего человека» [18, с. 116, 115]. В качестве конечной цели Ё. Масуда видит объединение людей, обладающих «интеллектуальной информацией и знаниями» во «всемирное сообщество граждан», которое будет основано на «широком разнообразии всемирных добровольных информационных сетей граждан ... , общество похожее на живой организм с прямой связью с возможностью быстрого и динамичного ответа на изменения внешней среды» [18, с. 117]. Тем самым закладываются концептуальные основы для глобалистских проектов разделения человечества на новую элиту, состоящую из *Homo intelligens*, и остальную часть населения планеты, лишенную исторических перспектив своего существования.

Видным популяризатором трансгуманистического движения стал футуролог иранского происхождения Ферейдун Эсфендиари, выступавший за широкое внедрение в человеческое тело бионических имплантов, переход к искусственному размножению и распределённой индивидуальности. К числу значимых представителей современного трансгуманизма относятся: британский биолог Джон Холдейн, основатель американского Института крионики Роберт Эттингер, основатель британского Института экстропии Макс Мор, основатель Оксфордского Института будущего человечества Никлас Бустрём, английский философ Дэвид Пирс, инициировавший создание в 1997 году Всемирной трансгуманистической ассоциации (Humanity+).

Понятие «трансчеловека» не предполагает полной утраты человеком его органической сущности, а предполагает его усовершенствование с помощью технологий искусственного интеллекта, генной терапии, внедрение в организм наночастиц. Целью всех этих манипуляций является максимальное продление долголетия человека, а для этого хороши любые средства. Трансгуманизм последовательно выступает за устранение всех ценностных и социальных ограничений, которые мешают достижению поставленной цели.

Российское трансгуманистическое движение было организационно оформлено в 2003 году усилиями Дмитрия Рязанова и Даниила Медведева. Своей целью оно поставило поиск выхода за пределы естественных человеческих возможностей. Сторонники этого движения определяют суть своей идеологии следующим образом: «Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признаёт возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдание, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [27]. Цели заявлены благие, но умалчивается о негативных последствиях, связанных с изменением природы человека.

На более радикальных позициях стоят созданные в 2011 году российским экономистом и медиамагнатом Дмитрием Ильичом Ицковым Стратегическое общественное движение «Россия 2045» и по-

литическая партия «Эволюция 2045». В учредительном Манифесте движения ставится задача «широко пропагандировать новую идеологию управляемой эволюции человека на основе технологий кибернетического бессмертия, постоянного и целенаправленного движения вперёд, выращивания будущего высокоэтичного неочеловечества, непрерывного совершенствования общества, человека, его разума и тела» [26]. Человек, по сути, ставится на место Бога и объявляется готовым самостоятельно преобразовать свою биосоциальную природу, творя такие формы жизни, какие он пожелает. Провозглашается, что «конвергентное развитие новейших технологий открывает возможности создания таких самоорганизующихся систем, которые способны воспроизводить функции жизни и психики на небиологических субстратах. Это путь трансгуманистических преобразований, замены биологической эволюции кибернетической» [26].

Разработан даже конкретный план преобразования природы человека. Сначала планируется перейти от биологического тела человека к кибернетическому телу, дистанционно управляемому через нейроинтерфейс «мозг – компьютер». Затем предполагается создать тело из нанороботов с искусственно сконструированным человеческим мозгом. Конечной целью, намеченной для реализации к 2045 году, является полное устранение физической составляющей человека, превратив его в неосязаемое тело, функционирующее по принципу голограммы. Таким должен стать идеальный «человек» будущего как закономерный результат кибернетической эволюции. Как заявляет Д.И. Ицков, «неочеловечество изменит телесную природу человека, сделает его бессмертным, свободным, играющим, независимым от ограничений пространства и времени» [7].

Здесь ничего не говорится, что же в этом случае произойдёт с душой человека, его социальной и политической природой. Может ли считаться идеалом уподобление человека бездушному искусственному автомату? Ведь нейроинтерфейс, работающий по принципу сети, по логике трансгуманистов, позволит дистанционно управлять сразу несколькими телами. Трансгуманистическое будущее человека мыслится как безальтернативное, совершенно не учитывает другие сценарии для человека, который бы не захотел

«уподобляться создаваемым им же роботам и иным искусственным автоматам» [10, с. 299].

Первоначальная задача избавления человека от болезней, страданий, старости, ограниченности памяти, продления его жизни у трансгуманистов превращается в задачи по улучшению человека, целью становится «создание человека с заранее заданными свойствами», «преднамеренное реконструирование человеческого существа» [40, с. 523, 527]. Преодоление смертности человека в итоге решается трансгуманистами не как возможность вечного биологического существования, а сугубо технологически – «перегрузить содержание человеческого сознания в обширную компьютерную сеть и посредством этой сети обрести своего рода развоплощённое, но обладающее разумом бессмертие» [34, с. 23].

Стремление решить проблему смертности человека сугубо технологическими средствами даже в случае желаемого трансгуманистами успеха ведёт на самом деле к извращению природы и уничтожению человеческой личности. Известный российский историк и экономист В. Н. Катасонов по этому поводу замечает: «Нужно отчётливо понимать, что для чисто гуманистического, безрелигиозного понимания нет и не может быть никаких границ на пути технологического экспериментирования и утопического проектирования человека и социума. И в этом случае экспериментирование неизбежно будет порождать множество уродств и трагедий. Именно на этом пути возникают сегодня течения гендерных модификаций, клонирования и даже антропофагии. Всё это может привести к тотальной катастрофе самоуничтожения человечества... [8].

Учитывая декларированную трансгуманистами попытку отделить сознание человека от его тела, отменить все прежние человеческие ценности и чувства, вполне уместным выглядит определение философии трансгуманизма, предложенное В.А. Кутырёвым, как «наркотической философии» и «танатософии» [13, с. 82].

Философия постгуманизма и Постчеловек

Трансчеловек не является окончательным результатом «кибернетической эволюции». Он олицетворяет собой лишь переходный

(промежуточный) вариант формирования нового антропотипа, который получил, правда, тоже не очень определённое обозначение – Постчеловек. Один из идеологов трансгуманизма Макс Мор так описывает условия этого процесса: «Когда технология позволит нам преодолеть себя в психологическом, генетическом и нейрологическом аспектах, мы, ставшие трансчеловеками, сможем превратить себя в постчеловеков – существ беспрецедентных физических, интеллектуальных и психологических способностей, самопрограммирующихся, потенциально бессмертных, ничем не ограниченных индивидов» [Цит. по: 6].

Что же представляет собой это «существо»? По оценке С.С. Хоружего, «Постчеловек не имеет до сих пор принятого научного определения ни в качестве философского концепта, ни в качестве понятия из научно-технологической сферы» [34, с. 21]. Но всё же попытаемся обрисовать его образ.

Ожидается, что Постчеловек будет обладать некими сверхспособностями и свободных от ставших ненужными моральных ограничений. Это очень напоминает старый образ Сверхчеловека в философии Фридриха Ницше [21]. Радикально изменить природу человека мечтал и Л.Д. Троцкий в своей теории «мировой революции»: «Человек захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами собственного организма: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – и, в некоторых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку... Человек поставит себе целью ... создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека» [29, с. 196-197]. Тогда эта идея не могла быть реализована, но сегодня появились новые нано-био-генно-нейро-информационные технологии (*hi-hume*), на которые и возлагаются основные надежды по созданию Постчеловека.

Сторонники постгуманизма видят Постчеловека в различных образах: наноробот (замена биологических клеток человеческого орга-

низма наночипами), киборг (машиночеловеческий гибрид), мутант (существо с изменённым генотипом), клон (точное копированием генома), а то и вообще «химера» (существо без родственных связей с какими-либо живыми организмами, «ни на кого не похожее»). Наиболее популярной является модель киборга. Понятие о киборге (кибернетическом организме) был придуман нейропсихологом Манфредом Клайнсом и психиатром Натаном Кляйном в 1960 году и применялся в фантастической и медицинской литературе. Киборг – это не просто человек с внедрёнными в его сознание элементами искусственного интеллекта, речь идёт о полной невозможности функционирования организма без машинной составляющей.

Мотивом превращения человека в киборга становится всё более увеличивающаяся в современном обществе боязнь физической боли, которая выше даже страха смерти, отсюда – дискуссии об эвтаназии. Искусственные бионические импланты не могут испытывать боли в принципе. В современной медицине уже накоплен определённый опыт по протезированию ряда органов: кохлеарные и стволовые слуховые импланты, глазные электронные протезы, бионические протезы рук и ног. Ведутся исследования по созданию имплантов ряда внутренних органов человека. Предполагается, что традиционное медицинское освидетельствование утратит своё значение, ведь киборгу достаточно проходить обычный техосмотр с заменой изношенных органов.

Так ли фантастичен сюжет превращения людей в киборгов? Ведь очевидной является всё более увеличивающаяся зависимость человека от техники. Современному человеку, особенно молодёжи, трудно прожить даже несколько дней, а то и часов, без использования мобильного телефона и прочих гаджетов. Общение всё больше перемещается в виртуальную плоскость, всё больше поглощая время и силы человека. И когда-нибудь может наступить тот момент, когда человек окончательно и физически, и интеллектуально трансформируется в гомутера (неразрывное соединение человека и компьютера). Тотальная виртуализация сделает не столь сюрреалистической личностную идентификацию собеседника: «Да ты же – файл!». А с файлами можно поступать совершенно бесцере-

монно: создавать, редактировать, копировать и, конечно, удалять. Уничтожение человека превратится в обыденную стандартную операцию, не требующую никаких моральных сомнений. Вот сценарий решения проблемы демографической перенаселённости планеты.

Опасность интегрирования в человеческий мозг машинных элементов ведёт к его обезличиванию, полной утрате субъектности и даже внешней антропоморфности. Постчеловеку станут недоступны чувства, эмоции, творчество, красота. Техническое совершенствование облика сопровождается очевидным регрессом человеческой личности. Дело не сводится только к проблеме использования биотехнологий. Прав С.С. Хоружий в том, что «действительная опасность – отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя)» [34, с. 30]. Кроме того, редукция биологического до искусственного ради достижения предельной функциональности Постчеловека является удобным способом осуществления тотального контроля над сознанием и поведением. Речь не столько о широко обсуждаемых сегодня чипировании и нейролингвистическом программировании населения, а о создании 3D технологий, с помощью которых «нужное направление мыслей и действий будет задано при печати на биопринтере изначально посредством целенаправленно сформированных генетических свойств данного индивида» [11, с. 114]. Возможность этого становится возможным благодаря тому, что в 2003 году была завершена работа по расшифровке генома человека, а в апреле 2019 года было сообщено о первом бактериальном геноме, полностью созданном с помощью компьютера.

Заключение

Конец привычного нам облика человечества и переход в постчеловеческую стадию развития вовсе не является абсурдным сюжетом из фантастических фильмов и способом нагнетания страха, а вполне серьёзной угрозой экзистенциальной безопасности личности. Хотя кому-то такой проект может показаться весьма привлекательным. Операции по смене биологического пола, свобода выбора гендерной идентификации, вживление в тело имплантов и чипов, «генетическое

дизайнерство» уже сегодня входят в жизнь человеческого сообщества, навязываются в качестве культурной нормы, как одно из естественных прав и свобод человека. Можно ли считать Постчеловека идеалом будущего, можно ли его вообще будет называть человеком?

В какой мере этот вызов, связанный с применением биотехнологий для воспроизведения живых организмов, осознаётся на государственном уровне в России? На слушаниях в Совете Федерации, состоявшихся 30 сентября 2015 года, президент Курчатковского института, член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук указал на осуществимость «целенаправленного вмешательства в жизнедеятельность человека, даже в процесс эволюции», «фактически открывается возможность для воздействия на психофизиологическую сферу человека, причём очень лёгкую и простую... Существует обратная связь мозго-машинных интерфейсов или мозго-мозговых, когда вы можете создавать ложную картину действительности внутри человека». По оценке М.В. Ковальчука, цель технологического вмешательства в эволюционные процессы – «создать принципиально новый подвид *Homo sapiens* – «служебного» человека... сегодня биологически это становится возможным сделать. Свойство популяции «служебных» людей очень простое: ограниченное самосознание, и когнитивно это регулируется элементарно, мы с вами видим, что это уже происходит» [Цит. по: 9, с. 34-35]. Только сохранение жёстких этических ограничений по созданию и использованию биоинформационных технологий позволит предотвратить предстоящую экзистенциальную катастрофу человека.

Реальность такой угрозы получило признание на международном уровне. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш в обращении к Генеральной Ассамблее «О приоритетах Генерального секретаря на 2020 год» в качестве «четвёртого всадника Апокалипсиса» называет «тёмную сторону» цифрового мира: «Технологический прогресс стремителен, а мы не успеваем реагировать на него и даже понимать его суть. Несмотря на огромные преимущества, новые технологии способствуют совершению преступлений, разжиганию ненависти, фальсификации информации, угнетению и

эксплуатации людей и вторжению в частную жизнь... Искусственный интеллект раскрывает неожиданные способности и возможности, пугающие наше воображение. Создание автономного оружия, несущего смерть „без страха и упрёка“ со стороны его создателей и пользователей, порождает неприемлемую моральную и политическую обстановку» [3].

Особую опасность представляют собой генетические эксперименты над человеком, попытка подменить собой Творца в силу непомерной гордости, самовозвеличивания и готовности отбросить моральные принципы. В этой связи вызывает беспокойство недавнее заявление заместителя Председателя комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции А.Б. Выборного о планах по поэтапному введению в России геномной экспертизы [2]. Сначала её планируется распространить на мигрантов и лиц, совершивших уголовные и административные преступления, потом – на жертв преступления для оперативного установления личности, а в перспективе сделать обязательной для всех россиян. Создание в будущем государственного регистра геномной информации для хранения биоматериала граждан России, конечно, можно использовать не только для идентификации личности, но и для решения других научно-экспериментальных задач. Предстоящее введение внутрироссийских биометрических паспортов также укладывается в эту тенденцию.

Кто знает, может антиутопия Олдоса Хаксли о «новом мире» с отпечатком сапога солдата (а теперь – робота, киборга и т. п.) на лице человечества станет реальностью уже не столь отдалённого будущего. Ещё печальнее то, что это может быть навсегда.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года №400 // Собрание законодательства РФ №27 от 05.07.2021 (часть II). Ст. 5351.
2. В Думе не исключили поэтапное введение геномной экспертизы для всех россиян. URL: <https://www.interfax.ru/russia/801317> (дата обращения: 04.11.2021).

3. Гутьерреш А. Обращение к Генеральной Ассамблее ООН «О приоритетах Генерального секретаря на 2020 год». URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.1. А – З. М.: Русский язык, 2005. 699 с.
5. Донн Дж. По ком звонит колокол. М.: Энигма, 2012. 432 с.
6. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
7. Ицков Д. И. Путь к нечеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045». URL: <https://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Катасонов В.Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм. URL: <https://www.fondaltai21.ru/2020/01/09/katasonov-v-n-povaya-evolyucionnaya-utopiya-transgumanizm/> (дата обращения: 15.11.2021).
9. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: Монография. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с.
10. Кефели И. Ф. Трансгуманизм и «цифровой разум» – новые проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности // Информационная безопасность регионов России (ИБРР-2021). XII Санкт-Петербургская межрегиональная конференция. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2021 г.: Материалы конференции. СПб.: СПОИСУ, 2021. С. 298-299.
11. Комлева Н. А. Постчеловек как глобальный и индивидуальный социум и угроза // Глобализация: на грани реального и виртуального: Коллективная монография / Отв. ред. Н. А. Баранов. СПб.: ООО «Геополитика и безопасность»: ИД «Петрополис», 2020. 292 с.
12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Кн. IV. М.: Наука, 1993. 380 с.
13. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. 85 с.
14. Мамедов Н. М. Развитие гуманистических идей как глобальный процесс // Век глобализации. 2021. №1. С. 19-31.

15. Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С.113-169.
16. Маркофф Дж. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 406 с.
17. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 425 с.
18. Масуда Ё. Гипотеза генезиса Homo Intelligens // Геополитика и безопасность. 2013. №1. С.107-119.
19. Мор Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Ладомир: Наука, 1998. 463 с.
20. Моторина Л. Е. Исторические основания и смысловые границы понятия «постчеловек» // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2010. №3. С.5-10.
21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб. Лениздат, 2020. 352 с.
22. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В. С. Степина, Г. Ю. Семигина. Т.1. А – Д. М.: Мысль, 2010. 744 с.
23. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 313 с.
24. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология в двух томах. Т.1 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 248-265.
25. Платон. Теэтет // Платон. Сочинения в четырёх томах. Т.2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета: Изд-во Олега Абышко, 2007. С.229-328.
26. Российское стратегическое движение «Россия 2045». URL: <https://www.2045.ru> (дата обращения: 12.11.2021).
27. Российское трансгуманистическое движение. URL: <https://www.transgumanism-russia.ru> (дата обращения: 12.11.2021).
28. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
29. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
30. Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2008. 314 с.
31. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. 349 с.

32. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
33. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Бытие и время: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-221.
34. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. 2008. №2. С.10-31.
35. Цицерон М. Т. Речь против Верреса. Кн. IV. О предметах искусства // Цицерон М. Т. Речи: В двух томах. Т.1. Годы 81– 63 до н. э. М. – Л.: АН СССР, 1962. С. 59-109.
36. Шваб К. Четвёртая промышленная революция: Что она собой представляет и как на неё реагировать // *Геополитика и безопасность*. 2016. №1. С.122-126.
37. Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. 528 с.
38. Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С.90-217.
39. Эразм Роттердамский. Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С.218-289.
40. Юдин Б. Г. Сотворение Трансчеловека // *Вестник РАН*. 2007. Т.77. №6. С. 520-527.

References

1. National Security Strategy of the Russian Federation, approved. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Collection of Legislation of the Russian Federation No. 27 of 07/05/2021 (Part II). Art. 5351.
2. The Duma did not rule out the gradual introduction of genomic examination for all Russians. <https://www.interfax.ru/russia/801317>
3. Gut'erresh A. Appeal to the UN General Assembly "On the priorities of the Secretary-General for 2020". <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2020-01-22/remarks-general-assembly-priorities-for-2020>
4. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. М.: Russkiy yazyk, 2005, 699 p.

5. Donn Dzh. *Po kom zvonit kolokol* [For whom the bell tolls]. М.: Enigma, 2012, 432 p.
6. Devis E. *Tekhnognosis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Technognosis: Myth, Magic and Mysticism in the Information Age]. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2008, 480 p.
7. Itskov D.I. *Put'k neochelovechestvu kak osnova ideologii partii «Evolyutsiya 2045»* [The path to neo-humanity as the basis of the ideology of the Evolution 2045 party]. <https://www.2045.ru/articles/30840.html>
8. Katasonov V.N. *Novaya evolyucionnaya utopiya: transgumanizm* [New evolutionary utopia: transhumanism]. <https://www.fondaltai21.ru/2020/01/09/katasonov-v-n-novaya-evolyucionnaya-utopiya-transgumanizm/>
9. Kefeli I. F. *Asfatronika: na puti k teorii global'noy bezopasnosti: Monografiya* [Asfatronics: on the way to the theory of global security: Monograph]. SPb.: IPTs SZIU RANKhiGS, 2020, 228 p.
10. Kefeli I. F. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov Rossii (IBRR-2021). XII Sankt-Peterburgskaya mezhhregional'naya konferentsiya. Sankt-Peterburg, 27-29 oktyabrya 2021 g.: Materialy konferentsii* [Information Security of Russian Regions (ISRR-2021). XII St. Petersburg Interregional Conference. St. Petersburg, October 27-29, 2021: Conference Proceedings]. SPb.: SPOISU, 2021, pp. 298-299.
11. Komleva N. A. *Globalizatsiya: na grani real'nogo i virtual'nogo: Kollektivnaya monografiya* [Globalization: on the verge of real and virtual: Collective monograph] / ed. N.A. Baranov. SPb.: OOO «Geopolitika i bezopasnost'»: ID «Petropolis», 2020, 292 p.
12. *Ksenofont. Vospominaniya o Sokrate* [Xenophon. Memories of Socrates]. Book IV. М.: Nauka, 1993, 380 p.
13. Kutyrev V. A. *Filosofiya transgumanizma: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Philosophy of transhumanism: Educational and methodological guide]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, 2010, 85 p.
14. Mamedov N. M. *Vek globalizatsii*, 2021, no. 1, pp. 19-31.
15. Mankheyk K. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: Antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and utopian thinking: An anthology of foreign literature] / ed. V. A. Chalikova. М.: Progress, 1991, pp. 113-169.

16. Markoff J. *Homo Roboticus? Lyudi i mashiny v poiskakh vzaimoponimaniya* [Homo Roboticus? People and machines in search of mutual understanding]. M.: Al'pina non-fikshn, 2016, 406 p.
17. Maslou A. *Novye rubezhi chelovecheskoy prirody* [New frontiers of human nature]. M.: Smysl, 1999, 425 p.
18. Masuda E. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2013, no. 1, pp.107-119.
19. Mor T. *Utopiya. Epigrammy. Istoriya Richarda III* [Utopia. Epigrams. History of Richard III]. M.: Ladomir: Nauka, 1998, 463 p.
20. Motorina L. E. *Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya»*, 2010, no. 3, pp. 5-10.
21. Nitsshe F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. SPb. Lenizdat, 2020, 352 p.
22. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia] / eds. V. S. Stepin, G. Yu. Semigin. Vol.1. A – D. M.: Mysl', 2010, 744 p.
23. Pechchei A. *Chelovecheskie kachestva* [Human qualities]. M.: Progress, 1985, 313 p.
24. *Estetika Rennsansa: Antologiya v dvukh tomakh* [Aesthetics of the Renaissance: An anthology in two volumes]. Vol. 1 / ed. V. P. Shestakov. M.: Iskusstvo, 1981, pp. 248-265.
25. *Platon. Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Plato. Works in four volumes]. Vol. 2. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta: Izd-vo Olega Abyshko, 2007, pp. 229-328.
26. Russian strategic movement “Russia 2045”. <https://www.2045.ru>
27. Russian transhumanist movement. <https://www.transgumanism-russia.ru>
28. Sartre Zh.-P. *Sumerki bogov* [Twilight of the gods] / ed. A. A. Yakovlev. M.: Politizdat, 1989, pp. 319-344.
29. Trotskiy L. D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and revolution]. M.: Politizdat, 1991, 400 p.
30. Fromm E. *«Imet'» ili «byt'»* [“To have” or “to be”]. M.: AST, 2008, 314 p.
31. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. M.: AST: LYuKS, 2004, 349 p.
32. Khabermas Yu. *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. M.: Ves' mir, 2002, 144 p.

33. Khaydegger M. *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and time: Articles and speeches]. M.: Respublika, 1993, pp. 192-221.
34. Khoruzhiy S.S. *Filosofskie nauki*, 2008, no. 2, pp.10-31.
35. Tsitseron M. T. *Rechi: V dvukh tomakh. T. 1. Gody 81– 63 do n. e.* [Speeches: In two volumes. T.1. Years 81-63 BC]. M. – L.: AN SSSR, 1962, pp. 59-109.
36. Shvab K. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2016, no. 1, pp. 122-126.
37. Shveytser A. *Zhizn' i mysli* [Life and thoughts]. M.: Respublika, 1996, 528 p.
38. *Erazm Rotterdamskiy. Filosofskie proizvedeniya* [Erasmus of Rotterdam. Philosophical works]. M.: Nauka, 1986, pp. 90-217.
39. *Erazm Rotterdamskiy. Filosofskie proizvedeniya* [Erasmus of Rotterdam. Philosophical works]. M.: Nauka, 1986, pp. 218-289.
40. Yudin B.G. *Vestnik RAN*, 2007, vol. 77, no. 6, pp. 520-527.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Артюхин Антон Сергеевич, доцент кафедры экономики и финансов, кандидат политических наук
*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Институт экономической безопасности
ул. Подгорная, 17, г. Выборг, Ленинградская область, 188800,
Российская Федерация
antsart@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anton S. Artyuhin, Associate Professor, Candidate of Political Sciences
*Pushkin Leningrad State University, Institute of Economic Security
17, Podgornaya Str., Vyborg, Leningrad region, 188800, Russian
Federation
antsart@yandex.ru*

Поступила 14.12.2021

После рецензирования 17.12.2021

Принята 28.12.2021

Received 14.12.2021

Revised 17.12.2021

Accepted 28.12.2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ИНДИГЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГГ. Ахметова А.В., Бобышев С.В.	14
ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ) Молчанова В.В.	32
ПРОФЕССОРА ЕСТЕСТВЕННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ 1850–60-Х ГГ. И «ВТОРИЧНЫЙ ИМПОРТ» НАУКИ Жарова Е.Ю.	53
СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РПЦ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1945–1953 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ) Гусева Я.Ю.	78
ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРИАМУРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ Черная Е.В.	100
ЭТНОМОНИТОРИНГ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ ЖИТЕЛЯМИ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ Титова Е.В., Ландик Л.П.	117
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВОВАНИИ НА СЕВЕРЕ ЯКУТИИ В КОНЦЕ 1980-Х – В 1990-Е ГОДЫ Санникова Я.М.	150

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ**

Помазкова Е.В. 163

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ФУНКЦИЙ РЕЛИГИИ

Рыбакова О.Б. 181

**ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СТАТЬЯХ «ЕЖЕГОДНИКА МУЗЕЯ
ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА АКАДЕМИИ НАУК СССР»**

Пызиков Д.Д. 196

**СПЕЦИФИКА ОНЛАЙН КОММЕРЦИИ ПОКОЛЕНИЯ Y
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

Яньшина И.В. 214

**ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ ДОСУГА И ДОСУГОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Мишина Т.В. 225

**РАЗВИТИЕ ИДЕЙ СТРУКТУРАЛИЗМА
И ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА**

Варыгина Л.Б. 236

**СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
ОБЪЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ**

**Подгорный Б.Б., Волохова Н.В.,
Обозная М.В., Огурцова А.Ю.** 247

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ФИЛОСОФИИ ГУМАНИЗМА**

Артюхин А.С. 274

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 303

CONTENTS

HISTORY STUDIES

THE ACTIVITIES OF THE UNITS OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE RED CROSS AND THEIR INFLUENCE ON THE HEALTH STATE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST IN THE 1920S. Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.	14
INFLUENCE OF NATURAL-GEOGRAPHICAL CONDITIONS ON THE FORMATION OF THE TOURIST INDUSTRY (ON THE EXAMPLE OF ASTRAKHAN REGION) Molchanova V.V.	32
PROFESSORS OF LIFE SCIENCES DEPARTMENTS OF THE UNIVERSITIES OF RUSSIAN EMPIRE IN THE 1850S – 1860S AND THE “SECOND IMPORTATION” OF SCIENCE Zharova E.Iu.	53
COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1945–1953 (BASED ON THE SARATOV VOLGA REGION MATERIALS) Guseva Ya.Yu.	78
POLICY OF THE VREMENNOGO PRIAMURSKOGO GOVERNMENT IN RELATION TO ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT BODIES Chernaya E.V.	100
ETHNOMONITORING OF THE PERCEPTION OF MIGRANTS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION Titova E.V., Landik L.P.	117

SOME ASPECTS OF SOCIAL CHANGE
IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF THE NORTH
OF YAKUTIA IN THE LATE 1980S – 1990S
Sannikova Ya.M. 150

PHILOSOPHICAL STUDIES

THE ECONOMIC CONSCIOUSNESS OF MODERN BUSINESSMANS
Pomazkova E.V. 163

SYSTEMIC CHARACTER OF THE FUNCTIONS OF RELIGION
Rybakova O.B. 181

THE HISTORY OF ORTHODOXY
IN THE ARTICLES OF THE «YEARBOOK» OF THE STATE
MUSEUM OF THE HISTORY OF RELIGION AND ATHEISM
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
Pyzikov D.D. 196

SPECIFICS OF GENERATION Y E-COMMERCE IN SOCIAL
NETWORKS
Yanshina I.V. 214

REFLECTING THE ROLE OF LEISURE AND LEISURE
PREFERENCES OF YOUTH IN MODERN SOCIETY
Mishina T.V. 225

DEVELOPMENT OF IDEAS OF STRUCTURALISM
AND POSTSTRUCTURALISM IN SOCIAL PHILOSOPHY
OF THE XX CENTURY
Varygina L.B. 236

THE SOCIAL FIELD OF THE RUSSIAN DIGITAL ECONOMY:
OBJECTIVE MODEL
**Podgorny B.B., Volokhova N.V.,
Oboznaya M.V., Ogurtsova A.Yu.** 247

THE INDIVIDUAL EXISTENTIAL SECURITY
IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE HUMANISTIC
PHILOSOPHY

Artyuhin A.S.	274
RULES FOR AUTHORS	303

Подписано в печать 31.12.2021. Дата выхода в свет 31.12.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,23. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP134/021. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.